

Марина Ефиминюк

ОТДАМ
ДРАКОНА
В ХОРОШИЕ РУКИ!

Annotation

Однажды владыка южных драконов пожелал мою руку и сердце. И я отказала. Мое сердце отдано бестиологии, а без рук нечисть никак не поймает. Однако владыка коварен, как сто крылатых, и, похоже, по-прежнему хочет жениться.

В общем, девицы, у меня дракон заваялся. Никому бесхозный не нужен? Отдам за ради бога. Только потом не жалуйтесь и не смейте его возвращать!

- [Отдам дракона в хорошие руки!](#)
    - [Пролог](#)
    - [Глава 1. Драконам не отказывают](#)
    - [Глава 2. Бестиолог с опытом](#)
    - [Глава 3. Гостеприимство по-драконьи](#)
    - [Глава 4. Дружба по заветам драконов](#)
    - [Глава 5. Круговорот подарков](#)
    - [Глава 6. Любимица нечисти](#)
    - [Глава 7. Отдам дракона в хорошие руки](#)
    - [Глава 8. Сокровище владыки](#)
    - [Глава 9. Традиции варваров](#)
    - [Глава 10. На краю географии](#)
    - [Глава 11. Сад каменных драконов](#)
    - [Эсхард нордвей](#)
    - [Эпилог](#)
-

Отдам дракона в хорошие руки!

Пролог

— Все пропало! — врываясь в гостиную, воскликнула маменька и потрясла свитком со вскрытой королевской печатью. — В королевство приезжает... прилетает... прибывает владыка южных драконов! Твою сестру пригласили во дворец на бал в его честь! Кошмар!

— Почему кошмар? Отличная новость, — отозвалась я и вонзила иголку в вышитое коричневое пятно. Вообще-то, пыталась вышить шмеля, но получилось пятно. С успокоительным рукоделием у меня всегда имелись большие проблемы.

— Ты издеваешься над бедной матерью? — Родительница взмахнула злосчастным свитком, и в воздух осыпался дождь из затухающих магических искр. — Лиза в интересном положении!

— Насколько оно интересное? — не поняла я.

— Да интереснее не бывает!

— Она беременна? — От удивления у меня изогнулись брови. — Да, в таком случае, на бал к драконам ей вряд ли стоит ехать. Кстати, поздравляю нас с пополнением.

— Виталия, приди в чувство! — рявкнула мать. — Твоей сестре девятнадцать. Она не замужем и ждет ребенка от боевого мага!

— Неужели? — пробормотала я.

— Ты меня режешь без ножа!

Матушка плюхнулась на козетку в позе женщины, теряющей сознание. Видимо, мое «неужели» прозвучало страшной издевкой, а я-то не издевалась. Просто вернулась в поместье только вчера поздним вечером и решила, что Лиза поправилась на сдобных булочках с марципаном.

— Почему Лиза еще не замужем? Тебе не понравился боевой маг?

Взглядом я нашарила на столике графин, надеясь добыть родительнице, всю жизнь склонной к театральным обморокам и показным истерикам, стакан воды. Графин оказался смертельно пуст. Смертельно, безусловно, не для мамы, а для моей нервной системы.

— Подлец сбежал! — с надрывом в голосе проговорила она.

— Не повезло, — покачала я головой и под давлением укоряющего взгляда уверила: — Думаете, нам стоит объявить его в

розыск?

— Нет, ты точно хочешь моей смерти!

— Да позвольте, матушка, кто пожелает любимой родительнице подобного? — возмутилась я.

— Тогда езжай на бал ты! — Она протянула в мою сторону свиток.

— Я? — уточнила у нее. — Мама, мне двадцать шесть...

— Будет осенью.

— Осенью мне будет двадцать шесть. Вам не кажется, что позновато для первого в жизни бала? Отправьте Елену, — предложила я кандидатуру кузины. — Они с Лизой ровесницы. И даже внешне похожи. Никто не заметит подмены. Надеюсь, кузина не в интересном положении?

— Нет, — сухо ответила мать. — Она замужем.

— Да ладно? — Я даже в лице поменялась и отложила пяльцы с пятном вместо шмеля. — Давно?

— Уже год, как отпраздновали. Если ты начнешь изредка читать письма из дома, то будешь в курсе последних новостей. Я надеялась, что они разбегутся, мы бы ее мужа подобрали, обогрели, разули... — Мама кашлянула. — Но не случилось. Живут душа в душу.

— А где я была, когда она замуж выходила? — уточнила я, почему не получила приглашения.

— Полагаю, таскалась по какому-нибудь непроходимому болоту и искала любимую нечисть! — с чувством воскликнула матушка.

Карьеру бестиолога, специалиста по нечисти, она никогда не одобряла. По большей части, потому что нечисть водилась не в нашем родовом поместье Егорьевых, а в таких местах, от одного названия которых благородные дамы утыкали носы в баночки с нюхательными солями.

— Увольте, маменька, с чего мне любить нечисть? — поморщилась я.

— Это тебе следовало уволиться! — завела она любимую шарманку. — Вся жизнь насмарку.

Вообще-то, я уже подала в отставку и приехала в родовое поместье в отпуск. Вернее, меня подали и отправили. Паразиты! А все из-за Евгения Крована, решившего, что залезть под юбку к бестиологу — отличная идея. Я и юбку-то надела в первый раз за два года, а тут

такая неловкость: его дрожащие жадные руки, задирающие длинный подол. Как он в этом подоле не запутался?

И все бы ничего, но Евгений — сын ректора, а таких сыновей бить нельзя. Ничем! Ни кулаком в глаз, ни заклятием, ни тем более заклятием, зажатым в кулаке. Иначе можно довести себя до пялец и вышивания монструозного шмеля в маменькиной гостиной. Позорище!

И шмель — позорище, и ситуация...

— Послушай, если хочешь, чтобы твоя старая мать была здорова и довольна, то просто езжай во дворец вместо сестры, — с жаром заговорила мама, воспользовавшись паузой. — Мы еще успеем сшить тебе белое бальное платье!

— Белое платье? Мне? — повторила я, не пытаясь скрыть скептицизм в голосе. — Мама, мне почти двадцать шесть, и я профессиональный бестиолог.

— Зачем ты снова напоминаешь своей несчастной матери, какая ужасная жизнь у ее старшей дочери? — Она решительно всхлипнула и начала хлопать себя по бокам, выискивая носовой платочек.

— Простите, что напоминаю об этих печальных фактах, но в моем возрасте и с моей специализацией впору шить белый саван, а не бальное платье.

— У Лизы розовое! — воскликнула она. — Даже шить ничего не надо. Сходишь на бал к драконам, вернешься и дальше помчишься ловить свою нечисть. Тебе за драконов замуж не выходить.

— Надеюсь.

— Виталия, — в голосе родительницы появились стальные ноты. — Ты же не хочешь, чтобы честь нашей семьи была опорочена? Что бы на это сказал твой покойный отец?

Что стоит боевых магов оглушать, связывать и тащить к венчальному алтарю, едва они появляются в трех шагах от юной девушки, воспитанной на любовных романах.

Я посчитала, что отвечать на риторический вопрос не имеет смысла... И через неделю стояла перед зеркалом в перешитом розовом платье. Перешивали по большей части верх. Булочки с марципаном подарили младшей сестре некоторое телесное богатство еще до встречи с боевым магом.

Лиза порхала вокруг меня и прищипливала на кружева живые цветы. Она обладала магией растений. Скорее всего соцветья, приколотые к волосам и платью, не завянут до самого утра. Хватит отскакать весь бал и домой вернуться.

— Виталия, ты выглядишь очаровательно! — охала маменька, от умиления складывая руки. — Как будто тебе снова девятнадцать!

С недовольной миной я смотрела на свое отражение и никак не могла взять толк, каким образом влипла в дурацкую авантюру. Какой к болотной нечисти бал? Я даже танцевать не умею!

Глава 1. Драконам не отказывают

Я сбежала с бала еще до начала танцев. Не в родовое поместье, как хотелось бы, а на балкон. Тихое и уютное место с креслицем и напольной вазой. Главное, близко не подходить к высоким перилам. Вдруг кому-то, глядя на меня, тоже захочется сбежать.

Внизу шумел народ. Все с возрастающим нетерпением ждали гостей из Хайдеса, южных драконьих земель. Короля тоже ожидали со всем усердием и любовью, но первых — усерднее. Его величество верноподданные видели не раз, а драконы в Родолесс явились впервые. Говорили, что их прибыла всего-то жалкая дюжина, а незамужних девиц свезли во дворец больше сотни...

На столике добрые слуги оставили поднос с полным графином вина и хрустальные бокалы. В бальной зале до приезда короля ничего крепче пунша и лимонной воды не подавали. Видимо, чтобы дебютантки не набирались до танцев. Но сейчас мне никто не мешал разбавить вином удручающе скучное питье.

Только я сняла резную крышечку и принялась к графину, как дверь открылась. На пороге замер незнакомый мужчина. Мы оба застыли. Очевидно, ни один из нас не ожидал столкнуться с кем-то в тайном месте.

С первого взгляда стало очевидным, что незнакомец — не человек в полном смысле этого слова, а по большей части таковым притворяется. На балкон собственной персоной появился один из прибывших в Родолесс драконов.

Он был по-особенному крупным, даже мощным. Рукава черного камзола облегали сильные руки, а не болтались, как у местных щуплых модников. Черты лица крупные и выразительные, глаза — темные и насмешливые. Медные волосы собраны в хвост, на лице ухоженная темно-рыжая борода. Никогда не любила бородатых мужчин, но именно этому шло: подчеркивало маскулинность.

Дракон перевел внимательный взор на полный графин в моих руках. Подозреваю, выглядело так, будто я по-простому хлебала вино прямо из горлышка.

— Вам налить? — не смутившись, предложила ему.

— Достойное? — спросил он низким голосом с заметным акцентом.

— Еще не пробовала.

— Кем бы я был, если бы заставил даму разливать выпивку? — с неожиданной иронией проговорил дракон, переступая через порог. Кто-то снаружи тихо закрыл за ним дверь.

Двигался он плавно, никаких резких движений. Забрал из моих рук графин, разлил вино по бокалам. В голове постоянно крутилась странная мысль, что в прошлом столетии о драконах рассказывали в учебниках по бестиологии. В разделе о двуликих хищниках. Если что, учебники лет полвека назад переписали. Драконов приняли за цивилизованную расу. Цивилизованные хищники.

— Что вы здесь делаете? — спросил он, протягивая мне наполненный бокал.

— То же, что и вы, — ответила я. — Сюда меня привел долг. Я подменяю сестру.

— Я про балкон, — насмешливо подсказал он, обведя бокалом тесный закуток.

— Пытаюсь сохранить семейную гордость.

— Прячетесь от навязчивых поклонников? — хмыкнул гость из Хайдеса.

— Вы видите занавески в зале? — спросила я, а когда он сделал шаг к перилам, предупредила: — Не подходите близко, вас будет заметно снизу.

— Что не так с занавесками? — уточнил он.

— Занавески красивые. Я с ними сливалась, — ответила я со смешком. — Такой конфуз.

Розовое платье Лизы действительно удивительным образом совпадало по колеру с шелковыми занавесками. Как из них сшили. Повезло, что перед отъездом матушка слегла с кровавым давлением и не видела этого кошмарного провала. Упала бы в обморок прямоком на танцевальном паркете.

— Вы выглядите чудесно, — галантно соврал дракон.

— В розовом платье моей сестры? Да вы настоящий льстец! — развеселилась я и протянула бокал: — Виталия Егорьева.

— Эсхард Нордвей, — без лишней драмы, что женщина представилась первой, ответил он и тихо звякнул своим бокалом о мой.

— Будем знакомы, *вайрити*^[1] Егорьева.

Сложную для произношения иноземцев фамилию новый знакомый исковеркал, зато обращение к незамужним девушкам на драконьем языке сказал так красиво, что заслушаешься. Обычно *рамейн* — по-простому драконий язык, — звучал резко и надрывно, как будто драконы не разговаривали, а друг на друга насылали проклятья. Говорила я на нем, правда, не очень бодро, зато понимала недурственно. Не зря пять лет зубрила во время учебы в академии.

— Приятно познакомиться, господин Нордвей, — согласилась я.

Мы одновременно пригубили вино и... ошарашенно застыли. В графине притаился морс из горько-кислой розверины, растущей на севере королевства! Язык от адского пойла вязало, челюсть сводило, и в целом меня знатно перекосило. Дракон оказался выносливее и не скривился, но веко на правом глазу выразительно сократилось, и на долю секунды зрачки вдруг сделались вертикальными.

— Стесняюсь спросить, — выдохнул он, — что налито в кувшин вместо вина? Яд?

— Традиционный северный морс, — прокряхтела я. — Добро пожаловать в Родолесс. В нашем королевстве знают толк, как встречать гостей.

Бокалы мы отставили. И пока я ломала голову, как красиво вернуться в бальный зал, дверь приоткрылась. В тесное убежище попытался проникнуть еще один человек, в смысле, дракон. Роста он был высокого, телосложения крепкого, светлые волосы доставали до пояса.

— Выйди, — коротко бросил Эсхард на родном языке и спас маленький балкон от явного перевеса, а дворец от неминуемого разрушения, если бы под нами провалился пол.

— Здесь женщина, — оповестил блондин.

— Разве?

И даже мне стало очевидным, что ему приказывают притвориться, будто девица в розовом абсолютно прозрачная. Да что там прозрачная? Невидимая!

Блондин бросил на меня насмешливый взгляд и молча отступил назад.

— Илайс, — сдержанно позвал Эсхард, — фляжку дай.

— Я не... — Тот замялся, но все-таки вытащил из внутреннего кармана крошечную золотую фляжку.

Дверь за ним закрылась. Мы остались вдвоем. Эсхард раскрутил крышку и протянул мне фляжку.

— Сначала вы, — отказалась я первой пробовать неизвестный напиток.

Ни секунды не колеблясь, дракон сделал глоток. Фляжка перекочевала в мои руки. Я прекрасно понимала, что изображать из себя трепетную девицу поздновато, и тоже чуток отхлебнула. Горло опалило крепким бренди.

— В кармане вашего друга яблочной дольки на закуску не найдется? — пошутила я, возвращая ему выпивку. — Боюсь, что после пары глотков брошусь в пляс.

— Не любите веселье?

— Прогуляла все уроки танцев.

Возникла долгая пауза. Не приближаясь к перилам, Эсхард внимательно наблюдал за тем, что происходило внизу. Следил за людьми в их естественной среде обитания. Как настоящий хищник.

— Заранее подбираете для своего владыки достойную пару? — не удержалась я, и он перевел на меня вопросительный взгляд. — Иначе зачем вы спрятались на балконе, пока в бальной зале ожидает толпа народа? У нашего короля сын, племянницы давно отданы замуж. Вряд ли во дворец пригласили толпу юных аристократок, чтобы просто устроить танцы.

— Сколько вам лет, госпожа Егорьева? — вдруг спросил Эсхард и вновь передал мне бренди.

— Я старше, чем выгляжу в розовом платье, — развеселилась я и, отсалютовав, сделала очередной глоток. — Теперь ваша очередь отвечать на бестактный вопрос.

— Не стесняйтесь, — кивнул он и забрал из моих рук почти ополовиненную фляжку.

— Мне действительно любопытно. Вы прилетели в Родлесс на своих двоих?

Дракон удивленно выгнул бровь, попросив об уточнении. Пришлось потрясти пальцами, изображая крылышки.

— Порталом, — с ухмылкой подсказал он.

— Да, это наверняка удобнее. — У меня вырвался смешок. — Продолжаем задавать невежливые вопросы? Ваша очередь.

— *Ты же понимаешь рамейн?* — внезапно произнес он на драконьем языке, лихо отбросив формальности. Никакого безопасного официоза, словно мы много лет были близкими друзьями.

— Что вы сказали, господин Нордвей? — с вежливой улыбкой переспросила я.

— *Не лги мне,* — проговорил он на рамейне с мягкими, но властными интонациями.

Внезапно по дворцу разнесся глубокий басовитый удар в барабан, означающий, что король прибудет в течение десяти минут. Всем верноподданным следует собраться в бальной зале, чтобы душевно и с большой любовью поприветствовать монарха.

— Мне пора. Увидимся внизу.

Шагнув к двери, я попыталась опустить ручку, но та застряла. Выглядело так, словно нас заперли. Нервно покосившись на Эсхарда, я обнаружила, что он преспокойно стоит спиной, прихлебывает из фляжки остатки бренди и внимательно наблюдает за бальным залом.

— Не выходит? — не оборачиваясь, спросил он на рамейне, и столько в его низком голосе прозвучало ехидства, что даже смешно сделалось.

— Господин Нордвей, дверь заклинило, — пожаловалась я.

Он повернулся. Глаза смеялись, в рыжей бороде пряталась ухмылка.

— Откройте для вайрити, — негромко произнес на родном языке.

Дверь осталась бедственно неподвижной. Никто и не думал выпускать меня наружу.

— По-моему, вас не услышали. — Я взяла дело в свои руки, в смысле, в кулак: громко и требовательно постучалась. — Господа, даме очень надо выйти! Пожалуйста, откройте дверь.

Тишина. Пришлось пробудить магию, хотя мне искренне не хотелось портить замечательный балконный интерьер. По бронзовой ручке пробежали искры, перекинулись на деревянную поверхность, а потом дверь вздрогнула. Раздался звон. С другой стороны выпала ручка, с нашей — осталась целой и удручающе заблокированной.

— Издевательство какое-то, — процедила я, начиная злиться.

Использовать боевую магию — всегда дурная идея и легкий способ испортить... все.

— Подвинься. — Эсхард решительно отодвинул меня с дороги и с силой нажал на ручку. Бронзовая загогулина осталась у него в кулаке.

— Сломалась, — прокомментировала я.

С самым невозмутимым видом дракон передал мне злосчастную ручку:

— Подержи.

Он поднажал мощным плечом. Дверь слетела с петель и с грохотом плашмя упала в пустой коридор. Драконы нас заперли и куда-то улетели! Возможно, в прямом смысле слова.

— Пожалуй, я не стану рассказывать об этом матушке, — ошарашенно заключила я.

— Строгая?

— Впечатлительная.

— Прошу. — Эсхард галантно указал рукой в развороченный дверной проем, словно предлагал выйти из комнаты через широко раскрытые дворецким ворота.

— Хорошего вечера, господин Нордвей, — попрощалась я и попыталась всучить дракону бронзовый кусок дворцовой собственности: — Возьмите на память.

— Оставь себе, — немедленно отказался он.

Тишину потревожили два тяжелых удара в барабан, означавшие, что король уже не просто обул туфли и натянул парик, а бодрым шагом направляется к гостям.

— Просто возьмите. — Я ловко втюхала ручку Эсхарду. — Подарите своему владыке сувенир из Родолесса.

Пока мы с гостем крушили дворец, атмосфера в бальном зале накалилась. В воздухе, охлажденном магическими кристаллами, разливалась не только ядреная смесь из духов, но и нервное нетерпение.

Барабан ударил три раза, когда я добралась до окна. Магические огни вспыхнули ярче, зал залил пронзительный белый свет. На подоконнике обнаружились мои бальные перчатки. Перед побегом я их с наслаждением стянула с рук и забыла. Надевать их времени не осталось. Пришлось запихнуть в маленькую бальную сумочку. Та распухла, как будто переела. Из затянутой на шнурок горловины вылез

один перчаточный палец. Потыкала, пытаясь его заправить, но все равно стервец встопорщился.

С почтительным реверансом его величеству все-таки слегка опоздала: все уже согнулись и присели, насколько позволяли поясицы и колени. К дворцовому этикету я была приобщена мало, изобразила уважение, как умела. У матрон вышло ловчее.

Под торжественную музыку энергичной походкой, в принципе не заметив, кто насколько присел и как низко согнул спину, король пронесся между гостями, как будто куда-то страшно опаздывал. Он был невысок ростом, носил подстриженный по последней моде парик, скрывающий благородную залысину, и плевать хотел, что принц с супругой в тяжелом платье едва за ним поспевают.

Жестом всем разрешили выпрямиться. В зале зашелестели одежды, пробежали шепотки. Невольно я бросила быстрый взгляд на балкон. Наверняка Эсхард по-прежнему следил за людьми в бальном зале. Возможно, и за мной.

И вот пришла долгожданная минута! Драконы появились на лестнице. Музыка смолкла. С большим вдохновением, распевно и громко, распорядитель бала объявил:

— Владыка южных земель, шести островов и Тихого моря! Эсхард Нордвей с приближенными.

Он спускался спокойно, без торопливости, закутанный в чувство собственного достоинства. Высокий, мощный мужчина с медными волосами и рыжеватой ухоженной бородой. Владыка южных земель и чего-то там еще, которому я всучила выломанную ручку... Голова внезапно закружилась. Никак меня догнал бренди.

Между тем гости из Хайдеса преодолели половину ступеней. Шесть рослых драконов, а вовсе не дюжина, как утверждали сплетники. У всех длинные густые шевелюры, крепкое тело и настораживающая мощь в движениях. Лица непроницаемые, эмоций не прочитатъ. Однако им было тесно и в дорогих костюмах, сшитых по моде Родолесса, и в стенах родолесского дворца, возведенного еще в те времена, когда драконов описывали в книгах о двуликих хищниках.

Ни на кого не глядя, они двинулись к королю, поджидающему гостей на другом конце бальной залы. Ни один не поскользнулся на воощеном паркете. Когда я расслабилась и передумала пятиться к

розовой занавеске, светловолосый Илайс вдруг повернул голову, насмешливо посмотрел прямоком на меня и подмигнул.

Стоящая рядышком дебютантка тихо пихнула и в нервном возбуждении полезла в бальную сумочку. Видимо, занюхать драконово подмигивание прибирающей до мозга солью. На пол со звоном посыпалась всевозможная дребедень, непонятно как в маленький мешочек поместившаяся. Карандашик для записей в бальной карточке отскочил мне под ноги. Девушка покраснела до свекольного цвета, прижала ко лбу ладонь и надумала упасть в обморок. Видимо, на меня.

— Не удержу, — прокомментировала я.

— Совсем? — с надеждой пролепетала она.

— Без вариантов.

Пока она не понимала, что делать, внимательные и незаметные слуги тихо собрали мелочи на поднос. Страшно смущаясь под неодобрительными взглядами матрон, несчастная девушка сгребла бальный скарб в сумочку, покосилась на укоризненно торчащий из моей распухшей сумочки перчаточный палец и бочком отошла подальше.

Приветствие закончилось. Король объявил о начале бала, и радостно хлынула музыка. Никто не двигался с места. Молодые люди озирались по сторонам, девушки тоже замялись. Похоже, первый танец во всех бальных карточках приберегли для драконов, а те не танцевали. Эпичный конфуз!

Ситуацию спас принц: вынужденно вывел супругу в центр танцевального паркета и принялся старательно кружить. Зал пришел в движение, но присутствие гостей из Хайдеса довлело, и в веселье чувствовалась некая истеричность.

К третьему танцу я решила, что приличия соблюдены: себя показала, на драконов посмотрела. И не только посмотрела. Можно отчаливать домой, пока никто из матушкиных знакомых не полюбопытствовал, что старшая дочь семьи Егорьевых, бестиолог во втором поколении, забыла на балу дебютанток. Уходить от прямых вопросов и напускать туман у меня всегда выходило дурно, и этот грешок я за собой прекрасно знала.

— Почему драконы не пляшут? Я готова заснуть от скуки, — проворчала одна из матрон, раздраженно обмахиваясь веером.

Вообще, рядом с нами в чаше на высокой подставке излучали холод магические кристаллы, похожие на мелкую мерцающую зеленоватым цветом гальку. На стене уже появилась белесая полоса инея. Ей-богу, хотелось натянуть перчатки не ради приличий, а чтобы согреться.

— Они же варвары! — со знанием дела пояснила вторая, перебирая в тарелочке крупные зеленые виноградины. — Варвары не приспособлены к изящным танцам. Уверена, их заставили скинуть звериные шкуры и переодеться в приличный костюм, чтобы не смущать благородное общество.

— Да, шкуры им пойдут, — согласилась ее подруга.

— Милые дамы, мы с юга, — протянул рядышком насмешливый голос с чудовищным акцентом.

«Милые дамы» и я вместе с ними ошарашенно обернулись. Взгляд уперся в пуговицы на дорогом темно-синем камзоле и белые длинные пряди волос. Пришлось поднять голову, чтобы посмотреть Илайсу в лицо. Казалось, он вырос за нашими спинами буквально из-под паркета.

— Мы не носим шкур, — продолжил он с лукавой полуулыбкой. — Слишком жарко. Мы ходим в набедренных повязках, но во дворец пришлось приодеться. Вам так же жаль, как мне? Не привык к костюмам.

Одна из матрон уронила веер и челюсть, вторая подавилась виноградом. И их так шустро смыло со стульев, словно под сиденьями зажгли горелки.

— Вайрити... — протянул Илайс, вставая рядышком.

— Решили пригласить меня на следующий танец? — понизив голос, спросила я.

В золотистых глазах дракона мелькнула насмешка.

— Приглашаете по собственному желанию или по желанию владыки? — приняв молчание за утвердительный ответ, уточнила я. — Если я откажусь, это вызовет дипломатический скандал?

— Нет, но я расстроюсь, — отозвался он, глядя на меня сверху вниз.

— Если мы пойдем танцевать, то расстроюсь я. Придется проторчать здесь еще часа полтора, а я собралась сбежать.

— В таком случае хорошо, что я просто посланец и должен передать сообщение. — Он чудовищно исковеркал слова, но от ироничной интонации не удержался.

— Излагайте, — милостиво согласилась я.

— *Кэйрим* [2]. Эсхард просит вас подняться на балкон. Он сказал, что вы не закончили разговор.

На условности мне всегда было плевать с высоты дворцовой башни, но разница между случайной встречей и намеренным свиданием была очевидна любому, даже наивной дебютантке.

Я недобро покосилась на этого самого *кейрима* южных земель и всего остального настолько масштабного, что оно не укладывалось в голове и не запоминалось. Он стоял к нам спиной, что-то сдержанно обсуждал с принцем и вряд ли ощутил недовольный взгляд.

— Недоговорили, значит, — на выдохе пробормотала я. — Это мы, конечно, напрасно... Куда он просит меня подняться? На балкон?

— Я ошибся словом? — вежливо уточнил Илайс.

— Нет, вы сказали все верно, — едва заметно улыбнулась я. — Владыку не смущает, что на балконе больше нет двери?

— Речь о соседнем балконе. — Он кивнул, намекая на балкончик с завешанной королевским стягом балюстрадой. — После следующего танца.

— Благодарю, что передали послание, — кивнула я.

Илайс не сдвинулся с места. В пол, что ли, врос?

— Что-то еще? — уточнила я.

Не поворачивая головы, он протянул в руке спелое красное яблоко. У меня поползли на лоб брови.

— Что это? Пропуск на балкон?

— Закуска. Эсхард велел передать.

— Благодарю, но некуда убрать, — процедила я, припомнив, как пошутила о кусочке яблока, когда отхлебнула крепенького бренди.

— Спрячьте в сумочку, — придумал Илайс.

— Она накормлена перчатками, — объявила я и продемонстрировала пузатенькую бальную сумочку.

Наблюдать за лицом дракона, разглядывающего красноречиво торчащий перчаточный палец, было бесценно. Внезапно под пристальным взглядом Илайса палец опал и повис через край. Слабак!

— Полагаю, этот вечер станет еще интереснее, — сжав яблоко в кулаке, хмыкнул дракон на рамейне и попрощался: — Было приятно познакомиться, вайрити.

Когда музыка смолкла и зал вновь пришел в движение, с самым небрежным видом я двинула в сторону выхода. В помпезном холле с колоннами попросила лакея, чтобы подали мой экипаж, и вышла на свежий воздух.

Ночи в середине лета были теплыми и безветренными. Мощеную подъездную площадь озаряли огни. Из раскрытых окон бального зала доносилась приглушенная музыка. Вокруг суетились слуги, кое-кто только-только добрался до дворца и выгружался из кареты. Эсхард Нордсвей появился словно из-под земли, совершенно бесшумно и незаметно. Видимо, у драконов было принято налетать внезапно.

— Это твой ответ на мое предложение? — встав рядом, тихим низким голосом спросил он.

— А вы сделали предложение и ждали ответа, владыка Хайдеса?

Он смотрел с интересом, словно хотел предложить танец прямо здесь, на ступенях дворца, или спрятаться в розарии и выхлебать еще одну фляжку с бренди. Возможно, надумал вернуть дверную ручку — несомненное доказательство, что драконы с легкостью доломают все, что не сломали боевые маги. Скандальных для высшего общества вариантов было множество.

— Я уверен, что ты говоришь на рамейне, Виталия, — вдруг произнес владыка. — Так ведь?

И ради этого весь переполох? Можно подумать, этот их язык — сакральное знание, доступное избранным.

— На родолесском, Эсхард, ты говоришь гораздо лучше, — ответила я на рамейне и указала на подъехавшую карету: — Мне пора. Хорошего вечера.

Когда я усаживалась в экипаж, Эсхард все еще стоял на ступенях и внимательно наблюдал за моим отъездом. Махать в окошко платочком с вышитыми шмелями посчитала лишним. Откинувшись на спинку сидения и насмешливо хмыкнула себе под нос.

Если подумать, мне повезло, что попался такой приличный двуликий варвар. Говорят, у них в крови собирать и тащить в пещеры сокровища. Мог бы на плечо и... пытаться, как хорошо я говорю на их

языке и почему отказалась от свидания на балконе. Пару столетий назад драконы часто воровали себе приглянувшихся женщин.

***

Надо отдать должное матушке с сестрой, они дождались завтрака и допрос с пристрастием о королевском приеме устроили с утра под крепкий чай. Интересовало их все, любые мелочи, начиная от длины волос у драконов и заканчивая цветом занавесок в бальном зале.

— Синий шелк, — без зазрения совести соврала я.

Мама задумчиво посмотрела на открытое окно с желтыми занавесками. Те надувались от сквозняка. На деревянном подоконнике рядом с мухоловкой стояла маленькая магическая призма, отпугивающая насекомых. Из-за этого чуда бытовой магии цветов, выращенный младшей сестрой, голодал. Пару дней назад я наблюдала, как наш старенький лакей Бартов тишком пытался накормить хищное растение лично пойманными мухами.

— Вита, а что драконы-то? — Лиза опасливо покосилась на маменьку, считающую, что в скандальном положении дочери поздно думать о любых представителях мужской половины нашего мира. — Заметные?

— В толпе не перепутаешь, — согласилась я.

— Ты с ними разговаривала? — не унималась она.

— Зачем? — Я нервно почесала кончик носа. Список заранее заготовленных туманных ответов неуклонно подходил к концу.

— Ты же говоришь на этом их... как его... — Сестра пощелкала пальцами, и пушистый цветок в вазочке посреди стола туда-сюда покачал головкой, словно выдрессированный питомец. — Как драконий язык называется? Не подсказывай! Я знаю, просто забыла!

Пока она напряженно вспоминала слово «рамейн», а матушка мысленно примеряла на окно синие занавески, возникла замечательная пауза. Я уже расслабилась, но, шаркая домашними туфлями, в столовую вошел лакей Бартов с закрытой корзиной в руках.

— Хозяйка, человек привез из города и велел передать госпоже Егорьевой, — важно объявил он.

Видимо, в фантазиях матушка добралась до ремонта столовой и перетягивала стены тканями под цвет новых занавесок, как во дворце, но ее отвлекли от этого захватывающего занятия. На лакея она глянула неласково и проворчала:

— Что там, Бартов?

— Яблоки! — Он поднял плетеную крышку и продемонстрировал красные спелые яблоки. — Прямиком из королевской теплицы! Куда велите поставить?

Да быть не может...

— Видите, матушка! — Взволнованная Лиза проворно вскочила из-за стола и кинулась к старику. — А вы ругались, что Андрон меня бросил! Ничего он не бросил, а просто уехал на время. Смотрите, как он обо мне заботится! Из самой королевской теплицы!

— Еще записочку передали, — припомнил лакей и вытащил из кармана сложенный измятый квадратик.

С горящими от волнения щеками Лиза выхватила письмо и быстро вскрыла сургучную печать. Улыбка медленно сошла с лица. Она обвела нас растерянным взглядом.

— Почему Андрон написал на иноземном языке? — В голосе сестры звучала обида. — Он так надо мной пошучивает? Какие-то закорючки, а не записка.

Я подавилась чаем. Драконья письменность действительно напоминала странные крючки, значки и хитро соединенные галочки...

— Виталия, — взгляд матушки был красноречив и полон предвкушения, — так это тебе прислали? Кто? Ты вчера с кем-то познакомилась во дворце, а нам не посчитала нужным сказать?

Забрав записку у сестры, я посмотрела на резкий почерк Эсхарда Нордвеля. Он коротко написал: *«Был рад знакомству»*. Без подписи.

Владыка южных драконов прислал в поместье корзину яблок... Хорошо, что бочку с бренди не отправил, чтобы пила, закусывала и ни в чем себе не отказывала.

— Это от сослуживца, — спокойно соврала я и, скомкав записку, небрежно отбросила ее на стол. — Бартов, вам следовало отослать корзину отправителю.

Сама бы вернула, но куда? Не отправишь же посыльного в королевский дворец.

— Просто вернуть? Госпожа Виталия, смотрите, какие отборные яблоки! Одно к одному, — возмутился старый лакей и поднял указательный палец. — Из королевской теплицы!

— Зачем возвращать такой практичный дар? — Матушка сильно приободрилась, внезапно осознав, что где-то в столице Родолесса без

присмотра гуляет ее будущий зять. — Мы наварим джема и напечем пирогов. Лучше пригласи этого замечательного мужчину в дом. Я буду рада.

Похоже, мысленно она прекратила шить синие занавески и начала подбирать кружева для свадебного платья старшей дочери.

— Если этот замечательный мужчина появится в нашем доме, то никто не будет рад, — сухо проговорила я. — Просто поверьте мне на слово.

— Чем он плох?

— Он бестиолог, — мило улыбнулась я.

Папа был практикующим бестиологом, почти не жил дома и однажды, я как раз готовилась к учебе в магической академии, не вернулся домой из очередной поездки. От поступления на бестиологию меня это тоже не остановило. Я была по уши влюблена в профессию. На всю жизнь. Пока смерть не разлучит нас... Или отставка по собственному желанию, двуликая бестия их всех подери!

— Господи, конечно, разве ты можешь завести приличные знакомства? — раздраженно пробормотала маменька. — Но ухаживает он красиво.

Она словно ударила меня пыльным мешком по голове. Ухаживает? Владыка Хайдеса? Собутыльников ему, что ли, не хватает, если он решил приударить за девицей, налакавшейся с ним бренди?

— Подождите, я чего-то не поняла... — проговорила Лиза. — Выходит, эти яблоки прислали Вите, а не мне? Они не от Андрона?

Внезапно она громко всхлипнула и выбежала вон из столовой.

— Что ты рыдаешь? — рявкнула ей матушка и бросилась вдогонку. — Уже поздно нервничать и плакать, надо фрукты есть! Очень полезно в твоём положении.

На следующий день, когда первый этаж пропитался сладкими запахами горячего джема и пирогов, а я нервно терзала вышивку, пытаюсь изобразить очередного шмеля, в дом приехала высокая женщина в строгом платье, украшенном белым воротничком. Она вошла в гостиную следом за Бартовым, с холодной улыбкой поздоровалась с мамой, кивнула страшно перепуганной Лизе.

— Вы матушка Андрона? — пролепетала сестра, мгновенно краснея в цвет комнатной розы, у которой обрезала высохшие листочки.

— Нет, детка, — дружелюбным голосом, совершенно не вязавшимся с ледяным взглядом, ответила визитерша. — Я мадам Завлатова. Видимо, вы обо мне никогда не слышали.

— Не приходилось, — озадаченно призналась матушка и нервно поправила на голове чепец. — Что вас привело в наш дом?

— Меня прислал господин Эсхард Нордвей к вашей дочери.

Я почувствовала, как меняюсь в лице.

— К Лизавете? — запуталась мама.

— К вашей старшей дочери, — подсказала мадам Завлатова и обратилась ко мне: — Я сваха, госпожа Егорьева. Владыка южных драконов намерен просить вашей руки.

На гостиную опустилась ошарашенная тишина. Пока мы дружно пытались переварить заявление, а я отчаянно старалась им не подавиться, бесшумный слуга, приехавший со свахой, внес в комнату сложенные друг на друга плоские шкатулки. Почти незаметным жестом мадам Завлатова приказала их расставить на столе.

— Крышки можете не поднимать, — резковато произнесла я.

— Почему? — восторгалась матушка, явно желавшая проверить, чем жених решил поразить воображение невесты, а заодно будущей тещи.

— И так понятно, что в шкатулках свадебные дары. — Я повела плечами, вдруг почувствовав, как от напряжения затекла спина.

— Владыка Эсхард желает продемонстрировать вам серьезность своих намерений и передает огромную благодарность за подаренный сувенир, — быстро проговорила сваха.

Вряд ли дворцовый архитектор, выбирая ручки для балконных дверей, догадывался, как дорого их оценят.

— Он не торопится с предложением? — спросила я, откладывая пальцы в корзинку с рукоделием.

Предложение руки и сердца от драконьего владыки, пожалуй, обычным шмелем не завышиваешь. Можно даже не пытаться. Как минимум нужно натывать иголкой целый гобелен.

— А что тянуть? Он определился, дело осталось за вами, — улыбнулась одними губами сваха. — Совсем скоро владыка улетает обратно на юг.

Прямо перелетная птица...

— Госпожа, да что же вы стоите во время такого серьезного разговора? — встрепелась мама, тонко почувствовав, что старшая дочь не испытывает радости и на сваху посматривает недобрым взглядом. — Садитесь быстрее!

Вскочив со своего любимого кресла, она деятельно умостила туда гостью. Пока маменька кликала Бартова и требовала от него принести чай с яблочным джемом, сваха боролась с креслом. Мадам пыталась сесть на самый краешек, но безнадежно съезжала к высокой спинке.

— Правильно ли я все поняла? — Матушка присела на диван рядом со мной и всплеснула руками. — Владыка южных драконов делает предложение моей Виталии?

— Мама, Эсхард Нордвей — дракон, — напомнила я.

— Да хоть бы дракон. Главное, не бестиолог и не боевой маг, — буркнула она и весьма выразительно покосилась на Лизу.

— Человекорожденный драконий владыка! — со значением напомнила сваха.

— А что это значит? — встрепелась мама.

— Человека в нем больше, чем дракона, — чуть подавшись вперед, быстрым шепотом, словно нас кто-то подслушивал, пояснила мадам. — Его мать была человеком.

— И он не бестиолог! — В восхищении мама прижала руку к груди.

— Более того, настоящий кейрим! — со значением напомнила сваха и заговорщицки кивнула, дескать, госпожа Егорьева, надо брать.

— Меня интересует один вопрос, — вымолвила я, пока они не договорились до обсуждения брачных браслетов и прочих свадебных атрибутов. — С чего господин Нордвей решил, что я приму его предложение и прислал сваху?

— Но вы же не вернули вчерашний дар, — заметила она.

Ровно в этот момент Бартов внес в гостиную поднос с посудой для чая и с хрустальными тарелочками, наполненными только-только сваренным яблочным джемом. Наша единственная горничная притащила большой пузатый чайник с желтыми цветочками под цвет занавесок в столовой.

— Бартов, джем, пожалуйста, уберите, — спокойно попросила я, вызвав в женщинах изумленные вздохи, а в Лизе восхищенное оханье.

— Яблоки господину Эсхарду мы вернуть не можем. Надеюсь, джем из этих яблок он примет.

Видимо, мадам Завлатова действительно отличалась редким профессионализмом. Она не подала вида, насколько обалдела, а только изобразила вежливую улыбку:

— Госпожа Егорьева, вы отказываете кейриму Хайдеса?

— Это вы верно заметили, — кивнула я. — Отказываю.

— Отказываешь?! — вскрикнули мама и Лиза в один голос.

— Замужество не входит в мои ближайшие планы, — спокойно пояснила я, уже представляя, какую чудесную сцену устроит маменька, едва визитерша усядется в карету и вместе со шкатулками повезет кейриму южных земель недобрую весть, что девица не планирует становиться его женой.

— Твоя сестра уступила тебе место на балу! — вдруг начала матушка.

Я выразительно кашлянула, давая понять, что она принимает желаемое за действительное. Мама примолкла, глубоко вздохнула и не придумала, как продолжить обличительную речь.

— Госпожа Егорьева, могу я поговорить с вашей старшей дочерью наедине? — с ласковой улыбкой спросила у нервной матери сваха.

По недовольно поджатым губам было видно, что той не хотелось покидать ринг, пока она не убедила старшую дочь стереть клеймо старой девы.

— Надеюсь, вы сможете вразумить мою неразумную дочь! Лиза, выходим! — поднявшись с кресла, скомандовала мама.

Она решительно подхватила юбки и отмаршировала к дверям. Волан на чепце воинственно топорщился, локти ходили туда-сюда. Лиза семенила следом, испуганно оглядывалась и смутно понимала, что сейчас послужит вспылчивой родительнице громоотводом.

— А что делать с чаем? — не понял Бартов.

— Ставь на стол! — рывкнула маменька, оглянувшись через плечо. — И не смей уносить джем! Съедем все до последней ложки! Подарки надо принимать с достоинством!

Лакей поставил поднос, горничная пристроила пузатый чайник с чаем. Когда за слугами закрылась дверь, мадам перестала изображать любезность, полоснула по мне ледяным взглядом и холодно произнесла:

— Могу я называть вас Виталией?

— Нет, — спокойно отказала я в любезности. — Госпожа Егорьева вполне подойдет.

Однако сваха не смутилась. Она сняла с юбки невидимую ниточку и начала говорить:

— Я не один десяток лет сватаю благородных девиц, госпожа Егорьева, и точно знаю, что другого шанса выйти замуж за владыку драконов у вас не будет.

— Мадам, я бестиолог и далека от свадебных дел, но прекрасно понимаю, что это не шанс, а головная боль.

— Давайте начистоту, вам уже двадцать шесть! — напонила она, желая меня уязвить.

— Будет осенью, — подсказала я.

— Осенью вам будет двадцать шесть, госпожа Егорьева, — видимо, начиная звереть, согласилась мадам. — Вам никогда не подберут хорошую партию. Поверьте, я в этом разбираюсь. Владыка драконов сделал вам предложение, а вы...

— Отказываюсь.

— Но почему?

— Я не хочу замуж, — по-простому ответила я.

Очевидно, сваха начала терять надежду совершить очередное успешное сватовство и угодить владыке. Терпение, видимо, тоже медленно иссякало. Возможно, ей предложили переженить всех приехавших драконов, если дело выгорит, а тут такая неловкость: невеста заартачилась.

— Госпожа Егорьева, у вас есть все для успешного замужества! — резковато заявила она.

— Что именно? — искренне заинтересовалась я.

— Руки, — она указала на мои руки без намека на трепетный уход, расслабленно лежащие на коленях, — ноги, уши, на лице нет ни одного шрама...

— Шрам есть на спине, — ответила я. Признаться, не знаю ни одного человека моей специализации, кто избежал бы отметин на теле.

— Ничего страшного, — отмахнулась она. — Исправим. Сейчас косметическая магия творит истинные чудеса!

— Быть точнее, три шрама, — коротко улыбнулась я.

— Исправим в три захода. Какие-то еще проблемы?

— Я не девственница, — спокойно объявила ей о существенном недостатке.

Мадам оказалась не пробиваемой и только пожала плечами:

— Это недоразумение исправить не получится. Но ведь никто не проверит, а в первую брачную ночь просто забудьте рассказать мужу об этой неловкости.

— У меня прекрасная память.

— Тогда промолчите, — отрезала она.

— Я выступаю за правду и искренность в отношениях, — не удержалась я.

— Тогда прикусите язык! Ничего сложного! Полагаю, с вашей матушкой, не в обиду ей будет сказано, вы владеете этим искусством в совершенстве! — с раздражением заявила мадам. — Какие-то еще сложности?

— Мне не нравятся драконы. Я из тех, кто изучал их повадки по учебникам о двуликих бестиях.

— Тогда просто закройте глаза, когда пойдете к алтарю! — рывкнула она. — Если мы все решили, то завтра владыка Нордвей приедет сюда лично просить руки.

— Его величество в курсе, что *господин* Нордвей устроил сватовство? — прямо спросила я.

— *Владыка*, — мадам особо подчеркнула статус жениха, — решил сначала обсудить предложение с невестой, а потом объявлять королю. Он не хочет, чтобы вы выходили замуж по приказу, поэтому я здесь.

Вполне разумно. Иначе он получит не жену, а заложницу. Не самое хорошее начало счастливой семейной жизни.

— Если ваше появление в нашем поместье держится в секрете, то вряд ли я спровоцирую отказом дипломатический скандал.

— Милочка... — заикнулась она.

— Я не милочка, — покачала я головой, мягко предупредив, что фамильярность неуместна.

— Простите, госпожа Егорьева, — ледяным тоном извинилась она. — Вы понимаете, что владыке не отказывают? Он ведь действительно обратится к королю, и вам прикажут выйти замуж. Как понимаете, приказы короля родолесскими поданными не обсуждаются и не нарушаются.

Я поцокала языком и покачала головой:

— Сразу видно, что вы никогда не служили в корпусе ловцов за бестиями, поэтому так сильно ошибаетесь.

Возникла странная пауза. Мадам пыталась переварить отказ и, видимо, все еще не верила, что провалила миссию.

— Другими словами, ваше решение неизменно, — уточнила она.

— Абсолютно.

— Я передам владыке, что вы против женитьбы, — вынужденно согласилась она. — Постараюсь говорить мягче.

— Благодарю, — кивнула я. — Мужчины крайне чувствительны, когда получают отказы, а драконы еще и вспыльчивы.

Разговор закончился. Мадам попыталась величественно вылезти из нашего коварного глубокого кресла. С первого раза не удалось. Она оперлась на подлокотники и предприняла вторую попытку.

— Вам помочь? — Я поднялась с дивана.

— За кого вы меня принимаете? Я что, с кресла не встану? — буркнула она и тут же сдалась, протянув руку: — Пожалуйста.

Сваха выпрямилась, огладила юбку, поправила прическу, слегка поистрепавшуюся во время борьбы с маминым «троном», и направилась к закрытым дверям.

— Вы забыли дары! Не хочу очередного недопонимания с господином Нордвеем, — остановила я мадам и громко позвала: — Бартов, зайдите!

Некоторое время снаружи происходила непонятная возня. Наконец, приоткрылась дверная створка, и Бартов аккуратно втиснулся в щель, видимо, чтобы не выдавать матушку, дежурившую в холле.

— Что прикажете? — важно спросил он.

— Помогите нашей гостье донести шкатулки до кареты, — приказала я и обратилась к свахе: — Попросите владыку завтра прислать посыльного. Мы как раз успеем закатать яблочный джем в банки.

Мадам смерила меня странным взглядом и хмыкнула:

— Знаете, госпожа Егорьева, я склоняюсь к мысли, что вы идеальная партия для этого короля.

— Драконьего владыки, — поправила я.

— Говорю же: идеально подходите.

Крайне недовольная, она покинула наш дом. Дары тоже прихватила. Из-под колес отъезжающего элегантного экипажа

разлетелось облако дорожной пыли, и у матушки наступил день натурального траура. Она улеглась страдать в комнате: приказала закрыть портьеры и с влажной салфеткой на лбу талантливо изображала глубоко раненную женщину, родившую двух ни на что не годных дочерей.

На следующий день, когда из академии добрались сундуки, отправленные сразу после брошенного на стол ректору прошения об отставке, она все еще страдала. Не забывая хорошенько питаться! Иначе исхудает и ослабеет. Некому будет наставлять никчемных дочерей на путь истинный.

В самый разгар разгрузки через открытые ворота во двор вкатила дорогая карета. При виде королевского герба на дверце, кажется, замерли не только грузчики. Даже птицы, щебечущие по случаю теплого летнего дня, примолкли и преисполнились благоговейной кротости.

Кейрим Эсхард Нордвей не стал отправлять посыльного. Он решил забрать яблочный джем лично.

[1] В Хайдесе обращение к незамужней девушке

[2] Кейрим (рамейн) — владыка

Глава 2. Бестиолог с опытом

Эсхард спустился со ступеньки кареты на нашу щербатую плиточную дорожку, проросшую мелкими зелеными былинками, и выпрямился в полный рост. Он окинул меня откровенно любопытным взглядом. Высокородных гостей я сегодня не ждала: пучок держался на длинной деревянной шпильке и честном слове, возле лица топорщились непослушные темные пряди, домашнее платье было миленькое, девичье, взятое взаймы у Лизы. Снова мы с владыкой увиделись, и я опять в сестрином платье. Какая-то дурная традиция складывается.

В отличие от меня, по-домашнему небрежной и растрепанной, Эсхард выглядел тем, кем являлся: владыкой гордых драконов. И впечатление он производил внушительное. Как выбрался из экипажа, выпрямился во весь рост, расправил могучие плечи, так и начал производить. На грузчиков особенно: они застыли с открытыми ртами и напрягали жилы под тяжестью сундука. Бедняги вцепились в ручки мертвой хваткой и держали багаж на весу, преодолевая земное притяжение.

— Поставьте сундук и передохните, — велела я и двинулась к гостю, мысленно прикидывая, насколько будет вежливо попрощаться с ним навсегда прямо на подъездной дорожке под теплым родолесским солнцем.

Эсхард следил за моим приближением, не сдвинувшись с места. Возможно, ждал разрешения ступить на чужую землю, но, думается мне, просто пытался показать, кто в этом дворе главный. Я специально остановилась в нескольких шагах, чтобы не задирать голову. Опалять высокомерием мне удавалось и с высоты своего более чем среднего роста, но шею защемить не хотелось.

— Что привело кейрима южных драконов в скромный дом моих родителей? — на рамейне спросила я.

— Ты, — коротко ответил он и кивнул в сторону заросшей цветущим вьюнком веранды, ведущей в дом: — Пригласи меня на свою землю.

— Ваша вежливая просьба прозвучала как приказ, — с иронией заметила я, намекнув, что стоит оставить властительские замашки за воротами провинциального поместья.

— Пожалуйста, Виталия, — вымолвил он, давая понять, что даже владыкам не чужда подкупающая вежливость.

— Добро пожаловать в наше поместье, кейрим Эсхард Нордвей, владыка южных земель и...

— И в твой дом, — добавил он, не сводя с меня смеющихся глаз.

— Вряд ли мой дом выстоит, — отказалась я приглашать его в особняк.

— Даю слово, что не буду превращаться и крушить стены. Дверные ручки в твоём доме в полной безопасности, — с мягкой иронией, удивившей меня ещё во время знакомства, парировал он.

Я колебалась, с трудом представляя, как отреагирует матушка на появление дракона, но обсуждать отказ на предложение руки и сердца посреди двора действительно некрасиво. Любой мужчина достоин быть отправленным в сторону счастливого брака с другой девицей хотя бы в гостиной на фоне красной комнатной розы и корзинок для рукоделия.

— Не хочу, чтобы потом в драконьих летописях говорили, что родолессцы негостеприимный народ, — пояснила я. — Идемте.

Не знаю, откуда в матушке, ещё поутру изображавшей душевные хвори, взялось проворство, но она встречала нас уже одетая, подрумяненная и... с горшком яблочного джема. Покрасневшая от волнения Лиза мялась рядышком. Хорошо, разнорабочие сразу относили вещи в кладовку, иначе в тесном холле мы бы не поместились.

Эсхард вошел, под притолокой зачем-то пригнувшись, хотя прекрасно вписывался в дверной проем. Возникла ошарашенная пауза. Мама с сестрой оглядывали его в обалделом молчании, все выше и выше поднимая голову. Высокий, бородатый и со всех сторон добротный мужчина сильно выделялся в наших интерьерах.

— Приветствую хозяек дома, — невозмутимо поздоровался Эсхард с заметным акцентом.

— Здравствуйте, — медленно произнесла мама, пытаясь стряхнуть первый шок от встречи с впечатляющим драконом, но этот шок почему-то не стряхивался.

— Я приехал к вашей дочери, — пояснил он.

— Не за джемом? — растерянно вымолвила матушка. — Мы все подготовили.

Она показала горшок с горлышком, затянутым красной салфеткой в белый горошек.

— Каким джемом? — не понимая ровным счетом ничего, вежливо поинтересовался Эсхард.

— Яблочным, — подсказала она. — Для владыки. Надеюсь, он любит сладкое?

Гость перевел на меня вопросительный взгляд, явно прося расшифровать непонятное послание.

— Вы передали мне яблоки. Вернуть их целыми не удастся, мы уже сварили джем, — на драконьем языке пояснила я. — Сваха не упомянула, что я просила прислать посыльного?

— Осмотрительно запомновала, — хмыкнул он.

Когда я пригласила его в гостиную, маменька с сестрой, как замороженные, двинулись следом. Пришлось молча покачать головой и попросить не вмешиваться. Родительница сузила глаза, кажется, начиная подозревать, что в дом приехал вовсе не простой посланник, а лично отвергнутый жених. Плотно закрыв дверные створки, я обернулась к Эсхарду.

Думала, он будет рассматривать скромную обстановку, но тот ни взглядом, ни жестом не намекнул, насколько дом прост. Возможно, владыка демонстрировал уважение к людям, пригласившим его в жилище. Он по-хозяйски утвердился рядом с камином и, убрав руки за спину, наблюдал за мной. От высокой фигуры, облаченной в дорогие одежды, веяло властью и спокойствием, но внутренний голос подсказывал, что внутри дракона кипела сила.

— Тебе стоило представить нас с матушкой и сестрой, — проговорил он.

— Возможно, и стоило, но у меня отвратительные манеры, — ответила я. — Для чего вы здесь? Решили лично выяснить, почему я отказала мужчине, которому никто никогда не отказывает?

— И почему ты мне отказала? — кивнул он.

— Мы знакомы три дня, господин Нордвей. Ваше предложение оказалось более чем неожиданным.

— У меня нет времени на брачные танцы. Я возвращаюсь в Хайдес и планирую привести с собой невесту, — прямолинейно ответил он. — Мой народ ждет, когда их владыка найдет пару.

— Значит, у вас совсем мало времени, чтобы выбрать невесту.

— Я уже выбрал, — заявил он, внезапно начиная приближаться.

— Ты мне полностью подходишь, Виталия.

— Боюсь, мне не подходит владыка драконов.

— Причина?

— Мы в разных весовых категориях, — ответила я.

— Во всех смыслах, — согласился Эсхард с усмешкой.

Он уже прошел между креслом и диваном. Медленно, неслышно и как будто плавно. Именно так нечисть приближается к жертве, стараясь не спугнуть. Скорее всего, в гневе Эсхард выглядел устрашающим, но главный хищник в стае и должен пугать собратьев.

— Может, присядем? — быстро предложила я.

— Нет, — отказался он принимать безопасную позу сидящего на диванчике дракона, который никак не мог до меня дотянуться, и остановился на вежливом расстоянии. — Ни одна женщина не откажется стать женой кейрима, Виталия. Я искренне заинтригован, почему отказалась ты?

— Вам нечего мне предложить, кейрим, — спокойно ответила я, не разрывая зрительного контакта.

— Ты ошибаешься. Я могу дать тебе и твоей семье жизнь, о которой вы не мечтали.

— Раз не мечтали, то и не надо ничего давать, — усмехнулась я.

— Мне пришлось много работать, чтобы стать хорошим бестиологом, и я не готова похоронить десять лет своей жизни из-за замужества. Никогда не стремилась к браку, особенно к браку по расчету. Даже если он владыка драконов.

Внезапно стало ясно, что пока я толкала запальчивую речь полностью уверенной в себе молодой женщины с опытом работы бестиологом, Эсхард приблизился на расстояние шага. И теперь натуральным образом нависал надо мной. На некоторое время между нами возникло напряженное молчание. Казалось, можно было почувствовать, как от его тела исходит жар.

— Может, выторговать тебя у короля? — тихо произнес он.

— Вы чувствуете себя уязвленным? — уточнила я.

— Удивленным, а удивляюсь я редко.

— Давайте расстанемся навсегда в этой гостиной, и я пожелаю вам счастливой дороги в Хайдес, — по-дружески предложила я. — Мы даже можем пожать руки. Не каждый день владыка драконов предлагает мне замужество. Вы мне действительно польстили.

— Я хочу сувенир, — вдруг потребовал он.

Темно-карие глаза стремительно побледнели и приобрели медный цвет.

— Вы же не думаете меня выкрасть в качестве сувенира, владыка? — спросила я, не сдержав ироничной улыбки. — Мы оба знаем традиции ваших земель. У драконов в порядке вещей красть принцесс, но я отнюдь не принцесса, а вы, полагаю, слишком расчетливы, чтобы устраивать дипломатический скандал.

— И после этого ты спрашиваешь, почему я выбрал тебя? — протянул он с полуулыбкой.

— Я не спрашивала, — напомнила ему.

— Верно, тебя не интересовала причина, — согласился Эсхард, внимательно разглядывая что-то у меня в растрепанных волосах.

— Что у меня в волосах? — не удержалась я.

— Сувенир, — произнес он и внезапно с почти ошеломительной стремительностью приблизил руку к моей голове.

Инстинктивно я отступила на шаг и сжала его ладонь, не давая к себе прикоснуться. Мы замерли. Зрачки у Эсхарда вдруг вытянулись и стали вертикальными, мгновенно напомнив, что передо мной вовсе не человек. Он спрятал улыбку и ловко переплел наши пальцы. У него была большая горячая ладонь.

— Ты быстрая, — заметил он.

— Я ловлю нечисть.

Секундой позже молниеносным движением свободной руки Эсхард вытащил из моего пучка деревянную шпильку. Длинные темные волосы непослушной, спутанной копной упали на плечи. Я охнула от удивления.

— Не против? — спросил он, по-прежнему сжимая мою ладонь.

— Против.

— Спасибо за подарок, госпожа бестиолог, — с нахальной улыбкой, ему удивительно подходящей, произнес он и отпустил меня.

— Удачной охоты за нечистью.

Он стремительно вышел из гостиной и резко остановился, обнаружив в холле не только матушку с Лизой, но и нашего старого лакея с огромной чайной чашкой для чая и вазочкой с яблочным джемом. Матушкина горничная была здесь же. Вцепившись в обвернутый полотенцем чайник с кипятком, она таращилась на дракона с круглыми глазами и словно ждала, что сейчас он выбросит из спины перепончатые, как у нетопыря, крылья. Не хватало только кухарки, но та еще с утра отправилась на рынок и, видимо, не успела вернуться.

— Всех благ вашему дому, госпожа Егорьева, — попрощался с матушкой Эсхард.

— А кружечку чая? — всполошилась она.

Судя по емкости с маковыми цветочками на бочках, в кружечке помещался целый чайный чайничек. И где только эту вазу с ручкой отрыли? В посудной горке чудо гончарного дела не наблюдалось.

— Не надо посуды. — Он обернулся через плечо и одарил меня улыбкой. — У меня уже есть сувенир.

Эсхард ушел. В ошарашенном молчании домашние таращились на раскрытую входную дверь, потом одновременно обернулись ко мне.

— Это и был владыка южных морей? — в тишине спросила мама.

— Драконов, — поправила я.

— И ты отказала такому мужчине?! — охнула она, прижав руку к груди.

— Мама, у него же борода... — прошептала Лиза и мгновенно попятилась от матушкиного яростного взгляда.

— Зато твой был без бороды, а где он сейчас? — рявкнула она.

Слуги гуськом посеменили на кухню, чтобы спасти себя, а заодно посуду. Имелась у матушки дурная черта колотить чашки в минуты сильного гнева.

— Души у вас нет! — ругалась она. — И совести! Одна не успела выйти замуж, вторая не захотела. Был бы жив отец, никогда не допустил бы такого безобразия!

Со скорбным видом, словно опять узнала, что троюродная тетушка после смерти не оставила ей ни ломаного медяка в наследство, мрачной тучей она отправилась страдать в свою спальню. Мы с сестрой молча проследили за ее подъемом по лестнице.

— Бартов! — рявкнула мама со второго этажа. — Принеси валерьянки!

— Хорошо, что ты ему отказала, — прошептала Лиза и потерла ладонями предплечья. — У меня от его бороды мурашки бежали!

— Бартов, где ты застрял? — в голосе мамы уже прорезались истеричные ноты.

— Отнеси ей капли, — попросила я сестру.

— Почему я-то? — испугалась Лиза. — Она меня живьем съест!

— Мне надо занести вещи и отпустить грузчиков, — пояснила я.

Двор уже опустел. Карета с королевским гербом уехала, напрочь переломав розовые кусты и разворотив клумбу. Исчезли грузчики вместе с подводой и двумя невыгруженными сундуками. Тот, что они бросили перед верандой, тоже пропал.

— Кретины, — вздохнула я и зашла обратно в холл.

Умные люди не станут воровать у бестиолога, а разнорабочие мне попались не особо догадливые. Сразу видно, что совсем непуганые. Сундуки были заговоренные от взлома. Стоило сорвать замок с кодовым механизмом, как из-под крышки струился зловонный желтый туман, а у грабителей начинались такие видения, что врагу не пожелаешь пережить.

Вернулись грузчики в темноте, видимо, когда отравление отпустило, и неизбежно возникло непреодолимое желание отдать вещи законной владелице. В доме уже поутихли свадебные страсти.

Мама показательно меня игнорировала, но игнорировать, запершись в спальне, оказалось не столь наглядно, как в гостиной. Сидя в любимом кресле, с ледяным видом она вязала младенческие штанишки. Лиза вышивала вместо меня шмеля, а я читала последние исследования о приручении волчанки, похожей на собаку нечисти. Из открытого окна тянуло прохладой, на подоконнике тускло мерцала пугалка от комаров. В разбавленной стрекотом сверчков тишине раздался грохот подъехавшей подводы.

— Владыка никак вернулся? — воскликнула мама, выпрямляясь в кресле.

— Нет, это Андрон! — обрадовалась Лиза и вытянула шею, пытаясь посмотреть в слепое от темноты окно.

— Да сундуки обратно привезли, — спокойно оповестила я и крикнула лакею: — Бартов, будьте добры, вынесите грузчикам фонарь!

— Слушаюсь, госпожа, — прогудел из холла старый слуга.

— И пусть поднимают сундуки сразу в кладовку.

Перегрузка прошла на удивление быстро. Днем грузчики так не старались, таскали еле-еле, никуда не торопясь.

Они затащили последний сундук и, спустившись на первый этаж, вдвоем встали в дверях гостиной.

— Мы все привезли, госпожа магичка, — пробасил один.

— Благодарю, — кивнула я.

— И это, хозяйка... — Он замялся. — Ты уж не сердчай, демон того... попутал.

Я одарила их насмешливым взглядом и усмехнулась:

— Демоны они такие: коварные. Идите.

Доставка сундуков и их разгрузка мне не стоили ни монеты. Если подумать, сплошная экономия.

***

По весне ректор Светозарской магической академии предложил мне читать лекции по основам бестиологии у младших курсов. Я написала ему с вопросом вакантно ли место, а пока ожидала ответа, развлекалась охотой за мелкой нечистью в окрестностях поместья. В благодарность фермеры каждый день присылали в дом свежие продукты. Мама презрительно заявила, дескать, всегда знала, что в конечном итоге старшая дочь начнет работать за еду.

На рассвете в полной амуниции я стояла в молочном тумане, накрывшем поле, и прислушивалась к стрекоту мелкого девятихвостого лиса, поселившегося недалеко от дальней фермы. Бестия была игривой и любопытной, но легко выпускала хвосты и нападала на людей.

Внезапно все стихло. Накрытое туманом поле словно замерло в ожидании. По спине побежали мурашки, внутри тугой пружиной свернулось напряжение. И в глубоком безмолвии прозвучал характерный шелест крыльев. Я подняла голову...

Над серой завесой, скрывающей просветлевшее, но пока бесцветное небо, скользила вытянутая тень. Расправив мощные крылья, в воздушных потоках парил дракон. С земли различить драконову масть не удавалось, туман гасил цвета, но я отчего-то не сомневалась, что чешуя нежданного гостя отдавала медью. Полагаю,

со мной прощался владыка Хайдеса. Он сделал круг, резко взмыл вверх и скрылся из вида.

— Теплого ветра твоим крыльям, — произнесла я традиционное прощание на рамейне и отправилась домой. Все равно самый опасный хищник континента распугал вообще всех: птиц, нечисть и, возможно, местных жителей, случайно ставших свидетелями полета настоящего дракона.

Через пару недель после предрассветной встречи в полях накал страстей поутих, дом успокоился. Матушка практически смирилась, что старшая дочь не станет владычицей. Она заявила, мол, с залетного дракона надо взять хоть горсть чешуи, и велела напечь пирогов с яблочным джемом. Назло всем драконам! Гостинцы она отправила нашей двоюродной тетушке, а в ответ получила горячие благодарности и не менее горячие сплетни.

Письмо маменька зачитала за обедом, бросая в мою сторону весьма красноречивые взгляды. Драконы вернулись домой в полном составе. Ни одной приличной женщины не украли. Подлецы! Но владыка выбрал невесту. Вскоре она со всеми почестями отправится в знойный Хайдес выходить замуж.

— Так кто же она? — воскликнула Лиза.

— Я знаю одно, что она не твоя сестра! — буркнула матушка, складывая послание. — Твоей сестре только по болотам лазить и нечисть ловить.

— У нас нет болот, — заметила я.

— Зато нечисть ты все равно находишь. Скоро из питомника будут обратно отправлять!

— Нечисти тоже больше нет.

— Переловила? — не без ехидства уточнила она.

— Да если бы... — вздохнула я.

Своим появлением дракон распугал мелких бестий на много миль вокруг и обрек меня на вышивание шмелей. Зато все-таки выбрал пару в королевстве Родолесс, известном самыми красивыми женщинами на северо-восточном континенте.

Лето шло своим чередом. Вышитые шмели у меня перестали напоминать пятна и начали походить на разноцветные кляксы, а непрочитанные труды по бестиологии, накопленные за два года

службы, закончились. Матушка окончательно успокоилась. Скрывать положение Лизы стало невозможно.

Но кое-что оставалось неизменным этими ленивыми, скучными днями в глухой провинции: боевой маг с брачным браслетом в красивой коробочке по-прежнему к сестре не являлся, а из Светозарской магической академии не отвечали. Я почти смирилась, что, возможно, придется вернуться в корпус ловцов за бестиями, в котором проходила обязательную годовую службу после учебы, но внезапно в поместье приехал посыльный со срочным посланием от бывшего руководства.

Ректор Крован, пожелавший отправить меня в отставку по собственному желанию, вежливо и даже немного заискивающе просил приехать для срочного разговора. Немедленно! В смысле, как можно скорее. Дело безотлагательное. Он даже оплатил порталный переход из столицы, так сильно хотел меня видеть.

С интересом я открыла шкатулку, украшенную гербом Залесской академии, и вытащила прямоугольную карточку из золотистого металла. На почти невесомой пластине был выбит знак бесконечности и номер порталных ворот в магическом порте. Крован не поскупился и оплатил многоразовый билет. Хоть весь Родолесс облети за его счет! Совесть, что ли, выиграла, или толкового наставника на мое место не нашел?

Понятно, что дел у меня не было никаких, но являться по первому требованию я не собиралась. Отправила посыльного с ответным письмом, что чрезвычайно занята и готова приехать только в конце недели. В указанный день, как и обещала ректору, с маленьким дорожным саквояжем в руке я входила в магический порт.

Представлял он собой широкое кольцо с круглыми порталными башнями в центре, соединенными с основным зданием длинными галереями. Стоило показать золотой билет, как меня проводили в зал ожидания для особых клиентов. Усадили в кресло, обитое бархатом, поставили на круглый столик из красного дерева чашечку чая с бергамотом и вежливо попросили подождать перемещения.

Первым классом я ни разу не путешествовала. Обычные смертные сидели в общем зале на жестких лавках, приезжали за час до перемещения, чтобы успеть заполнить ворох бумаг и не пропустить время. Иначе билет сгорал, а деньги не возвращали. И чай! Какой же

там был невкусный чай! Стоил драконьих денег, а пах соломой и вызывал изжогу.

В общем, меня явно пытались подкупить еще на подступах в академию, и я была искренне заинтригована, что сподвигло прижимистого ректора расщедриться.

— Госпожа Егорьева, вас ожидают в порталных воротах, — обратилась ко мне улыбчивая девушка в синей форме портовой служащей.

Она проводила меня в порталную башню. В зале перемещения других путешественников не было. В гордом одиночестве я тоже перемещалась впервые.

— Счастливого путешествия, — пожелала проводница, когда я встала в указанное место, в центр выжженного магией круга.

По контуру побежали красные огни, набрали скорость и превратились в смазанные линии. Постепенно вокруг меня засветилась полупрозрачная красная перегородка. Тело начало сдавливать, привычно перехватывало дыхание. Стены начали искривляться, как в испорченном зеркале.

Перед порталными перемещениями я никогда не испытывала страха и не впадала в панику, как случалось у многих путешественников. С интересом подняла голову и посмотрела на стеклянный купол, накрывающий башню. По нему бежали серебристые разряды магического тока. Мгновением позже голова закружилась, внутренности словно ухнули вниз. Завеса погасла, и я обнаружила себя стоящей в тесном порталном зале родной Залесской академии магии.

— Госпожа Егорьева, как мы рады вас видеть! — воскликнул ректорский секретарь, высокий мужчина средних лет, служивший помощником в академии еще в то время, когда я поступала на первый курс бестиологии.

— Неужели? — хмыкнула я, отказавшись с ним здороваться.

Когда после памятного выпускного бала случился скандал, этот милый человек разносил по академии сплетни и убеждал всех, что я, младший преподаватель, сама спровоцировала мальчика...

Мальчика! Нечисть ему в печень! Выше меня на голову и фунтов на пятьдесят тяжелее.

Пока Евгений Крован отвечивал сальные шуточки на занятиях, я могла стерпеть: на практических занятиях отправляла его в болотную жижу искать следы бестий и душевно терпела. Но даже безграничному снисхождению есть предел! За что это ректорское чадо боролось, на то и напоролось. В смысле, на мой кулак. Пиратская повязка ему крайне шла. Каждый раз смотрела, пока шли разбирательства, и любовалась.

— Хорошо, что вы так скоро добрались, — семена рядом и пытаюсь заглянуть мне в глаза, охал секретарь. — Господин ректор в курсе, какой вы занятой человек.

— Еле вырвалась, — невозмутимо согласилась я. — Что за спешка?

— Ректор Крован все расскажет, — принялся увильвать от ответа секретарь, заодно увильнув от рыцарских доспехов, стоящих в ректорском коридоре. — Но должен сказать, что от таких предложений не отказываются!

Мы вошли в элегантную ректорскую приемную. Дверь в кабинет оказалась открыта.

— Проходите, — прошептал секретарь и вдруг заговорщицки мне подмигнул: — Он вас ждет.

Ректор, подтянутый седовласый архимаг, сидел за массивным письменным столом на фоне больших окон. Поздоровался холодно и молча указал рукой на кресло для посетителей.

Пока секретарь прикрывал дверь, я опустила на пол саквояж и пристроилась в жестком кресле. В большом кабинете с книжными шкафами и портретом короля на стене поселилась ледяная тишина. Откровенно сказать, учитывая тон письма и золотой билет, я ожидала другого приема.

— Вы меня вызывали, — наконец напомнила ему.

— У нас превосходные новости, госпожа Егорьева, — заговорил он таким тоном, словно новость-то была отвратительной. — Вы ведь в курсе, что недавно в Родолесс приезжал владыка Хайдеса?

— Слышала, — коротко отозвалась я.

— Сейчас в южные земли с нашей стороны отправляют делегацию для обмена опытом. Залесской академии была оказана огромная честь отправить наших бестиологов. Понимаете?

— Честно говоря, пока не очень, — чувствуя, что внутри появляется глухое беспокойство, отозвалась я.

— Впервые в истории драконы разрешили составить атлас двуликих бестий, обитающих в южных землях. Скажу больше, они даже согласны, если мы привезем обратно особенно ценные экземпляры в бестиарий нашей академии. Небывалая удача! — воскликнул он.

Возникла странная пауза. Мы переглядывались.

— Господин ректор, я прошу прощения, но вы вызвали меня, чтобы рассказать об этом? Я рада за Залесскую академию.

Рада, но не особо искренне, если честно.

— Мы выбрали вас! — отбросив холодность, торжественно заявил он.

— Для чего? — не поняла я.

— Для важной миссии! Вы отправитесь в южные земли и составите этот атлас. У нас срок всего три месяца. Работы, как понимаете, много. Уверен, вы не посрамите Залесскую академию.

— Да, я в этом тоже уверена, — с трудом сдержав издевательскую ухмылку, отозвалась я. — Но какое отношение я имею к Залесской академии? Вы лично потребовали от меня написать прошение об отставке.

— Прощение об отставке? Какая мелочь, право слово, — с фальшивой улыбкой махнул он рукой и, выдвинув верхний ящик стола, вытащил то самое прошение. — Оно все еще здесь.

— Вы его уже подписали, — ответила я.

На моих глазах Крован вдруг разорвал лист пополам и еще раз пополам.

— Видите, это недоразумение легко разрешимо.

Он швырнул обрывки на стол. Заставив ректора отодвинуться, клочки вновь подскочили в воздух и слепились в нетронутый лист. Прощение легло перед ним целое и невредимое.

— И поставили магическую печать, — напомнила я, что документ не уничтожить.

— Мы просто примем вас обратно на службу! — резковато ответил он. — Никаких проблем.

— Проблема есть, — возразила я. — Мне неинтересна служба младшим преподавателем в Залесской академии. У меня достаточно предложений и есть из чего выбрать.

— Мы примем вас на должность обычного преподавателя. Полная ставка! — объявил он. — Повышение жалования. Любые экспедиции! Что я должен сделать, чтобы вы согласились?

После того как я отказалась выходить замуж за владыку Эсхарда Нордвея? Даже не знаю, чем меня можно соблазнить на поездку в гнездо к дракону.

— Пожалуй, я откажусь, — улыбнулась я. — Если на этом все, то позвольте откланяться...

Я потянулась за саквояжем, стоящим рядом со стулом, но ректор внезапно вскочил с высокого кресла и рявкнул:

— Виталия!

Клянусь, у меня даже волосы на затылке зашевелились. Я резко выпрямилась на стуле и прижала руку к груди, давая понять, что нахожусь в глубоком шоке.

— После возвращения из драконовых земель вы сможете использовать все материалы для защиты профессорского знака! — быстро проговорил Крован. — Вам не придется тратить молодость на лазание по лесам и болотам! Достаточно просто залезть в болото у драконов и выловить нечисть! Вы ведь хотите стать самым молодым профессором бестиологии в истории нашего королевства?

Умеет он выдвигать предложения! В отличие от родолесских, все бестии драконовых земель были двуликими. Получить профессорский значок за исследование необычной нечисти — плевое дело.

— Нет, я хочу, конечно, — осторожно кивнула я, выискивая в ректоре признаки помешательства, но со стороны он вроде выглядел здоровым, разве что сильно взбаламученным. — Но, господин Крован, почему вы этого хотите? Расстались мы, будем честными, плохо.

Он упал в кресло и признался:

— Драконы потребовали бестиолога со знанием рамейна.

— Это не проблема, — заметила я. — Половина наших преподавателей знает драконий язык.

— Они хотели молодого и энергичного бестиолога-практика, госпожа Егорьева. Такого, как вы!

— Полагаю, вы сможете подобрать кандидатуру.

— Королевская канцелярия указала в письме ваше имя! — прикрыв глаза, вынужденно признался Крован. — Вы приезжали на королевский бал и по-дружески общались с драконами. Дворец

посчитал, что вы лучшая кандидатура для этой миссии. А тут такая неловкость...

— Вы отправили меня в отставку из-за вашего сына, — мстительно подсказала я. — И впрямь, большая неловкость.

Удивительно, но ректор почувствовал себя неловко. Он кашлянул в кулак и с фальшивой улыбкой предложил:

— Госпожа Егорьева, давайте начнем с чистого листа! Кто старое помянет, тому глаз вон.

— Кстати, как у Евгения глаз? — невозмутимо спросила я. — Зажил?

От нервного тика у Крована сократился на щеке мускул. Он не смог удержать даже притворную улыбку, ведь история с его сыном случилась возмутительной, с какой стороны на нее ни посмотри.

На выпускном балу Евгений внезапно перепутал чашу малинового пунша с бутылкой крепленого вина, прилично набрался и, не обремененный крепкой моралью, попытался зажать меня в уголке. Я честно пыталась воззвать ректорского отпрыска к здравому смыслу. Даже если разница в возрасте чуть больше трех лет, где это видано: приставать к преподавателю? Однако взывать к тому, чего человеку не отсыпали при рождении, бесполезно. Кретина отрезвил и привел в чувство удар в глаз.

Отец, разгневанный видом побитого сына, обвинил меня в нападении на невинного мальчика, попрании преподавательской этики и потребовал написать прошение об отставке по собственному желанию. Я уже пребывала в такой ярости, что с радостью швырнула это прошение ему в лицо. Сначала собрала вещи, а потом отправилась собираться мыслями в родительское поместье.

Видимо, ректор Крован тоже хорошо запомнил некрасивые подробности скандала. Он нервно оттянул ворот рубашки пальцем, потом кашлянул и, нервно зазвенев крышечкой, отхлебнул из хрустального стакана водичку. Возможно, отстаивал специально для любимого кактуса, стоящего на столе возле письменного набора, но колючему приятелю сегодня не повезло. В отличие, от меня.

— Госпожа Егорьева, как отец Евгения я хочу извиниться перед вами за тот вопиющий инцидент, — через силу начал он. — Мой сын раскаивается в содеянном.

— Публично, господин Крован, — сухо произнесла я.

— Простите? — Ректор вопросительно изогнул брови.

— Я хочу публичных извинений от вас с сыном.

— Но дело же деликатное, — замялся он. — Не в газете же написать?

— По-моему, отличный план, — кивнула я.

Возникла долгая пауза. Было заметно, как ректору не по нутру объявлять на весь белый свет, что воспитание у его золотого мальчика такое себе, паршивенькое.

— Я организую статью, — проскрипел он. — Поверьте, вам не придется терпеть моего сына в академии. Через неделю Евгений отправляется на обязательную службу в Горский корпус ловцов.

— На юг? — протянула я с издевательской улыбкой. — Разве Залесская академия больше не отправляет выпускников в Стужевск?

— В северный корпус не требуются бестиологи, — соврал он.

— Но вы же найдете для своего сына местечко? — уточнила я. — Помнится, после выпуска я просила поменять место службы, и вы лично мне сказали, что север закаляет характер.

— У Евгения слабое здоровье. Он легко простужается.

Мы оба знали, что здоровье у ректорского сына не уступает драконьему.

— В таком случае, ему тем более надо закаляться, — кивнула я.

— В Стужевске сплошные болота и бестии. Прекрасное место, чтобы стать крепче телом и духом.

Ректор посмотрел на меня с плохо скрываемым раздражением.

— Я понял вас, госпожа Егорьева. Вы хотите публичные извинения и Стужевск для Евгения. Этого достаточно, чтобы вы вернулись к нам на службу и отправились в Хайдес от Залесской академии?

Если подумать, владыка Нордвей нашел невесту и скоро женится. Какое ему дело до бестиолога, который хочет хорошее жалование и профессорский значок? Уверена, он уже забыл, как я выгляжу.

— Да что вы, господин ректор, — хмыкнула в ответ. — Мы с вами только начали обсуждать условия моего трудового договора...

Если учитывать внезапно открывшиеся возможности, попросила я немного. Даже поскромничала! Крован проглотил сумму жалования, выходные и праздники, но на просьбе выделить мне отдельный домик для семейных пар запас щедрости внезапно иссяк.

— Вы ведь даже не замужем, госпожа Егорьева! — с возмущением воскликнул он.

— И не собираюсь, — согласилась я. — Отдельный домик лучше общего преподавательского пансиона.

— В пансионе комнаты повышенной комфортности! — оскорбился ректор.

— Но текущая крыша комфорт определенно снижает, — заметила я. — Вы мне поклялись помочь с получением профессорского знака.

— Когда? — Ректор вытаращился, словно его пытались обвинить в страшном преступлении, а он приготовился держать круговую оборону и отпираться до последнего. Пока не прижмут к стенке.

— Как напишу профессорскую работу, так и получу знак, — пояснила я.

— Когда пообещал? — начиная понимать, что давно притиснут к пресловутой стене, сдался ректор.

— В начале нашего разговора, — напредила я. — Для работы над профессорским исследованием нужна тишина. Преподавательский пансион не самое спокойное место в нашей академии.

— Вы попросили личный кабинет.

— И отдельный коттедж, — добавила я.

— Договор найма на три года, — буркнул Крован, осознавая, что сегодня нанял самого дорогого бестиолога-практика без профессорского знака за свою долгую ректорскую карьеру.

— На пять и ни днем меньше, — улыбнулась я. — Хочу быть уверенной в будущем. Надеюсь, ваш секретарь не забудет вписать ни одного пункта в договор, иначе дело затянется, а выезжать в Хайдес нужно... Кстати, когда выезжать?

— В конце недели.

— Так скоро?! — вырвалось у меня.

***

Дни до отбытия в драконовы земли пронеслись с немыслимой скоростью. Показалось, что я только вышла из кабинета ректора с новым подписанным договором в кожаной папке, как уже перед воротами родительского поместья стояла карета с эмблемой дворцовой конюшни. Академия сама оформила разрешительные бумаги, прислала подтвержденную лицензию на практику и письмецо, что в пару мне

дают гения Янгеля Подлунного, автора всех гравюр в последней редакции альбома по нечисти Родолесса.

— Прекрасно, — сседила я.

Художником этот Янгель был хорошим, очень старательным, но явно страдал чрезмерной фантазией. На каждой гравюре, видимо, в порыве вдохновения он пририсовал бестиям лишние конечности, клыки и ядовитые жала. Сколько раз объясняла студентам, что не стоит верить иллюстрациям, столько раз хотела ткнуть этими картинками автору прямо в физиономию. Кто бы подумал, что такая возможность действительно представится!

Пока я читала письмо с инструкциями, матушка тишком прятала что-то в сундук с одеждой. На поверку оказалось, что она уложила между рубашками маленький горшок с остатками яблочного джема.

— Мама, я не настолько люблю джем, чтобы тащить его в Хайдес, — сурово объявила я.

— Это не тебе! — возмутилась она. — Отдашь в дар владыке!

Вытащив злосчастный горшок в салфеточке с красными горошками, я его протянула матушке и коротко скомандовала:

— Забери.

— Нельзя ехать в гости с пустыми руками, — проворчала она.

— Забери, я еду работать. Мы с владыкой не встретимся.

— Конечно, — буркнула она, выхватив джем у меня из рук. — Какие владыки на болотах? Одна нечисть!

Позже из сундука пришлось извлекать и розовое бальное платье. Два раза. После я заперла крышку и выдохнула. Однако ночью перед отъездом дом сотряс страшный грохот. Казалось, в гостиной перевернули посудную горку и проломили старый паркет.

Слетев с кровати, как оглашенная, я выскочила в коридор и столкнулась с испуганной Лизой.

— Ты слышала? — кутаясь в шаль и дрожа от страха, прошептала она. — Кажется, к нам кто-то забрался.

Я молча рванула к лестнице.

— Подожди, а как же швабра? — пролепетала она, схватив меня за рукав. — Без швабры нельзя на воров!

— Ты их пол, что ли, заставишь мыть? — с иронией уточнила я.

— Будем защищаться! Хотя... ты же магией можешь, да?

Оставалось только покачать головой и отправиться на первый этаж без защитной швабры. И без метелки. Сестра заторопилась следом.

Один из дорожных сундуков, оставленных в тесном холле возле стеночки, как я и подозревала, оказался вскрытым. По полу стелился жиденький желтый туман и с большой неохотой вытекал на ночную улицу через раскрытую входную дверь. Никак матушка пыталась запихнуть в сундук бальное платье, горшок с джемом и демон знает, что еще, а в итоге нарвалась на защитное заклятье.

— Возвращайся в спальню, — скомандовала я Лизе и, дыша в рукав, добралась до гостиной.

В комнате не горел свет и стояла удушающая духота. Мама с Бартовым сидели на сдвинутом диване напротив горящего камина и протягивали длинные палочки с зефирками к сильному огню. Пламя трещало и чадило, поленьев явно не пожалели. Очевидно, взломщики надыхались ядовитыми парами и представляли себя в лесу возле костра. В далекой молодости. Повезло, что после грузчиков я не обновила заклятья, иначе видения оказались бы не столь гуманными.

Отвлекать эту замечательную парочку от захватывающего развлечения я не стала, но лечь обратно все равно побоялась. Пришлось бдеть, чтобы престарелые натуралисты не спалили дом. Сидела на кухне и пила крепкий чай, ожидая, когда к ним вернется разум. Разошлись они тихо и даже сами погасили камин.

Подозреваю, этот позорный эпизод мама хотела забыть, как страшный сон, но я-то все равно мстительно спросила перед отъездом:

— Матушка, как вам сегодня спалось?

— Да как же спалось? Ужасно! Переживала, как ты доберешься до места, — с трудом подавив зевок, буркнула она и забыла дать сто наставлений, как следовало вести себя в закрытых землях, чтобы вернуться не с профессорским значком, а бесповоротно замужней. Желательно за владыкой. Но наверное, уже любой заваливающий дракон подойдет, раз я их привлекаю.

Сундуки давно привязали к крыше кареты, и время порядком поджимало. Мы попрощались пусть тепло, но коротко. Через полтора часа кучер остановился напротив ворот в магический порт, и меня снова со всей возможной вежливостью проводили в зал ожидания, похожий на большой салон.

Остановившись в дверях, я осмотрелась вокруг. Делегация была немногочисленной, всего-то десяток человек, а мне казалось, что в драконьи земли собрали толпу магов всевозможных специализаций. Разделившись по интересам, люди сидели за круглыми столиками, прихлебывали напитки и вели тихие беседы. В воздухе витала нервозность перед большим путешествием. Тут-то я и увидела знакомое лицо... Знакомое исключительно по злополучному атласу бестий с лишними конечностями!

Вытянув худые ноги и перекрыв проход, в кресле развалился носатый, патлатый парень в смелом льняном костюме, расшитом пестрыми крупными цветами. В ухе у него болталась сережка, длинные волосы, по-модному взбитые на макушке, выглядели не чесанными неделю. В одной руке он держал какой-то томик и читал его с таким одухотворенным видом, словно изучал поэмы древних сочинителей. И наслаждался!

— Янгель Подлунный? — спросила я, встав напротив него. Правда, встала на расстоянии. Ноги он не убрал и демонстрировал красные подошвы туфель большого размера.

— Давайте, — не отрываясь от чтения, резковато произнес он.

Не понимая, что он от меня хочет, некоторое время я разглядывала его по-женски ухоженную мягкую ладонь с глубокой линией жизни. Не особо длинной.

— Давайте же ваши перо и открытку! — нетерпеливо воскликнул он и перевел на меня раздосадованный взгляд. Оказалось, что у художника, запоровшего учебный альбом, разноцветные глаза: правый голубой, левый каре-зеленый.

— Какую открытку? — искренне удивилась я.

— Да не стесняйтесь, — потребовал он. — Я никогда не отказываю поклонникам оставить памятную строчку. Как ваше имя, милая барышня?

— Виталия Егорьева, — сухо отозвалась я.

Янгель уронил руку, а следом шустро убрал ноги с прохода. Замешательство, правда, длилось недолго, он со всем очарованием улыбнулся:

— Виталия, безмерно счастлив с вами познакомиться. Наслышан о вас от ректора Залесской академии.

— Все, что он обо мне говорил, чистая правда, — предупредила я и, пристроив саквояж на раскладную низенькую табуретку, присела на мягкий стул. — Как к вам обращаться?

— Янгель, — чарующе улыбнулся он. — Янгель Подлунный.

— А в миру? — сухо спросила у него.

— Предпочитаю творческий псевдоним, — игриво отказался он представляться по-человечески. — Вита, давайте просто отбросим официоз.

— Мне нравится официоз, — отказалась я.

— Да я вовсе не против! — принялся уверять он и ради пущей убедительности даже прижал к груди раскрытый томик, невольно продемонстрировав название на рамейне «Самоучитель». — Я могу понять ваше смущение. Все эти громкие выставки, открытки с моими рисунками в каждой книжной лавке. Кто угодно придет в замешательство, но не стоит! На самом деле я очень простой человек.

— Вы меня вовсе не смущаете, — заметила я.

Янгель посмотрел так проникновенно, со столь понимающей улыбкой, что мигом стало ясно: не поверил. Я разглядывала его с искренним любопытством, как неизвестную бестиологии нечисть. Впервые в жизни мне довелось познакомиться с безвозвратно влюбленным в себя мужчиной.

Странную беседу прервала служащая порта с подносом в руках. Она поставила на столик кофейник, чашку и широкую тарелку с подрагивающим куполом из розового суфле.

— Благодарю, — с видом пресыщенного пироженками аристократа важно кивнул художник.

Девушка вдруг замялась и, покраснев, пролепетала, что недавно смотрела выставку Янгеля. Зажав под мышкой круглый поднос, она вытащила из кармашка форменного пиджака первую ручку и протянула ему. Дескать, мечтаю получить памятную надпись. С благосклонной улыбкой тот нацарапал на салфетке закорюку и позволил осыпать себя комплиментами.

Проводив поклонницу таланта откровенно оценивающим взглядом, он поправил всклокоченные волосы и пустился в объяснения:

— Знаешь, Виталия, меня постоянно узнают люди на улице. Просят дать автограф. Сказать честно, это страшно утомляет, но как

отказать поклонникам?

— В Хайдесе отдохнете от немеркнувшей славы, господин Подлунный, — с иронией отозвалась я и посмотрела на большие настенные часы с круглым циферблатом. До перемещения оставалась четверть часа, а гений меня уже утомил.

Возникла долгожданная пауза, но пережить долгое молчание Янгель оказался не в состоянии.

— А тебе подписать открытку? — спросил он.

— Нет, спасибо. — Я изобразила вежливую улыбку.

— Ты меня совершенно не обременишь! — объявил он. — Я всегда вожу с собой несколько карточек, чтобы одарить кого-нибудь близкого. Надо? Ими хорошо закладывать романы... и вообще всякие книжки. Исключительно удобно!

— Я не брала с собой романов.

— Но открытки с нечистью! — Он даже подался вперед, словно вручить мне художественную карточку было для него делом чести. — Из того самого альбома, который продается во всех книжных лавках с прошлого года. Ректор Залесской академии говорил, что этот альбом очень популярен среди студентов. Ты наверняка его видела!

— Видела, — согласилась я.

— И как тебе гравюры? — совсем оживился Янгель, и разноцветные глаза вспыхнули предвкушением. — Я вложил в эти картинки весь свой талант! Рисовал днями и ночами!

— Что ж... — Я кашлянула в кулак, припомнив страшную кашу, сотворенную Янгелем. — Иллюстрации в альбоме детальные.

— Почему мне кажется, что тебе они не понравились? — Он сузил разноцветные глаза и вперил в меня изучающий взгляд, словно пытался прочесть мысли в голове.

— Янгель, мы только познакомились. Вы точно не готовы к этому разговору, — мягко проговорила я, старательно сдерживаясь.

— Виталия, мне важно знать честное мнение о своих работах. Иначе как я буду расти и совершенствоваться? И называй меня Яном! Мы же уже не чужие люди! Вот, угостись пирожным...

Он подвинул в мою сторону тарелку с суфле.

— Предпочитаю не есть сладкое перед порталным переходом, — отказалась я. — Не хочу, чтобы укачало, но вы себе не отказывайте.

Янгель взялся за десертную вилочку с тремя широкими зубцами, постучал ею по верхушке, вызвав в суфле истеричное дрожание.

— А все-таки здорово, что мы отправляемся в Хайдес! — мечтательно вздохнул он. — Всегда мечтал посмотреть драконовые земли и вдохновиться. Уверен, там мое место силы! Я даже их язык начал учить.

Он показал на самоучитель, скромно пристроенный на столе возле кофейника.

— Много выучили? — вежливо поинтересовалась я.

С загадочным видом Янгель откашлялся, состроил сосредоточенную мину и вдруг что-то резко рыкнул длинной трелью и в конце выразительно крикнул, словно его укачало только от мысли о порталном переходе. Некоторое время мы смотрели друг на друга.

— Знаю-знаю, — он с самодовольным видом откинулся в кресле, — надо еще поработать над произношением. Вообще, мне не даются иноземные языки, но драконий оказался на удивление простым.

— Так вы что-то на рамейне сказали?

— Здравствуй!

— Простите? — удивилась я.

— Я поздоровался с тобой по-драконьи! — искренне обиделся Янгель.

— Что ж... Вам действительно стоит поработать над произношением, — со всей возможной деликатностью ответила я.

— А ты говоришь на драконьем? — буркнул он.

— Не переживайте, если заблудимся на острове или застрянем в болотах, то дорогу у местных спросить смогу, — уверила я.

Между тем в дверях зала ожидания появился портовый служащий, и народ начал подниматься со своих мест. Время перемещения подошло. Я подхватила саквояж с табуретки и встала.

— Идемте, — скомандовала художнику. — Нас приглашают в порталную башню.

— Подождите! — громко возмутился он, привлекая к нам любопытные взгляды остальных путешественников. — Какие еще болота? Мне ничего не говорили ни про какие болота! За них мне никто не платил!

— Господин Подлунный, — мягко улыбнулась я, — вы же не думали, что клетки с нечистью будут расставлять по кустам и

открывать дверцы по сигналу?

— Честно сказать, я думал, что в Хайдесе вообще нет нечисти, — недовольно проворчал он. — Мы же едем к драконам. Разве они не самые страшные хищники на континенте?

— Полагаю, в Хайдесе местные бестии к драконам привыкшие, — ответила я и двинулась в сторону открытых дверей.

Глава 3. Гостеприимство по-драконьи

Когда тесной группкой мы собрались в центре порталного зала, художник осторожно сжал рукав моего пиджака, словно боялся потеряться по дороге. На мой выразительный взгляд он буркнул, что немножечко волнуется и ему остро требуется дружеская поддержка.

Замелькали огни порталной магии. На секунду тело словно ухнуло вниз в свободном полете, желудок подскочил к горлу. Я прикрыла глаза и задержала дыхание. Янгель перестал стесняться, впился в мой локоть пальцами и начал что-то бормотать. Видимо, молился.

Через несколько секунд перемещение закончилось. Под ногами снова появилась каменная твердь. Мы перенеслись из Родолесса в огромный светлый зал с мраморными стенами, украшенными росписями на древнем незнакомом языке. Сквозь стеклянный купол лился солнечный свет. В стенах ощущалась монументальность.

Янгель крепко схватил меня под локоток и навалился всем длинным, худым телом.

— Господин Подлунный, уже можно отпустить, — процедила я, подняв взгляд к его чуток позеленевшему лицу.

— Лучше еще немного подержусь, — не открывая глаз, отказался он. — Почему мне так плохо? Я даже пирожное не стал есть!

— Ян, ты меня сейчас уронишь, — окончательно отбросив официоз, проворчала я и попыталась освободить руку.

— Но ты кажешься очень устойчивой. — Он схватился крепче и прильнул еще теснее.

— Это ложное впечатление, — сдедила я и все-таки отстранилась от него на четверть шага.

— Еще минуточку! — согнувшись, художник уткнулся лбом в мое плечо и глубоко задышал. — У тебя приятные духи. Как называются?

Хотелось сказать, что это запах неприятностей, в которые он попал, но вокруг царила возмущенная тишина, и все с укором таращились в нашу сторону. И только длинноволосый Илайс в светлых свободных одеждах, удивительным образом подходящих и ему, и местной погоде, смотрел с откровенным весельем. Сопровождающие

его драконы стояли с каменными минами. Было очевидно, что он явился встречать гостей с дворцовой стражей. Этакое гостеприимство по-драконьи.

— Простите, — устыдившись, проговорила я и толкнула вцепившегося клещом художника. — Господина Подлунного укачало в порталном коридоре.

Художник осторожно поднял голову и, осознав, что мы фактически сорвали торжественное приветствие, отступил. Но не очень далеко, всего-то на шаг. Видимо, рассчитывал навалиться на меня обратно, если колени подогнутся и захочется полежать на мраморном полу.

— Мы приветствуем вас в южных землях, крае ветров и гор! — с заметным акцентом по-родолесски проговорил Илайс, и сильный голос вознесся к стеклянному куполу башни. — Добро пожаловать во дворец кейрима!

Я почувствовала, как меняюсь в лице. Никто меня не предупредил, что делегацию переместят в самое сердце Хайдеса, под крыло отвергнутого владыки. Между тем Илайс пояснил, что драконы желают продемонстрировать гостеприимство: сначала выгуляют нас по самому крупному городу южных земель, а потом в полной сохранности доставят до драконьих академий, где с нетерпением ждут «друзей из Родолесса». Глядишь, мы с владыкой вовсе не встретимся...

— Кейрим Эсхард искренне горюет, что не может лично вас встретить и проявить должного уважения, — продолжал Илайс. — Вечером он непременно поприветствует всех за праздничным ужином.

— Какое неприятное слово «ужин», — едва слышно пробормотал помирающий Янгель. — Меня от него мутит...

Кажется, от этого слова меня тоже начинает мутить.

Мы двинулись в сторону раскрытых высоченных дверей к переходу, связавшему порталную башню с дворцом. По иллюстрациям в географических атласах я знала, что резиденция владыки Хайдеса фактически вырастает из горы, но, оказавшись в висящей над пропастью галерее, осознала, как сильно он поражал воображение.

Столица стекала извилистыми ручьями-улицами по горным склонам в большую долину и окружала озеро в самом его центре. На острове посреди воды стояло высокое здание, кажется, оно

принадлежало одной из старейших магических академий в драконьих землях. От него тянулся мост к суше.

Однако самым удивительным был вовсе не вид на Хайдес, а драконы, парящие в небе. Издалека они казались размером не больше птицы, но все равно вызвали странное ощущение нереальности происходящего.

— Я это чувствую! Сила льется в меня! — притормозив возле арочного окна без стекол, зачарованно проговорил Янгель, но скривился: — Нет, ошибся. Мне по-прежнему дурно.

Коллеги уже ушли за энергичным Илайсом вперед, а остальные драконы остановились и с непроницаемыми минами дожидались, когда мы перестанем тормозить и ковыряться.

— Идем, — вздохнула я, подхватывая художника под локоть.

— Мы поможем, — прогудел на драконьем один из стражей.

Отказаться не успела. Плечистые парни меня аккуратно отодвинули и подхватили Янгеля под нежные руки. От испуга тому снова похорошело, и землистый цвет лица поменялся на цвет спелого помидора.

— Что происходит? — пролепетал он, вертя патлатой головой.

— Они тебя доведут, — смиренно пояснила я.

— Я сам! — воскликнул тот.

Пришлось попросить оставить бедолагу в покое, но в дворцовый холл со сводчатым потолком Янгель входил, с двух сторон подпертый крепкими драконами. Видимо, на тот случай, если гостю опять станет нехорошо. Полагаю, он превозмогал дурноту только из страха оказаться в тисках заботливых стражей.

— Вайрити, слуги проводят вас в покои, — не сводя с меня хитрого взгляда, объявил Илайс и сделал жест двум девушкам в легких платьях из серой материи, по всей видимости, горничным.

Я с удивлением обернулась к остальным. Их отправляли в противоположную сторону.

— Но как же...

— Мы не можем поселить девицу в мужском гостевом доме, — с вежливой улыбкой пояснил он.

Интерьер дворца выглядел лаконичным, но каждая деталь: лепнина, мозаичные картины на стенах, замысловатые символы, покрывающие кружевом мраморную гладь колонн, — дышали

историей, мощью и силой. Благодаря широким коридорам и высоченным потолкам пространство казалось наполненным воздухом. Размах непритворно восхищал.

Войдя в раскрытые служанками двери гостевых покоев, я ошарашенно замерла на пороге. Возникло подозрение, что случился конфуз и девушки перепутали комнаты. Широкая кровать с легким полупрозрачным балдахином, напольное зеркало в золотой раме, диван с резной спинкой и мелкими подушками, ковер с нежным цветочным рисунком. В углах источали прохладу чаши с охлаждающими кристаллами.

— Мои покои? — недоверчиво уточнила я.

— Если вайрити не нравится, мы немедленно приготовим другие!
— всполошились девушки.

— Прекрасная комната, — немедленно заявила я и шагнула в долгожданную прохладу.

Горничные заметно расслабились и бросились наперебой предлагать нагреть мне ванну, натереть ароматной вулканической пастой, накормить досыта и сделать массаж всего тела. От предвкушения, словно всю жизнь мечтали размять усталые мышцы госте из Родолесса, у обеих на скулах выступали едва заметные драконьи чешуйки и вновь сливались с кожей. В общем, еле отбилась!

Свободно выдохнула только в тот момент, когда за ними закрылась дверь. Я осталась один на один с огромной комнатой, обставленной с королевским шиком, и спокойно осмотрелась. В ванной обнаружился овальный бассейн, удобства за резной дверью и ниша для омовений с лейкой, вделанной в стену.

Для интереса я попыталась пустить воду: постучала ладонью по символам, вырезанным в стене. Оказалось, что достаточно помахать перед ними рукой и на голову хлынет поток воды... Ругнувшись, отпрянула и едва не поскользнулась.

— Лучше бы у горничных спросила, — буркнула себе под нос, отряхивая с пиджака капли воды.

Дорожные сундуки обнаружили в комнате для переодеваний. Пустые вешалки и полки выглядели сиротливо. В общем-то, такими им и предстояло оставаться. С собой я взяла довольно скудный гардероб. Большую часть багажа занимала экипировка и снасти для ловли бестий.

Хотелось бы мне сказать, что как истинный исследователь я побродила по дворцу и полюбовалась видами с балкона, но увы и ах. После холодного мытья, потому как вода не нагрелась, я завернулась в халат и заснула беспробудным сном человека, бдвшего всю ночь на кухне, а потом пережившего порталное перемещение через горы. Праздничный ужин не проспала только благодаря горничным, которые с истинно драконьим гостеприимством зажгли в покоях верхний свет.

— Вайрити, праздник начнется через два часа, — объявила одна из девушек с таким счастливым видом, словно будить гостей являлось ее любимым развлечением. — Мы здесь, чтобы помочь вам собраться.

Пока они разбирали уже открытый сундук, я принялась вводить шифр на замке второго. Между делом выяснила, что девушек зовут Лавиния и Иридия. Девушки были лучшими подругами и попали во дворец буквально перед моим приездом. Им все нравится, а особенно прислуживать вайрити из Родолесса. У меня очень смешной акцент.

— Кажется, багаж перепутали, — вдруг заявила Лавиния и продемонстрировала мои летние штаны. — Здесь только мужская одежда.

— Да много бы вы понимали, — пробормотала я по-родолесски и уже на драконьем пояснила: — Юбка в другом сундуке, но нам надо найти платье.

Синее платье с белым кружевным воротничком лежало на самом дне под повседневной одеждой.

— Его надо отпарить, — решила Иридия и, подхватив платье, шустро исчезла из покоев.

Вторая горничная помогла мне привести в порядок спутанные волосы и заколола жемчужной заколкой из моей шкатулки с немногочисленными украшениями. Тут же, пока я не сопротивлялась, подвела глаза стрелочками и охнула, глядя в зеркало:

— Вайрити, ты такая красивая, когда причешишься!

Между тем вернулась ее товарка, и вечер резко утратил томность. Платье, возвращенное от гладильщицы, выглядело превосходно, гораздо лучше, чем до отпаривания, но имелся один значительный нюанс... Оно было чужим.

— А где мое? — не поняла я, разглядывая синий шелковый наряд без белого воротника и даже без рукавов.

Девушки оторопело переглянулись. На скулах обеих снова побежали чешуйки.

— Но гладильщица отдала именно это платье, — проговорила опростоволосившаяся Иридия, поблескивая золотистыми чешуйчатыми полосками. — Присмотритесь получше, может, оно все-таки ваше?

Я одарила ее выразительным взглядом и уперла руки в бока.

— Сейчас вернусь и найду ваше платье! — клятвенно заверила она.

Вернулась минут через пятнадцать с тем же самым чужим платьем и начала уверять, что ошибки не случилось. Появлялось подозрение, что гладильная во дворце волшебная и от магического пара неказистые платья в ней превращаются в шикарные шелковые наряды.

— Может, его наденете? — робко предложили девушки принарядиться в чужую одежду.

Проглотив емкое ругательство, я отправилась в комнату для переодеваний. Горничные виновато посемили следом.

— Не одним платьем богаты, — пробормотала я на родолесском, вытаскивая из шкафа лекторскую юбку и блузу с бантом. В общем, не самая нарядная одежда, зато точно женская.

— Я отнесу отпарить... — робко предложила Иридия.

— Нет уж, спасибо, — пробормотала я и объяснила уже на драконьем: — Давайте в этот раз я как-нибудь сама.

Повесила юбку на рогатую вешалку, растерла ладони и принялась оглаживать плотную ткань, пытаясь придать одежде ладно приличный, хотя бы опрятный вид.

— Вайрити, — осторожно проговорила Лавиния, — что-то ткань дымится.

— Где? — не поняла я.

Край подола не просто дымился, а начал тлеть. Ткань чернела, таяла и грозила превратить юбку до лодыжек в пояс. Выругавшись, я мгновенно погасила магию. Кто бы сомневался, что бытовое заклятье снова закончится уничтожением вещей! У боевых магов вообще с этим плохо складывалось. Обязательно что-нибудь испортишь.

— Что же делать? — расстроились девушки. — Идти в мужской одежде на праздник — большой позор.

Я посмотрела на синее одеяние в руках Иридии. Заявиться на праздник в чужом наряде тоже, мягко говоря, не особенно большая честь. Встретишь хозяйку платья, потом стыда не оберешься! Но лучше уж позориться перед драконами красивой, чем в неприязнительных брюках.

— Надену платье, — сдалась я.

Честное слово, какая-то дурная традиция. Каждый раз, когда мы встречались с владыкой, я обязательно была одета в чужое платье.

Горничные взялись провожать меня на праздничный ужин в малахитовый зал, где, по их словам, собирались гости. За окнами стояла густая темнота, и дворец словно вспыхнул изнутри. Мраморные стены широких коридоров излучали мягкое свечение, ярко и контрастно горели алым цветом вырезанные письмена. Зато сразу стало ясно, почему днем по дороге в покои я не увидела ни одного светильника. Лампы попросту были лишними.

Девушки довели меня до широкой лестницы. В заполненный гостями зал гладкими темно-зелеными стенами я поднималась одна. Женщин в шелковых струящихся нарядах оказалось предостаточно, и никто не обратил внимания на опоздание. Я тихонечко пристроилась к коллегам, но мужчины встретили меня сдержанно. Один поздоровался на драконьем языке, приняв за местную. Пришлось неловко представиться, словно мы никогда не виделись.

— Кто вы, дивное видение? Как ваше имя? — тяжело дыша в ухо, из-за спины прошептали голосом Янгеля Подлунного. — Я мечтаю нарисовать ваш портрет...

Я обернулась и одарила художника в очередном аляповатом костюме выразительным взглядом. Он смутился, кашлянул в кулак и небрежно бросил:

— Не узнал со спины. Свет приглушенный...

Малахитовые стены в зале действительно не светились, как в коридорах, но в углах и в широком проходе между двух длинных столов стояли высокие бронзовые чаши на металлических витых подставках. От камней поднималось магическое марево. Возникало обманчивое впечатление, что пространство озарял неверный свет факелов.

— То есть портрета не ждать? — с иронией спросила я. — Мне просто интересно: много дивных видений согласилось?

— Мне никогда не отказывают, — высокомерно уверил он, подхватил с подноса проходящей мимо служанки два серебряных бокала и с чарующей улыбкой выдал на ломаном драконьем бранное слово.

Мы с подавальщицей знатно опешили.

— Почему она на меня так смотрит? — сквозь зубы пробормотал Ян.

— Ты выругался, — подсказала я.

— В каком смысле?

— В нецензурном, — фыркнула я и мягко объяснила служанке: — Мой друг плохо говорит на рамейне. Он хотел поблагодарить за напиток.

Та по-быстрому отошла от нас.

— Прости великодушно, милая! Ты обворожительна! — вдогонку ей высказался Ян, привлекая внимание окружающих, и с невозмутимым видом сунул один из бокалов мне: — За приезд!

Не заметив, как к нам не повернулся только ленивый, а земляки коллективно отодвинулись, он отхлебнул вино и уважительно округлил разноцветные глаза. Оказалось, чтобы запомниться в приличном драконьем обществе, необязательно надевать брюки. Можно просто встать рядом с Янгелем Подлунным, изучающим рамейн по сомнительному самоучителю. Жаль, что синих занавесок, да и любых других, на стрельчатых окнах зала не было, а так бы красиво с ними слилась.

— Кстати, отличное вино. Зря не пробуешь, — не погнувшись еще раз припасть к бокалу, одобрил художник.

— В Хайдесе его называют «приветственным», — проговорили на родолесском с сильным акцентом.

Мы удивленно обернулись. Рядом с нами стоял светловолосый дракон с симпатичной юной девицей в алом, вцепившейся в его локоть. Мужчина был худощав и, вероятно, по местным меркам не обладал великим ростом. Однако мне все равно приходилось поднимать голову. Взгляд то и дело цеплялся за тонкую косичку с золотой застежкой, свисающую у него с виска.

Мы представились. Их звали Ярран и Данри Элори. Друг другу они приходились братом с сестрой и действительно были внешне похожи.

— Красивое платье, — похвалила Данри на недурственном родолесском.

Мысленно я решила, что хозяйка синего платья нашлась, и осторожно уточнила:

— У вас есть похожее?

— Предпочитаю цвета поярче, — ответила она.

— Данри, следи за словами, — едва слышно на драконьем осек сестру Ярран.

— В чем проблема? — полагая, что ее не понимают, спросила она на родном языке. — Всегда считала синий — цветом простолюдинов.

С милой улыбкой она поправила на шее богатое кольцо. Открытые плечи, глубокое декольте и точеные скулы у нее едва заметно мерцали от золотистой пудры. Не зря говорят, что драконы любят блесочки. Золотом местные дамы себя не обделяли.

— Зато в Родолессе синий считается королевским, — невозмутимо перешла я на рамейн.

Возникла сконфуженная пауза.

— А молва не врет, женщины с Родолесса самые обворожительные на всем континенте, — фальшиво хохотнув, принялся нахваливать Ярран. — Госпожа Егорьева, вы, должно быть, прибыли по личному приглашению владыки?

— По заданию Залесской академии магии, — подсказала я, догадываясь, что во мне пытаются разглядеть ту самую пресловутую невесту Эсхарда, о которой многие слышали, но никто не видел. — Я бестиолог.

— Вы изучаете нечисть! — воскликнул Ярран. — Какая приятная неожиданность!

— Увлекаетесь? — вежливо уточнила я.

— У брата в кабинете стоит стеклянный куб с зайфиром, — внезапно поменяв гнев на милость, проговорила Данри и с насмешкой посмотрела на родственника: — Это ящерица с двумя головами. Ярран с ней постоянно разговаривает и кормит мышами.

Оставалось только вежливо улыбнуться. Встречала я любителей-энтузиастов. И не раз. Обычно с видом знаков они несли несусветную чушь и учили меня ловить бестий.

— А я рисую нечисть, — внезапно вклинился в разговор художник. — Янгель Подлунный к вашим услугам.

Мы покосились на высокого худого парня в некотором недоумении. Никто не понимал, какие услуги он может оказать новым знакомым. Разве что портреты написать, но, учитывая любовь господина Подлунного к лишним конечностям на рисунках, рисковать не стоило.

— Прекраснейшая Данри, — не унимался он. — Ваша красота и утонченность запали мне в сердце. Давайте я нарисую ваш портрет!

Блондинка подавилась на вздохе и принялась шарить глазами по толпе, прикидывая, куда спрятаться от грядущей великой чести и художественной благодати от художника, рисующего нечисть. Однако зал вдруг затих. Все обернулись к арке. Владыка Эсхард Нордвей появился перед гостями. По правую руку от него, отступив на шаг, стоял Илайс.

Здесь, во дворце драконов, властитель был в своей стихии и выглядел ошеломляюще. Высокий мужчина с королевской выправкой и широким разворотом плеч. Волосы медного цвета свободно лежали на плечах, синий кафтан с причудливой вышивкой, надетый на белую рубаху без воротника, подчеркивал мускулистое телосложение. Признаться, на балконе королевского дворца и в гостиной моей матушки он не производил столь сильного впечатления.

— Приветствую гостей на празднике в честь наших друзей из Родолесса, — проговорил он низким вибрирующим голосом на рамейне и добавил уже по-родолесски: — Добро пожаловать в Хайдес, господа! Надеюсь, дорога была близкой и легкой.

— Мира и богатства дворцу! — прогудели в ответ драконы ритуальную фразу.

Эсхард окинул зал долгим взглядом, ни на ком не задерживаясь, и прошел мимо меня, не удостоив даже вежливого кивка. Я сжимала тонкую ножку серебряного бокала и чувствовала себя по-настоящему обескураженной. Владыка южных драконов сделал вид, что мы незнакомы.

Прозвучало приглашение к праздничному ужину. Драконы занимали места в соответствии с местными традициями, приезжим помогли сориентироваться слуги. Когда мы с художником оказались за одним столом с владыкой, а рядышком пристроились брат и сестра Элори, вдруг стало ясно, что гостей из Родолесса хитро перетасовали с драконами. Возможно, рассадили по интересам.

Начали выносить закуски. Передо мной поставили порезанный тонкими полосками лук-порей, почти прозрачные блинчики, похожие на кругляши из пергаментной бумаги, и миску с густым темным соусом. Через некоторое время в зал ввезли тележки с огромными подрумяненными со всех сторон утками, обложенными яблоками. Зал оживился.

— Вы пробовали когда-нибудь утку по-хайдески? — спросил у меня Ярран.

— Не приходилось, — с вежливой улыбкой ответила я.

— Истинный деликатес! Им приветствуют только самых дорогих гостей, — пояснил он.

— Всю жизнь мечтал попробовать настоящую драконью утку, — пробормотал Янгель. — В ресторациях ее не умеют готовить.

Одну из тележек подкатали поближе к нам. Слуги ловко срезали с гигантской тушки зажаренную кожицу с тонким прослоем жирка, обнажив идеально прожаренное, аппетитно дымящееся мясо. Внезапно я поняла, что в последний раз ела ранним утром перед отъездом, и сглотнула слюну. Глянцевую срезанную кожицу сложили на большое блюдо и торжественно водрузили на стол.

— Вайрити, заверну вам утку, — предложил слуга, ловко втиснувшись между мной и Янгелем.

С интересом я следила, как он положил на блинчик порей, добавил хрусткий ломтик кожи и завернул тонкой трубочкой. Пеленал утиную шкварку слуга филигранно! Собрав у меня на тарелке горку необычной закуски, он отошел. Мяса не предложил.

Я попробовала чудо традиционной кухни, исключительно чтобы не обижать хлебосольных хозяев. Очевидно, они очень старались выглядеть гостеприимными. Все лучшее гостям! На вкус утиная шкура в блинчике была ровно тем, чем и являлась: хорошенько прожаренной на огне и натертой медом общипанной кожей...

— Куда они мясо прячут? — внезапно толкнул меня в локоть Янгель.

— В смысле прячут? — искренне удивилась я.

Оказалось, что слуги вывозили из зала в неизвестном направлении тележки с раздетыми до мяса утиными тушками. Ни одного ломтика не оставили! Даже румяного крылышка не отломили.

Мы с художником проводили скорбную во всех отношениях процессию печально-голодными взглядами.

Народ между тем с большим удовольствием угощался, словно ничего в своей жизни вкуснее не пробовал. Они же драконы и должны любить мясо! Что за диковинные хищники, с аппетитом поглощающие утиные шкурки?

Я тяжело вздохнула и случайно встретила глазами с возглавлявшим второй стол Илайсом. Не разрывая зрительного контакта, с хитрым видом он откусил блинную трубочку и принялся энергично жевать. Какие-то неправильные в Хайдесе драконы. И закуски у них странные.

Неожиданно в зале началось непонятное бурление: слуги выстроились в проходе и начали подозрительно улыбаться. Выглядело так, будто улыбались непосредственно мне, хотя на самом деле всем сразу.

— Что происходит? — склонившись к моему уху, громко зашептал Янгель. — Как-то мне не по себе.

— Начинается... — довольно проорчал Ярран. — Госпожа Егорьева, обычно это традиционный подарок самой красивой женщине в зале. Рыба с песней.

— Это дословный перевод крылатой фразы? — не поняла я.

— Да нет же! Это рыба и песня, — толком ничего не прояснил дракон. — Комплимент от хозяина дворца. Как единственной женщине из Родолесса, вам оказывают особенную честь.

Чувствуя себя стоящей на табуретке посреди толпы, я украдкой покосилась на этого самого хозяина дворца. Эсхард следил за представлением и прихлебывал из тяжелого серебряного бокала вино. За вечер он не бросил в мою сторону ни единого взгляда. Я искренне пыталась разобраться, почему его нежелание признать наше знакомство вызывало внутри столь сильное раздражение.

— Виталия! — Под крышкой стола Янгель вцепился в мою руку. — Я уверен, они решили отдать тебя в жертву драконьим богам. Но ты не бойся, мы отобьемся. Хорошо, что ты владеешь боевой магией. Ты же владеешь?

— Ян, тебя слышат... — улыбаясь слугам, сквозь зубы процедила я и кое-как освободилась.

— Но не понимают, — не унимался он. — У нас есть фора!

В зал медленно и величественно ввезли тележку с огромной зубастой рыбиной, лежащей на подушке из овощей. Слуги захлопали в ладоши и, приплясывая, разноголосым хором запели лихую песенку. В ней сильнейший крылатый мужчина обернулся драконом и принес в подарок к прекраснейшей женщине морское чудовище. Прямо сейчас он накормит красавицу из собственных рук!

На этих словах Эсхард поднялся... Я прилично напряглась. Под бесконечную песню, в которой прекраснейшая женщина со слезами радости приняла подарок, владыка взял в руки нож. Чисто по-мужски он откромсал кусок рыбы, плюхнул этот щедрый ломоть на широкую тарелку и двинулся к моему столу. Слуги замолкли.

— Примите, вайрити, — в царящей тишине проговорил Эсхард на рамейне и впервые за вечер посмотрел мне в глаза.

Я поднималась со стула слегка огушенная, со словами благодарности взялась за тарелку двумя руками и вдруг поняла странную вещь. В синих одеждах мы с владыкой Нордвеем подходили друг другу идеально, словно специально наряжались похоже. Как пара.

***

На прогулку по городу гостей собирали в девять утра, но по многолетней привычке я проснулась рано. В окна щурилось утро, медленно светлело небо. Земля южных драконов готовилась встречать солнце. Вокруг царила хрупкая тишина, и в ней чудесно думалось. В памяти всплывали подробности вчерашнего шумного праздника.

В тот момент, когда я забирала тарелку, темные глаза Эсхарда приобрели медный оттенок. Зрачки сузились и стали вертикальными. С едва заметной улыбкой он кивнул и... вернулся на раздачу.

Как объяснил Ярран эту застольную традицию южных драконов, кейриму следовало угостить каждого гостя, чем он успешно занимался: выслушивал длинные тосты и отрезал от рыбы куски. На меня не обращал ровным счетом никакого внимания. Сегодня на свежую голову я испытывала благодарность, что Эсхард не допустил двусмысленности.

Пока не появились шебутные горничные и утро не наполнилось их беспрерывным чириканьем, я решила посмотреть дворец. Далеко заходить не собиралась, чтобы не потеряться. Побродила по коридорам, нашла зал с фонтаном и диванчиками в алькове, обнаружила широкий балкон, выходящий во внутренний двор. С

улицы доносились голоса. Оказалось, что на выложенной расписными плитками просторной площади шла утренняя тренировка стражей.

Размявшись, через некоторое время они приступили к спаррингам. Двигались парни умело и выделяли такие занимательные штуки с оружием, словно знали, что с балкона за ними следит восхищенная публика. Надо сказать, что эта публика в моем лице действительно пребывала в восторге от зрелища. Ведь бесконечно следить можно за двумя вещами: за бестиями в естественной среде обитания и рослыми, плечистыми мужчинами на тренировке.

А когда они по очереди начали скидывать рубашки и обнажать рельефные торсы, вид сверху стал и вовсе божественным! Ничто, даже нападение с воздуха дракона, желающего украсть невесту, не заставило бы меня вернуться в покои, но появилась переполошенная Лавиния. На ее скулах вновь поблескивали тонкие полоски золотых чешуек, видимо, вылезающих в момент сильного волнения.

— Вайрити, вы здесь! Мы принесли завтрак, а вы исчезли. — Она всплеснула руками. — Полдворца обежали!

— С балкона такие чудесные виды открываются, — довольно вздохнула я. — Просто душа радуется.

— Ой! — Чешуйки исчезли, и на лице горничной расцвела понимающая улыбка. — Вид по утрам здесь хороший. Сами иногда приходим полюбоваться.

— Да, — вздохнула я, направляясь к выходу. — Приятно начинать день с таких живописных пейзажей.

В коридоре мы нос к носу столкнулись с Эсхардом. Он направлялся на балкон в сопровождении двух незнакомых драконов. Горничная немедленная отступила к стене и опустила голову.

— Доброе утро, — поздоровался Эсхард на родолесском.

— И вам, кейрим Нордвей, — притормозив, ответила я на драконьем.

На секунду показалось, что он непременно заведет какой-нибудь ни к чему не обязывающий разговор: спросит о погоде, природе и отчего госпожа Егорьева ушла с праздника задолго до окончания. Однако владыка вежливо кивнул и двинулся дальше по коридору.

— Госпожа Егорьева, — вдруг позвал он этим своим низким голосом, удивительно ему подходящим.

— Что вы хотели? — наверное, слишком поспешно обернулась я.

— Хорошо проведите время в городе. — Эсхард едва заметно улыбался. — У нас гостеприимный народ. Уверен, вы останетесь под впечатлением.

Мы вежливо попрощались, как и положено посторонним людям, и разошлись в разные стороны.

Ровно в девять часов утра, не подозревая, что к ночи от пресловутых впечатлений заработаю натуральный нервный тик, я стояла в центре огромного холла и следила, как хмуро собираются на экскурсию земляки.

Определенно утро было светлым только у меня, остальные его таковым не считали. Сразу видно, что люди хорошо отметили приезд в драконьи земли. Узнать художника в худом скромно одетом парне с завязанными в хвост волосами удалось с трудом. Нарядиться в костюм Янгеля Подлунного сил ему не хватило, разве что в ухе уныло болталась длинная сережка.

— Зря ты ушла рано, — просипел он и почесал бровь. — Потом вернули утку и играли музыку.

— Выглядишь не очень, — заметила я. — Утка не зашла?

— Почему по утрам ты кажешься такой беспощадной? — проворчал Ян. — А ведь с виду хороший человек.

— Это ты еще не проводил со мной целый день, — с иронией протянула я, наблюдая, как по лестнице спускается Ярран.

Вот уж кого не ожидала увидеть ранним утром, но выглядел дракон свежим, бодрым и точно не страдал от последствий вчерашнего праздника. С располагающей улыбкой дракон пояснил, что не захотел пропустить экскурсию. Дескать, некоторое время провел послом у равнинных драконов в Авионе, давненько не гулял по городу и соскучился по местным красотам. Данри прогулку решила пропустить и осталась в покоях, что еще сильнее опечалило и без того заметно печального Яна.

Всей компанией нас вновь повели по галерее между дворцом и порталной башней, словно хотели отправить домой.

— Нам придется перемещаться порталом? — заволновался художник, видимо, прикинувший шансы на выживание после перемещения. Остаться в вертикальном положении он явно не рассчитывал.

— Воздушной дорогой. По воздуху спуститься в город быстрее всего, — любезно подсказал Ярран и указал на окно без стекол. — Никогда не пробовали?

— Не приходилось, — с нервным смешком отозвалась я, невольно вспомнив, как высоко стоит дворец.

Янгель дернул меня за рукав, заставив чуток притормозить. Когда мы отстали на пару шагов, он наклонился и с истерикой в голосе забормотал:

— Ты слышала? Это что значит? Толкнут в спину и полетели? У кого крылья выросли, тот и добрался живым до земли?

— Тогда пора молиться, — с иронией призвала я вспомнить о вечном и прибавила шагу, чтобы не отстать от остальных.

— Ты же пошутила? — охнул мне спину.

Не оборачиваясь, я помахала рукой, дескать, в каждой шутке только доля шутки.

— Виталия, давай помолимся вместе! — возвысил он голос, и все, даже сопровождавшие нас слуги, с удивлением оглянулись к странному типу. Драконы, правда, не поняли, к чему он призывает, но у наших земляков лица сделались исключительно красноречивые.

— Почему ваш друг предлагает обратиться к богам? — вежливо уточнил на рамейне Ярран.

— Он очень впечатлительный, как все художники, — пояснила я. — И высоты боится.

Воздушный путь представлял несколько вагончиков, плавно, но шустро спускавшихся и поднимавшихся по натянутым толстым канатам к горному уступу, в который плавно перетекал нижний зал порталной башни. Край был огорожен высокой каменной балюстрадой, защищавшей не умеющих отращивать крылья пассажиров от полета вниз.

— Давайте я вам помогу, — предложил Ярран, когда слуги открыли передо мной дверь самого первого вагончика, внутри напоминающего тесный салон обычного экипажа.

От помощи я не отказалась. Когда забралась внутрь, пол под ногами неприятно зашатался, как корабельная палуба. Дракон между тем грациозно сел на деревянную лавку напротив и небрежным жестом приказал закрыть слуге дверь. Буквально перед носом не особенно расторопного после веселой ночи Яна. Вагончик дернулся и

поехал, оставив обескураженного художника за бортом, а нас с Ярраном — вдвоем, хотя салон был рассчитан как минимум на четверых человек.

На секунду мы ухнули вниз, словно провалились в яму. Мимо поплыли словно вырастающие из горы башни дворца с витражными окнами, отражающими солнечный свет. Кабинка покачивалась, скрипели канаты. Ярран сидел, скрестив руки на груди, и не испытывал ровным счетом никакого беспокойства. Судя по улыбке, дракон был в своей стихии и волновался, что под тонким полом вагончика глубокая пропасть.

— Не переживайте, Виталия, это безопасно, — уверил он. — Видимо, в Родолессе нет воздушных дорог?

— Не успели обзавестись, — согласилась я, впиваясь пальцами в край деревянной лавки.

— Я хочу побывать в Родолессе, — объявил Ярран. — Думал попросить владыку назначить меня послом. Наверняка он будет не против. Но сначала я должен позаботиться о счастливой судьбе сестры. Данри уже двадцать, самое время найти ей пару.

Я вежливо улыбнулась и промолчала.

— В Хайдесе ходят слухи, будто владыка ездил в Родолесс за невестой, — вымолвил дракон и посмотрел на меня так выжидательно, словно ждал подтверждения, что я лично знакома с будущей владычицей южных драконов.

— И что говорят люди? — хмыкнула я. — Нашел?

— Говорят, избранница владыки скоро приедет во дворец знакомиться с Хайдесом, — пояснил Ярран. — В Родолессе не обсуждали, кто она?

— Не интересуюсь светскими сплетнями, — уклончиво отозвалась я, тщательно следя за лицом. Хотя на лбу-то у меня написано не было, что перед Ярраном сидит первая неудачная попытка владыки обзавестись супругой.

Разговор мне не нравился, но еще больше не нравилось, что дракон пытался выглядеть небрежным, даже отстраненным, однако жгучий интерес выдали глаза. Зрачки на секунду сузились, и в породистых чертах лица вдруг проявилось нечто змеиное.

По всей видимости, женитьба Эсхарда Нордвеля была горячей темой, а тайна вокруг неизвестной девушки, выбранной в супруги,

раззадоривала драконов похлеще золотых слитков. Любопытство было у них в крови, как и любовь к драгоценным сокровищам... Ладно, стоит признать хотя бы самой себе: мне тоже интересно, кто она, его невеста.

Между тем мы прибыли к неожиданно людной площадке с навесами от солнца. Дверь вагончика открылась. В салон с кривоватой усмешкой заглянул Илайс.

— Не ожидал тебя увидеть, друг мой, — удивился Ярран, выбравшись наружу.

— Какое совпадение, *рейнин*^[1] посол, — протянул тот, обратившись к нему отстраненно вежливым «господин» на драконьем. — Полагал, ты получил новое назначение.

Пока они обменивались любезностями с такими интонациями, что дурак поймет, как сильно эти мужчины друг друга не любят, я тихонечко сошла со ступеньки. Драконы синхронно повернулись и, в унисон проговорив «госпожа бестиолог, позвольте», протянули раскрытые ладони. Оба сконфуженно замерли, обнаружив, что дама успешно справилась с выгрузкой и стоит рядом.

— Благодарю, уже спустилась, — сдержанно прокомментировала я. — Господин Илайс, вы сегодня в охране?

— Взятся показать гостям красоты города, — на рамеине ответил он, весело блеснув глазами, и указал на квартет хмурых парней из дворцовой стражи: — Охраняют они.

— Нас или *от нас*? — уточнила я.

— По обстоятельствам, — с неприкрытой иронией заключил Илайс, следя за тем, как из подъехавшего вагончика практически вывалился художник. Сегодня Янгелю Подлунному, как принято говорить в Родолессе о неуклюжих людях, бестии отдавили обе ноги.

В город нас спустили в открытых повозках. Мы проезжали мимо домов из белого, серого и желтоватого камня, словно вырастающих из горных ступеней. Везде попадались огромные валуны с выточенными изображениями местных идолов. Тянулись к солнцу узкие башни-святилища. И все вокруг казалось добротным, по-хозяйски ухоженным и возведенным на долгие годы.

Остановились мы возле круглой площади с изваянием дракона. Сложив каменные крылья, он всем мощным телом тянулся к небу,

словно пытался оторваться от земли. Яркая контрастная тень ложилась на каменные плитки острой стрелкой.

— Старейшие в городе солнечные часы, — важно объявил Ярран. — Когда-то городу их подарил мой предок.

Вся команда родолессцев послушала его и повернулась к Илайсу, словно тот вызывал больше доверия.

— Я пятнадцать лет назад перебрался в Хайдес с севера, — отозвался тот. — Про солнечные часы ничего не расскажу, но лучшие в городе едальни знаю. Предлагаю испробовать местную кухню. Госпожа Егорьева, вы будете не против или сначала с причала полюбуемся зданием академии?

Мужчины, жаждавшие второго завтрака, а некоторые, возможно, первого, посмотрели на меня с большой враждебностью. Видимо, очень не хотели, чтобы единственная в большой компании женщина насильно заставляла их приобщаться к прекрасному. На магические академии они налюбовались еще в Родолессе.

— Конечно, — улыбнулась я, — давайте позавтракаем.

Пока остальные пировали, мы с Ярраном пили местный холодный напиток, напоминающий по вкусу отвар из боярышника, и говорили о бестиологии. Дракона интересовало абсолютно все: привезла ли я с собой снасти для ловли бестий, веду ли дневники и можно ли их когда-нибудь прочесть? Какая нечисть обитает в дремучих лесах и топких болотах Родолесса? Но главное: как женщине позволили заниматься сугубо мужским ремеслом? Пришлось рассказать, что отец всю жизнь служил в корпусе ловцов за бестиями, и я пошла по его стопам.

— Как отнеслась матушка? — любопытствовал Ярран.

— Благосклонно, — сдержанно ответила я, немедленно припомнив, как после вступительных испытаний в академию мама хваталась за баночку с нюхательной солью и читала проникновенные лекции о пользе замужества.

— Вы много практикуете?

— Сейчас больше преподаю, — призналась я. — Три года назад попала в передрагу с нечистью и решила, что стоит меньше рисковать.

Из едальни мы вышли через час, уже общаясь, как старые приятели.

Народ немедленно решил, что им необходимо испробовать сладчайшую медовуху, искренне рекомендованную Илайсом во время

трапезы. Экскурсия по самым красивым местам города неотвратимо превращалась в гастрономический тур.

— Пока наши друзья завтракают, я могу проводить вас в сад каменных драконов, — предложил Ярран.

— Дорогие гости Хайдеса, кто мы такие, чтобы не сопроводить даму? — Илайс широко улыбнулся и растер ладони. — Повременим с третьим завтраком и приобщимся к прекрасному. Посмотрим на сад каменных драконов.

— Я слышал об этом месте! — воскликнул Янгель.

Остальные экскурсанты энтузиазма не высказали. План посетить каждую приличную едальню в округе солнечных часов им нравился куда как больше, но все безропотно вернулись к повозкам.

Некоторое время мы вновь петляли по улицам, пока не добрались до шумной, многолюдной площади перед громадным входом в пещеру. Из дворца было особенно хорошо заметно, что одной стороной город упирался в скалистый хребет, похожий на изогнутый хвост дракона, а сама резиденция владыки венчала его голову. Похоже, к этому хвосту мы и подобрались.

Край площади обступали тесные ряды торговых палаток. На лотках под матерчатыми навесами из больших чанов разливали напитки, продавали мелкие сувениры, всевозможные амулеты и ветряные колокольчики из тонких серебристых палочек, звенящих при любом сквозняке.

— Сегодня в городе праздник? — спросила я у Яррана, когда мы спустились с повозок и двинулись к входу. — Ощущение, что здесь весь город.

— В основном приезжие, — пояснил он. — Собираются со всех южных земель. Просят у каменных кейримов благодати.

— У кого? — не поняла я.

— В пещере стоят фигуры владык из рода Нордвей. Самые древние, правда, со временем возвращаются в камень. Пятнадцать лет назад ушел кейрим Ахрейн...

— Куда ушел? — не поняла я, не дождавшись продолжения.

— В гору, — с искренней печалью в голосе ответил Ярран.

Отчего-то представилось, как каменные статуи, осыпаясь осколками, медленно шагают в глубокий беспросветный тоннель.

— Владыка Эсхард тоже есть в саду драконов? — любопытствовала я.

— Нет, — хмыкнул Илайс, ловко потеснив художника и заняв место по правую руку от меня. Янгелю пришлось семенить следом.

— Недостаточно стар? — пошутила я.

— Все еще жив и здоров, — блеснул белозубой улыбкой верный помощник владыки.

— Дай, теплый ветер, ему долгих лет, — зачем-то ввернул пафосную фразу Ярран.

Когда мы оказались в зале, разделенном природными арками из пористого желтоватого камня, вопросы отпали сами собой. Драконы вырастали из горной породы и являлись ее продолжением. Ничего рукотворного, чистая магия!

Один выходил из сводчатой стены. Другой, наполовину утопленный в пол, прятал голову под крыло и грелся в проникающих с улицы солнечных лучах. Около дюжины драконов выпрямились во весь рост, но мощные лапы увязали в каменной тверди, как в трясине. Поперек зала высовывался черный драконий хребет и часть хвоста. Похоже, этот предок Нордвей постепенно возвращался в гору.

— Как жаль, что я изменил привычке и не взял блокнот, — с трагизмом в голосе посетовал Янгель. — Я чувствую прилив вдохновения! Господа, ни у кого чистого листочка не найдется?..

Возле каждого изваяния толпился народ. Потерев ладонью драконьи лапы, люди отходили. В этих местах от постоянных поглаживаний камень был отполированным, и в чешуйках появились проплешины.

— Это какой-то ритуал? — негромко спросила я у Яррана.

— Говорят, если потереть владыку, то он исполнит желания. Кейрим Варнови отвечает за семейное счастье, — задрав голову к оскаленной морде, задумчиво проговорил он.

Вообще, кейрим выглядел исключительно агрессивным, будто собирался плевать пламенем. Видимо, счастливая семейная жизнь его довела до точки кипения.

— Он прадед Эсхарда, — вставил «пять медяков» Илайс. — Обратился в дракона и своровал девицу прямо из-под носа ее родителей. Пришлось жениться.

Оказалось, что каждый владыка отвечал за свое: за деньги, спокойствие в доме, мужское здоровье и появление наследников. Не сад каменных драконов, а страна чудес, где исполнялись любые желания.

Мы медленно двигались по подземной усыпальнице между нерукотворных и до жути реалистичных чудовищ. Казалось, живых драконов обратили в каменные изваяния с помощью древней магии. Воздух становился холоднее. Сводчатые стены отбрасывали тусклый свет. Статуи прятались в нишах и гротах, выступали из полумрака.

Широкий проход завернул, и мы очутились в затопленном зале. По стенам тянулись деревянные мостки с высокими перилами. Глубина, судя по черноте внизу, была приличная. В центре на поверхность высывался обломок скалы или, возможно, рухнувшего пещерного свода. На макушке под ярким солнечным светом, проникающим через отверстие в потолочном своде, раскрывал каменные крылья огромный дракон. Он был единственным, кого не пыталась поглотить гора.

— Сайрос Нордвей, отец нашего владыки, — пояснил Ярран.

— За что он отвечает? — спросила я.

— За богатство. Ходят слухи, у Сайроса здесь была сокровищница, но потом пещеру затопило, — прокомментировал Илайс и добавил через паузу: — Никто, правда, не проверял.

— Почему? — спросил один из моих земляков, явно заинтересовавшись легендой.

— Озеро ледяное. Доплыть не могут, — со смешком пояснили ему.

От воды действительно тянуло неприятным холодом, пыльцы стыли и хотелось закутать плечи в шаль.

— Если бросить монетку, то подправишь денежные дела, — вставил Ярран. — Хотите сделать подношение кейриму, Виталия?

— Маги не верят в не подкрепленные... — Я осеклась, вдруг обнаружив, что эти самые маги принялись охотно выуживать из карманов мелочовку, и пробормотала: — Наверное, не следует отрываться от коллектива.

Вытащенная из поясной сумки монета с изображением дракона булькнула в воду и пошла на дно. Это были самые бездарно

спущенные в моей жизни деньги, пусть их и выделила академия на поездку в Хайдес.

После жертвоприношения дракону, любящему золотишко, мы повернули в обратную сторону. Ярран говорил, что в магическом месте почувствовал между нами связь и всегда мечтал встретить столь чуткого собеседника.

— Да-да, вы правы, — пробормотала я, толком не прислушиваясь, что он несет, надышавшись влажным воздухом властительской сокровищницы. Может, от мертвенного холода, исходящего от воды, у посла вообще начались забористые галлюцинации.

Я искала взглядом Янгеля и не находила. Художник потерялся! Бумагу с карандашом, что ли, раздобыл и в порыве вдохновения забыл о времени?

[1] В Хайдесе обращение к мужчине, аналог вежливого обращения «господин»

Глава 4. Дружба по заветам драконов

Новость, что кое-кого мы недосчитались, Илайс встретил флегматично, дескать, сейчас вернем и отправил охрану прочесывать пещеру. Мы ждали их возвращения возле повозок и наслаждались летним солнцем, целующим до красоты носы и щеки.

— Не переживайте, Виталия, — зачем-то уговаривал меня Ярран, не обращая внимания на ироничные взгляды помощника владыки. — Вашего друга непременно отыщут.

— Или он сам придет во дворец, — со вздохом пробормотала я под нос.

Через некоторое время стражи под локотки привели щуплого, высокого как каланча парня в аляповатом костюме. Абсолютно незнакомого. Пленник диковато крутил головой, пучил испуганные глаза и не понимал, почему хмурые стражи насильно выдворили его из пещеры. И куда-то молча ведут... Странно, как бедолага не поседел.

В удивленном молчании всей компанией мы следили за их приближением.

— Как будто непохож, — протянул Илайс, склонив голову к плечу, словно в горизонтальной плоскости узнать в другом человеке нашего художника было проще.

— Конечно! Это же не он, — со смешком прокомментировала я.

Наконец, стражи встали, но продолжали крепко держать парня. Видимо, чтобы не сбежал.

— Почему именно этого? — с искренним любопытством спросил Илайс у подчиненных.

— Рисовал, — объяснил один из здоровяков.

— Уходить не хотел и упирался, — донес второй.

— Рейнин, отпустите во имя теплого ветра! — почуяв в Илайсе главного, взмолилась испуганная жертва недоразумения. — Я не знал, что каменных владык запретили рисовать! Клянусь, больше не буду и одарю каждого владыку амулетом!

Тот со вздохом кивнул стражам, чтобы перестали удерживать парня, вытащил из поясной сумки золотую монету и сунул ему в руку.

— Купи, хороший человек, самых дорогих амулетов, — посоветовал он.

Хороший человек припустил к прилавкам с такой прытью, словно стражи за ним гнались в драконьей ипостаси.

— Кто-то помнит, как выглядит художник? — невозмутимо обратился к моим землякам Илайс.

Мужчины начали переглядываться. Судя по всему, без аляповатых шмоток и агрессивного начеса Янгеля никто опознать не брался. Не запомнили даже разноцветные глаза! Один из магов вовсе предположил, что художника с нами не было, и он остался отсыпаться после праздника в мужском пансионе. Никого не смущало, что Ян просил бумагу с карандашом у коллектива — тяжелое утро и второй завтрак губительно сказывались на мужской памяти.

Все в задумчивости посмотрели на меня.

— Надежда на вас, госпожа Игориева, — по-родолесски произнес Илайс, привычно исковеркав мою фамилию. — Вам память не изменяет сегодняшним днем?

— А если изменит, то оставим моего помощника побираться, — не без иронии заключила я, впрочем, никого не пристыдив.

Яррана попросили сопроводить остальных гостей во дворец и передать владыке, что мы скоро вернемся. Госпожа бестиолог будет доставлена в целости и сохранности. *Ни одной шпильки не потеряет.*

На входе в пещеру Илайс заставил всех притормозить и предпринял попытку внести в поиски план:

— Вайрити, во что был одет наш друг?

— Илайс, вы действительно не запомнили Янгеля? — не понимая, издевается он или говорит серьезно, спросила я.

— Не привык присматриваться к мужчинам, — улыбнулся он.

— Да просто все люди на одно лицо, — поддакнул ему плечистый дракон, но наткнулся на мой суровый взгляд и коротко кивнул: — Простите, вайрити. Зато вы ловко говорите на рамейне.

Чуть на этом самом рамейне не предложила здоровякам встать шеренгой и посмотретья в зеркало. Одинаково выбритые виски, покрытые татуировками руки и мощное телосложение. Различить их можно было только по цвету волос, завязанных одинаковыми, между прочим, бубликами на затылках. Как будто друг за другом повторяли.

— Он одет в светлую рубашку, — ответила я. — Через плечо — матерчатая сумка. На ногах сандалии. Волосы в хвост собраны.

Все дружно мы оглядели толпу людей. Большая часть мужчин идеально подходила под описание.

— У Яна разные глаза: один карий, другой голубой, — подсказала я.

— Как у бельведера, — подсказал драконы друг другу, сравнив Яна с нечистью.

Видимо, собирались скручивать мужиков и проверять на разноцветность глаз.

— Наш художник не говорит на рамейне и тонок в кости, — поспешно добавила я, чтобы не сворачивали бубликами каждого первого.

— Одного худого подмалевщика мы уже приводили, — заметили стражи.

— Лучше бы наш друг сейчас решил порисовать, — потеряв гладковыбритый подбородок, задумчиво протянул Илайс. — Вайрити, вам придется опознавать своего помощника с разноцветными глазами.

Ни в одном из десяти худых и высоких мужчин, со спины похожих на Янгеля, опознать его не удалось. У охраны возникло подозрение, что художник упал в подземное озеро, и сердце екнуло. У Илайса весьма выразительно сузились зрачки, дернулся глаз, а на скулах выступили едва различимые полосы белых чешуек. Учитывая, что драконы, если они не молоденькие девчонки-служанки, лишний раз не демонстрировали признаки второй ипостаси, мне совсем подурнело.

— В затопленный зал, — внезапно став серьезным и резким, приказал он и на ходу бросил: — Госпожа бестиолог, художник хорошо плавает?

— Понятия не имею, мы знакомы второй день, — бросаясь следом, ответила я.

— Вы способны оживлять людей? — последовал следующий вопрос, заданный оглушительно серьезным тоном.

— Господин Илайс, я бестиолог! Некромантия в Родолессе запрещена и карается...

— Другими словами: нет, — перебил он, видимо, прикидывая, что делать, если художник действительно нырнул в ледяную воду за

сокровищами и пошел ко дну.

Мы ворвались в полумрак подземного тоннеля и, заставляя встречных сворачивать с дороги, мрачным взводом направились в сокровищницу.

Почти неразличимую развилку от коридора я заметила чудом. В первый раз вообще прошла мимо. Бросив мужчинам, что через минуту их догоню, я свернула в тоннель. Он был коротким и заканчивался тесным закутком. Стены едва-едва светились. Из пола высывалась оскаленная драконья голова с агрессивно торчащим гребнем. Янгель Подлунный, живой и здоровый, с самым сосредоточенным видом ковырялся в пасти каменного монстра.

— Господин Подлунный, вы в своем уме?! — рявкнула я.

От неожиданности он подскочил и резко развернулся. В полумраке его глаза казались почти черными.

— Я не специально! — простонал он.

— Тебя отряд стражей разыскивает! — забранилась я, внезапно ощутив внутри облегчение, что горе-экскурсант не упал в озеро и не ушел на дно сокровищницы.

— Как они узнали? — испугался Ян.

— Ни за что не поверишь, но подсчетом, — с иронией отозвалась я.

— Но я же был один! — воскликнул художник. — Как они смогли посчитать клыки?!

Возникла странная пауза.

— Так... — Я нахмурилась и уперла руки в бока. — Уверена, что мы говорим о разных вещах. Начинай первым.

— Все драконов натирают... — Ян махнул рукой в сторону вылезающей из-под пола статуи. Откровенно сказать, выглядело каменное чудовище жутковато.

— Кратко! — перебила я.

— Если коротко, то я пришел попросить у дракона вдохновения на шедевр, но... — Он виновато протянул в мою сторону зажатый в кулаке острый узкий камень. — Отломал клык.

У меня даже слов не находилось. Приличных.

— У нас дипломатический скандал назревал! — проговорила я, сделав шаг к вандалу, и он испуганно попятился, совсем как мои

студенты, когда вытворят что-то возмутительно. — А ты клыки у дракона выдирал?

— Клянусь, случайно вышло! — простонал Ян. — Я же художник, Виталия! Мы на мольберте клянемся, что не будем уничтожать прекрасное!

— Поздравляю, ты согрешил.

— Да упал я! — в отчаянье взвыл поклявшийся на мольберте гений. — В темноте споткнулся и схватился за клык, но он поломался! Может, у этого владыки при жизни были отвратительные зубы?

— Мы думали, что ты в подземном озере утонул! Мне предложили тебя с того света поднять! — рявкнула я. — Просто спрячь клык под статую и пойдем!

— Так можно было? — откровенно изумился Ян.

— А ты что делал? — уточнила я.

— Пытался его пристроить в то место, где рос при жизни. — Он указал на щербатую пасть чудовища. — Думал, если подержу, то клык сам прирастет. Драконы же магические...

Чувствуя, что готова залепить ему рот заклятьем, я развернулась и молча вышла из алькова. Янгель нагнал меня в коридоре и посеменил рядом, пытаясь подстроиться под мелкий женский шаг.

— Я искренне сожалею, что случился такой переполох, — проговорил он.

— Ты и должен, — согласилась я.

— Все-таки ты беспощадная, — буркнул Ян.

— Справедливая.

Мы вышли в затопленный зал к дракону, охраняющему потерянные богатства. Художник изумленно охнул, впечатлившись красотой, которую пропустил, пока сначала крушил древнюю святыню, а потом безуспешно пытался ее отреставрировать. На мостках толпился народ, кидали монетки и благоговейно таращились на каменное изваяние. Илайса с командой стражей не было.

— Не поняла, — искренне озадачилась я и огляделась вокруг, но светловолосого помощника владыки со стражами не находила. — Янгель, давай выйдем в главный зал. Они наверняка нас разыскивают.

В светлом зале весьма приметной компании крепеньких парней под руководством красивого почти до неприличия дракона тоже не обнаружилось.

— Нас что, бросили? — обалдел Янгель и вцепился в висящую через плечо торбу. — Что будем делать?

— Знаешь, чему учат студентов-бестиологов перед тем, как выпустить в болота? — преподавательским тоном спросила я. — Если заблудился, оставайся на месте и жди, когда тебя найдут. Так что стоим.

— Мы же не на болоте, — пробормотал Ян.

— Правило действует всегда и для всех! — отрезала я.

Некоторое время он действительно смирно стоял, видимо, преисполненный вины. Потом начал переминаться с ноги на ногу и рассматривать свод пещеры. Сверху спускались сероватые наросты, похожие на длинные сосульки.

— Могу я хотя бы потереть вон того дракона? — наконец не выдержал художник. — Вокруг него толпится много мужчин.

— Он дарит мужское здоровье, — соврала я.

— Нет, с этим у меня полный порядок, — пробормотал Ян и указал на следующего: — А того?

— Ты уже одного потер и чуть не спровоцировал международный скандал!

— Да я случайно! — очередной раз взвыл тот.

Время шло. Спасательная команда задерживалась. Уверена, они не блуждали, а со всей драконьей энергией искали нас. Только в каком-то другом месте. Ноги ныли. Ян успел перетереть всех драконов в зоне видимости, рассчитывал стать богатым, удачливым и найти большую любовь. Я проверила часы, оказалось, что прошло больше двух часов. Ждать дальше смысла не было.

— Возвращаемся, — скомандовала я.

— Обрато к дракону? — ужаснулся Ян.

— Во дворец, — бросила я и зашагала к выходу.

— Но как мы его найдем? — волновался он, нагнав меня в два широких шага.

— По компасу, — со смешком ответила я. — Голову поднимем, рукой на дворец покажем и в том направлении двинемся.

Некоторое время мы бродили по площади в поисках извозчика, но ничего похожего на привычные кебы или хотя бы повозки возле сада каменных драконов просто не было.

— Виталия, ты говорила, что сможешь спросить дорогу, если мы заблудимся, — не удержался Янгель, по всей видимости, решив, будто пресловутый компас у меня сбит напрочь. Мысленная стрелка постоянно вращается, как в точке магической аномалии, и водит нас кругами.

— Помню, — резковато ответила ему, начиная раздражаться от жаркого полуденного солнца и совершенно идиотской ситуации.

— Самое время, — рассудил он. — Очевидно, что мы заблудились.

— Янгель, мы даже от пещеры не отошли! — сорвалась я и махнула в сторону пещерного зева. — Мы ищем извозчика!

— Ясно... — пробормотал он и, пожевав губами, буркнул: — А чего сразу не сказала?

Про наемную повозку я просила у торговца и немедленно пожалела. С обещанным Эсхардом гостеприимством он начал объяснять, что делать. Говорил быстро и на местном диалекте. Половина слов ускользала, но основную мысль я поняла: здесь свободной повозки не найти, только на набережной. Идти к возницам было ближе, чем преодолевать путину бодро взбирающихся на гору улиц, при этом ориентируясь по дворцу и по солнцу.

Торговец замолк. На загорелом лице светилась дружелюбная и чуток жалостливая улыбка.

— Ничего не поняла, вайрити? — через паузу спросил он.

— А карту можете нарисовать? — попросила я...

Мы энергично шагали в сторону академии магии, сверяясь с нарисованной угольным карандашиком схемой, а мимо проезжали повозки. Все заняты. Едален тоже попадалось предостаточно.

Когда в воздухе разлился аромат жаренного на огне мяса, Янгель громко сглотнул слюну и принялся рассуждать, что идем мы в хорошем темпе, до темноты точно домаршируем. Мы же на полпути! Можно и пообедать. Есть действительно хотелось, но еще больше пить.

— Неплохая идея, — резко сворачивая к едальне, согласилась я.

— Серьезно? — изумился Ян. — Думал, что откажешься.

В обеденном зале людного заведения с потолочных балок свисали плоские с охлаждающими амулетами, и царила приятная прохлада. Рыбу с песней нам, к счастью, не предлагали. На просьбу принести

горячее подали ароматное мясо на крупной крупе, на поверку оказавшейся сваренным до мягкости высушенным тестом. Порция поражала размерами.

— Жаль, Данри с нами не поехала, — утолив голод, мечтательно протянул разморенный вкусной едой и долгой прогулкой Ян. — Хочу написать ее портрет. У меня выходят чудесные портреты!

— А будешь рисовать нечисть, — напонила я.

Художник облокотился о стол и с подозрением сощурился в мою сторону.

— Мне кажется, или тебе не очень понравились рисунки в альбоме? Скажи мне правду, что ты думаешь о моих иллюстрациях?

— Ну раз правду... — протянула я. — Ты в курсе, сколько ног у пасечника обыкновенного?

— Четыре! — высокомерно заявил Янгель. — Я изучал нечисть в бестиарии и знаю о ее внешнем виде все.

— Если верить твоим рисункам, то восемь.

— Он похож на паука! — выпалил он.

— Он похож на собаку, но ты нарисовал лишние лапы. Везде! На каждой гравюре есть лишние конечности. Пасечник — не единственная жертва твоего вдохновения.

Ян поменялся в лице, выпрямился на стуле и спрятал руки под крышку стола. Некоторое время он рассматривал меня глазами смертельно обиженного гения.

— Знаешь что, Виталия? — наконец вымолвил он. — Я художник!

— И?

— И так вижу! — с пафосом воскликнул он, привлекая к нам любопытные взгляды других посетителей. Не то чтобы они не замечали, что за соседним столом обедают два иноземца.

— Ты оформлял методические пособия, — сухо напонила я. — Всем без разницы, как видишь ты, важна достоверность. Ничего личного, Янгель... Как тебя все-таки в миру зовут?

Он помолчал, отхлебнул морс и буркнул:

— Январин.

— А? — не поняла я.

— Январин Лунецкий меня зовут! — резко представился он.

Ровно в этот момент, едва не слетев с петель, дверь заведения с грохотом раскрылась. Внутрь ввалился десяток плечистых мрачных

стражей в боевой амуниции. В смысле, с оружием, в кожаных доспехах и даже в шлемах. Понятия не имею, как они не получили теплового удара под южным солнцем.

Посетители ошеломленно замолчали. Мы тоже, мягко говоря, опешили. Мощные парни окружили тесным кольцом наш стол. Ян окончательно сошел с лица, скукожился на стуле и выдавил:

— Они пришли за мной... Скажи им, что я все верну.

— В каком смысле? — не поняла я, чувствуя, как от напряжения магия начинает покалывать кончики пальцев.

Трясущейся рукой художник молча вытащил из сумки обломок острого узкого камня и пристроил на стол между тарелок.

— Ты унес клык владыки?! — воскликнула я. — Тебе сувенир, что ли, захотелось?

— Да я не собирался, — болезненно поморщился Ян. — Не знал, куда спрятать.

— И спрятал у себя в сумке, — с издевательской интонацией протянул знакомый голос.

Илайс, незаметно и неслышно возникший из-за спин сотоварищей, уселся на стул. Он поднял глиняный стакан с кисловатым морсом, осушил парой глотков и со стуком поставил обратно. Зрачки стали узкими, а глаза злыми.

— Значит, вы здесь сидите и едите? — проговорил он.

Ян чуток съехал на стуле, словно хотел спрятаться под крышкой стола.

— А что вы нам прикажете делать, гостеприимный вы наш? — нисколько не впечатлившись грозным видом, спросила я. — Помереть от голода?

— Четыре часа поисков, — принялся перечислять Илайс, загибая пальцы. — Два отряда драконов подняты в небо. Прочесали полгорода. Госпожа бестиолог, демон вам под бантики, вы засланный шпион? Как вы умудрились так ловко спрятаться?

Я откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди.

— Опыт.

— А правило «стой, где потерялась» вам незнакомо? — рыкнул Илайс с басовитым совсем нечеловеческим раскатом, и на шее весьма выразительно появились серебристые чешуйки.

— Мы стояли, — вкрадчиво ответила я. — Больше двух часов ждали в пещере.

У Илайса сделался на редкость идиотский вид, привлекательному мужчине совершенно неподходящий. Он моргнул, вернув себе нормальные глаза. Почесал шею, заставив драконий покров втянуться в кожу, и осторожно спросил:

— Хотите сказать, что стояли в саду драконов и ждали, когда мы к вам подойдем?

— Именно это я и говорю! — вызверилась я. — Мне на рамейне повторить?

Дракон кашлянул и скорчил сконфуженную мину.

— Да нет, я вас понял... — пробормотал он и с озабоченным видом оглядел стол: — Может, вам еще что-нибудь заказать? Рыбу с песней? Ягодного вина?

— Спасибо, вчера напробовались.

— А что со мной-то будет? — голос у Яна сорвался на фальцет. — Меня бросят в темницу за вандализм?

— Друг мой, — устало посмотрел на него Илайс, мигом вернув привычную ироничность, — если в Хайдесе начнут бросать в темницу каждого, кто отламывает клыки у каменных драконов, улицы опустеют. Хорошо, что статуи сами восстанавливаются, иначе у нас будет сад беззубых владык.

***

Солнце давно село, погасла зарница, из-за гор поднималась густая ночная мгла. Вагончик медленно скользил по воздушной дороге к порталной башне дворца, поскрипывали толстые канаты. В крепких раздумьях Илайс вытащил из поясной сумки маленькую фляжку, поднес к губам и взглядом наткнулся на нас с Яном, сидящих напротив.

— Госпожа Егорьева, разделим бренди? — Он протянул фляжку. — Не стесняйтесь. День у всех выдался нервный.

В отличие от помощника владыки, у меня день прошел терпимо, но Илайса я понимала. Потерял гостей из другого королевства, устроил переполох в городе, а потом оплатил еду и выпивку всем посетителям едальни, доведенным до обморока толпой мрачных вооруженных стражей.

— Воздержусь, — отказалась я, припомнив, как из этой же фляжки пила крепкий алкоголь с Эсхардом.

— А я не откажусь, — оживился художник и поерзал на сиденье. — Давайте разделим?

— Пожалуй, нам всем стоит воздержаться, — не моргнув глазом, отказался делиться Илайс и закрутил пробку на горлышке.

Мы подъезжали к площадке перед порталной башней. За оконцем проплыли выступающие из горы высокие стены.

— Госпожа Егорьева, — вдруг обратился он, — сегодня мы вместе пережили многое. Я вас уже считаю своим другом...

— Что вы хотите, Илайс? — прямо спросила я.

— Сохраните у себя фляжку, — быстро проговорил он.

— Давайте я заберу, — охотно предложил Ян.

— Тебе я не доверяю, — произнес на рамейне дракон.

— Что он сказал? — на ухо мне пробормотал художник, хотя недоверчивый Илайс, понятное дело, его прекрасно услышал и издевательски скривил губы.

Я молча забрала флягу.

— Благодарю, мой драгоценный друг, — с очаровательной улыбкой протянул он.

Фляжка перекочевала в руки художника и исчезла в его торбе.

— Не понял, — честно признался Илайс. — Вайрити бестиолог, мы же драгоценные друзья!

— Мой помощник везет в сумке отломанную часть святыни, ему уже нечего терять, — хмыкнула я на рамейне.

— Переведи, — тихо попросил Ян, ровным счетом ничего не понимая.

— Мы говорим, что ты вернешь мне флягу в целости и сохранности, — соврал Илайс и значительно добавил: — Со всем содержимым.

Вагончик пару раз мягко подпрыгнул, словно готовился к приземлению, качнулся и окончательно остановился. Дворцовый слуга в серых одеждах открыл дверь, и мы по очереди выбрались под холодные порывы ветра. Эсхард встречал нас лично.

Озаренный магическими огнями, он стоял в центре площадки, как каменный дракон в человеческой ипостаси. Мина у него точно была каменной, а взгляд — острым, словно владыка прикидывал, кого

первого порезать на рагу: охрану или их предводителя. Возможно, и счастливо возвращенных гостей из Родолесса, умудрившихся в первый же день потеряться и устроить приличную встряску дворцу.

— Владыка... — Илайс опустил голову в знак приветствия, и спутанные длинные волосы упали на лицо.

— Добрый вечер, — поздоровалась я на родном языке.

— Я счастлив, что вы благополучно добрались до дворца, господа, — мягким голосом проговорил на рамейне Эсхард, окидывая меня изучающим взглядом от растрепанной макушки до пыльных ног в открытых сандалиях. — Приношу искренние извинения за своих стражей.

— Это нам жаль, что мы доставили столько хлопот, кейрим, — самым официальным тоном отозвалась я. — Если вы не против, то мы пойдем.

— Конечно, госпожа Егорьева, — кивнул Эсхард. — У вас был долгий день.

Намеревалась пройти мимо, но стоило нам поравняться, как он тихо произнес на родолесском:

— Загляну к тебе через полчаса.

Сердце екнуло. Я резко встала и подняла голову.

— Уверяю, Эсхард, с моей головы не упало ни одной шпильки.

В общем-то, я их сама растеряла, когда попыталась перед посадкой в воздушный вагончик привести в порядок шевелюру. Пучок держался на одной чудом сохранившейся шпильке и давно сполз на затылок.

Эсхард выразительно посмотрел на мои растрепанные волосы.

— Вижу. — Его глаза смеялись.

— Я могу отказаться?

— Безусловно, — согласился он с почти неуловимой улыбкой. — Но ты должна понимать, что я все равно загляну.

Выяснять, для чего Эсхард придет ко мне на ночь глядя, при стражах и художнике, настороженно обнимающем сумку с контрабандой, было неуместно. Оставалось неопределенно кивнуть и направиться в зал прибытия гостей. Ян невнятно попрощался с владыкой и рванул следом.

Едва мы вышли с обдуваемой всеми холодными ветрами площадки, ко мне бросились Лавиния и Иридия. Наперебой они

говорили, как сильно нервничали и не отходили от воздушной дороги, едва во дворец пришла весть, что я исчезла. А владыка Эсхард пребывал в ярости, как дикий дракон. Хорошо, не плевался огнем. С ним такое случалось крайне редко.

— Что они говорят? — не удержался Ян.

Горничные посмотрели на худого парня в запыленной одежде с таким изумлением, словно он перестал быть прозрачным и проявился в воздухе, как призрак помершего дедушки.

— Пересказывают последние новости, — пояснила я. — Все дурно.

— Нас отправят в Родолесс без права перемещения обратно? — забеспокоился художник.

— Не настолько дурно, — поморщилась я. — Но если нас выставят, то у тебя уже есть сувенир.

— Фляжку мне надо вернуть, — ответил Ян.

— Я про каменный клык, — подколола его, и художник насупился.

В холле мы разошлись в разные стороны. Возле покоев я сказала девушкам, что успела пообедать в городе и желаю взять паузу от неудержимой заботы. Они попытались соблазнить меня расслабляющим массажем, но все равно остались за дверью.

Поясная сумка, звеня монетами, полетела на диван. На ходу вытащив из пучка последнюю шпильку, я вошла в ванную комнату и остолбенела. В бассейне внезапно плавал Ярран!

Над поверхностью воды торчала только голова с потемневшими мокрыми волосами, но не было сомнений, что он не подумал озаботиться плавательным костюмом. Бултыхался в натуральном виде, в чем матушка родила!

— Господин Элори, вы другого бассейна во дворце не нашли? — только и сумела спросить я, разведя руками. Вообще, мужчины редко меня удивляли, но драконы обладали удивительным талантом шокировать до глубины души.

— Я слышал, что тебя разыскивали в городе, — вымолвил он, с коварной улыбкой подбираясь к краю бассейна.

— Теперь все понятно, — протянула я. — Вы решили, что покои с бассейном освободились и сразу проверили, как водичка? Сундуки уже успели перенести?

Он громко и нарочито хохотнул.

— У тебя прекрасное чувство юмора.

— Да я серьезно, — заметила я.

Ярран оперся о бортик и над поверхностью воды появились голые мокрые плечи, облепленные длинными волосами. Глаза вновь стали желтые, а зрачок вытянулся.

— Я ждал, когда ты вернешься, — вымолвил он.

— Не постесняюсь спросить: вы все время купались, пока меня ждали? — У меня вырвался ошарашенный смешок. — А горничные в курсе, что у вас тут заплыв?

— Служанки дежурили в зале воздушной дороги. Не надо бояться, никто не знает, что я здесь.

— А зачем ты здесь? — наплевав на уважительное обращение, да и как можно уважительно говорить с голым мужиком, нырнувшим в мой бассейн, спросила я.

— Мы же договорились в саду каменных драконов, — улыбнулся он. — Я сказал, что приду, ты ответила «да-да».

Смутно вспомнилось, как в тот момент, когда он что-то настойчиво говорил о слиянии душ, в которое верят исключительно наивные девицы, я недосчиталась гения от живописи.

— Ярран, прямо сказать, мне было проще согласиться, чем объяснить, что ты несешь ересь. Сейчас ты тоже ее несешь в крайне неудачный момент.

— Но данные в священном месте обещания нужно выполнять. — Блеснув улыбкой профессионального соблазнителя, он оттолкнулся от бортика, нырнул в воду и снова появился. — Давай поплаваем, Виталия. Вода смывает неудачный день. Уверен, ты никогда не плавала с водным драконом...

— Сейчас здесь появится кейрим, — перебила я.

— Какой кейрим? — не понял он.

У меня ощутимо задергался глаз.

— Угадаешь? — Щелкнув пальцами, я заставила полотенце сорваться с крючка и влететь в физиономию дракона. Он едва слышно рыкнул и сорвал тряпку. — Пора вытираться. Выйти из покоев уже не успеешь, вылезешь в окно.

Я направилась к мозаичному узкому оконцу и раскрыла створки, впустив холодный сквозняк во влажное тепло.

— Не вынуждай меня превращать бассейн в каток, — искренне попросила я.

За спиной раздался плеск. Когда я повернулась, Ярран уже вылез из воды и замотал узкие бедра полотенцем. По идеальному гладкому торсу, лишенному резких линий, стекала вода. Волосы свисали сосульками.

— Вперед, — скомандовала я и кивнула на окно. — Бочком втиснешься.

Он прошлепал голыми пятками к горке вещей, валявшейся на плиточном полу, и поднял штаны.

— Ты одеваться, что ли, надумал? — возмутилась я. — Залезай в полотенце, все равно в дракона оборачиваться.

— Видела, какая там высота? — внезапно отказался он покидать покои самым быстрым путем: по воздуху.

— И что? Ты же дракон!

— Я водный дракон, — цыкнул он. — Мы хорошо плаваем, но плохо летаем.

— Самое время для тренировки. Не трать время и вылезай в окошко! — скомандовала я. — Теплого ветра твоим крыльям, Ярран!

— Ни один мужчина из древнего рода Элори не падал так низко, чтобы вылезать из окна женщины, — с непередаваемым высокомерием проговорил он, точно при этом не натягивал брюки прямым на мокрое тело. Те в отместку прилипли к ногам.

— Не надо падать, надо лететь, — заметила я. — Ну не мне учить дракона, так ведь?

Он растянул губы в чарующей улыбке, что в сочетании с желтыми драконьими глазами, не вернувшими человеческий вид, вызывало закономерное желание схватить бестию и закрыть в клетке.

— Милая Виталия, ты не можешь меня заставить.

— Давай не будем обманываться: могу и заставлю, — вкрадчиво предупредила я. — Но верю, что любое досадное недоразумение можно уладить без боевых заклятий.

Однако недоразумение разрешилось само собой, когда в покоях прозвучал знакомый низкий голос, позвавший меня по имени. Забыв про гордость древнего рода, Ярран рванул к окну, а я вышла в спальню и аккуратно прикрыла дверь в ванную.

Эсхард терпеливо дожидался меня на пороге. Спокойный, как скала. По виду и не скажешь, что он был способен злиться.

— Думал, ты опять исчезла, — с улыбкой произнес гость.

— Нет, я по-прежнему здесь, — отозвалась я.

Неожиданно в ванной комнате глухо хлопнули оконные створки. У меня снова дернулось веко. Владыка резко повернул голову и сощурился на прикрытую дверь.

— Послушай, Эсхард! — резко позвала я, пытаюсь спасти ситуацию и собственную репутацию. — Покажи мне свой дворец! Завтра уже уезжать, а я толком ничего, кроме балкона, не видела.

— Почту за честь быть твоим личным экскурсоводом, — хитро блеснув глазами, согласился он и приглашающим жестом указал на дверь.

Эсхард оказался потрясающим рассказчиком, а его низкий голос, говорящий спокойно и негромко, завораживал. Он делился историей дворца: как тот встал в драконью гору, отвоевывал пространство у каменной породы, светившейся в темноте, поднимался к небу.

На нашем экскурсионном маршруте мы не встретили никого. Коридоры и залы словно опустели. Видимо, если местные интерьеры показывал владыка, то подданные умело растворялись в пространстве.

Незаметно мы добрались до длинного, широкого коридора с высоким расписанным фресками потолком. Стены не давили, но меня не покидало ощущение, что мы находимся в толще горы. Подняв голову, я с интересом пригляделась к картинам, перетекающим одна в другую.

— История рода Нордвей, — пояснил Эсхард.

Начиналась история с драконьих битв, в которых огромные крылатые звери заливали огненными клубами небо. Краски постепенно светлели, темные времена оставались позади. Рисунки медленно опускались на стены, словно на потолочном своде им стало тесно. На глаза попался сюжет, где красный дракон хватал с балкона девушку.

— А ведь я сегодня слышала историю твоего славного предка, — заметила я. — Украл девицу — женись. Верно?

— Мы чтим древние традиции, — хмыкнул Эсхард и вдруг одарил меня прошивающим взглядом. — Если нашли сокровище, никогда от него не откажемся.

— Прозвучало угрожающе, — с иронией призналась я. — Особенно если учитывать, с чего мы с тобой начали.

Он тихо рассмеялся.

— Со времен моего деда драконы рода Нордвей стали гораздо цивилизованнее. Я способен принять отказ женщины и не воровать ее с балкона. — Его глаза смеялись. — Не надо испытывать неловкость, Виталия, ты не ранила мою гордость. И я не против, если мы станем хорошими друзьями.

За сегодняшний день мне уже пару раз предлагали дружбу. Один новый друг попросил его прикрыть перед владыкой, второй — сиганул голым в бассейн. Манера дружить у драконов, прямо сказать, настораживала.

— Конечно. — Я чуток нервно кашлянула. — Тем более что ты нашел невесту в Родолессе.

Сказала и немедленно пожалела. Что за дурной язык? Женитьба владыки — опасная тема. И с тех пор как он получил категоричный отказ и уехал из нашего родового поместья, меня принципиально не касалась. Хорошо, что мы оба взрослые люди и можем переступить через предрассудки. Впервые, конечно, такое встречаю...

— За этим я и приезжал в ваше королевство, — сдержанно согласился он и, уходя от темы, указал рукой на высокие двустворчатые двери в конце коридора. — Идем. Мы здесь не ради фресок.

Когда он с нарочитой невозмутимостью толкнул створки, я ахнула. За дверями пряталась библиотека! Длинный зал был разделен природными колоннами, превращенными в полки с книгами и костяными фигурками. Вдоль стен стояли книжные шкафы. Сводчатый потолок украшала роспись. В самом центре красовался тяжелый стол с подставками для фолиантов, а сверху лился теплый свет. И пусть в Хайдесе давно стемнело, складывалось обманчивое впечатление, что сквозь толщу горы пробивались солнечные лучи.

— Добро пожаловать в мою личную библиотеку, госпожа Егорьева, — официальным тоном проговорил Эсхард.

— Ты собираешь книги? — удивилась я, переступая через порог.

— Собирала моя мать, — признался он. — Хочешь экскурсию или сама посмотришь?

— Справлюсь без экскурсовода.

— Даже не сомневался, — отозвался владыка.

С возрастающим интересом я рассматривала шкафы, изучала названия на разных языках мира, обнаружила труды по местной бестиологии. Казалось, покойная госпожа Нордвей обожала читать манускрипты о двуликих бестиях.

Присев на край стола и сложив руки на груди, Эсхард терпеливо дожидался, когда я утолю любопытство. В итоге я потеряла счет времени и только краем глаза заметила, как он устало потер шею. Хорошо, что не зевнул. Вышло бы совсем неловко.

— Останавливаюсь, — улыбнулась я и поставила манускрипт обратно.

— Библиотека в твоём полном распоряжении, — махнул рукой Эсхард.

— Можно взять пару манускриптов с собой? — оживилась я.

— Да просто оставайся во дворце, — по-свойски предложил он. — Здесь много уникальных книг и полная тишина. Никто не будет мешать. Художник делает зарисовки, ты собираешь материал для профессорской работы. По-моему, прекрасное предложение.

Он и о профессорском значке был в курсе! Конечно, в курсе. Я удивилась бы, окажись по-другому.

— Эсхард, похоже, я должна уточнить: завтра утром меня ждут в академии на острове Вариби? — прямо спросила у него.

— На острове Вариби библиотека не очень, — невозмутимо заметил владыка.

— А бестиарий отличный.

— Но книг-то нет. Зачем жить в общежитии и ютиться в общем преподавательском зале, если можно остаться в удобных покоях и перемещаться порталом из дворца? — резонно рассудил он. — Или наука требует лишений?

— Знаешь... — Я указала в него пальцем и признала: — Это аргумент.

— Наслаждайтесь удобным рабочим местом, госпожа бестиолог, — усмехнулся он.

Один особенно интересный манускрипт я прихватила с собой. Прощаясь возле покоев, Эсхард щедро предложил:

— Обязательно дай знать, если что-то будет нужно. В любое время, — добавил он выразительно.

Первое, что я сделала, когда закрыла за собой дверь, ринулась проверить Яррана. Окно сиротливо хлопало от ветра, позвякивали витражи. Водный дракон, к счастью, в бассейне не засел. На поверхности воды плавали только клоки от его порток, видимо, занесенные сквозняком, как опавшие листья.

Глава 5. Круговорот подарков

Любой день становится прекраснее, если начинается с тренировки мускулистых парней. Перед завтраком вместе с горничными мы с обожанием истинных поклонниц следили за стражами в их естественной среде обитания. Ребята не подводили и радовали зрительный зал: снова устраивали зрелищные поединки и демонстрировали сексапильные татуировки.

— Божественно... — вздохнула я, едва не утерев слезу умиления.

— Находишь? — сдержанно прокомментировали в ответ на рамейне.

В голове громко щелкнуло. Я вернулась в реальный мир и повернула голову. Рядом со мной, сложив руки на груди, стоял Эсхард и с непроницаемым видом следил за тренировкой. Иридия с Лавинией, смущенно потупившись, мялись в сторонке.

— Виды с балкона, говорю, открываются божественные. — С благолепной улыбкой я обвела рукой утопающие в сизой утренней дымке горы со снежными макушками и белыми кляксами в глубоких расщелинах. — Воздух такой свежий! Не увлекаетесь, владыка Нордвей? Вдох, выдох и всякое такое.

— Вы на редкость разговорчивая по утрам, вайрити Егорьева, — отозвался он, по-прежнему не изменяя драконьему языку, и бросил на меня ироничный взгляд.

— Горный воздух бодрит, — заключила я. — Искренне рекомендую утреннюю дыхательную гимнастику, а я уже закончила... все упражнения. Хорошего дня! Дышите глубже. И чаще...

— Раз мы встретились, — остановил он меня, — то позволь лично пригласить тебя на утреннюю трапезу.

Сразу после восхода солнца я обычно была бодра, но не очень усваивала иностранную речь, а владыка настойчиво разговаривал на драконьем.

— Трапезу? — уточнила я. — В смысле, на завтрак? Ты хочешь вдвоем поесть?

— Со всеми гостями, конечно, — невозмутимо поправил Эсхард, насмешливо выгнув рыжую бровь.

Пришлось поблагодарить за приглашение на прощальный завтрак, от которого в любом случае не откажешься, и пожелать энергичной дыхательной гимнастики. Кивком я скомандовала горничным уходить. Те не сдвинулись с места.

— Идите, — сухо бросил Эсхард.

Девушки припустили к выходу, словно спасаясь от владыки. Потом осознали, что забыли на балконе вверенную им вайрити, и уважительно дождались, когда я прошагаю мимо. За мной они семенили молча, видимо, преисполненные смущения, что без зазрения совести любовались «прекрасным утренним видом и вкушали полной грудью свежий воздух».

Разговорились обычно болтливые подружки, лишь оказавшись в покоех. В комнате все еще пахло горелым. Вчера я с помощью магии выловила из воды лоскуты, собрала с пола мужские вещи и по доброте душевной решила чуток подсушить... Теперь у Яррана не было батистовой сорочки и жилета из дорогой ткани, зато остались превращенный в подобие тонкого стекла неровные пластины из лоскутов мужских порток. Все это богатство было заперто в моем дорожном сундуке.

— Говорят, что вчера рейнин посол наелся перебродивших ягод и начал летать между башнями, — заговорщицким шепотом поделилась со мной Лавиния последними сплетнями. — Снес с башни кейрима погодный шпиль. В него молнии бьют во время грозы.

— Приземлился благополучно? — небрежно уточнила я.

— Шпиль-то? — не поняла девушка. — Просто покосился.

— Рейнин Ярран.

— Про него не знаю, но шпиль еще не починили, — тихо, словно в закрытых покоех за нами подслушивали, проговорила Лавиния.

— Точно не починили, — поддакнула Иридия.

Завтрак накрыли на балконе, откуда словно в насмешку было видно башню, увенчанную перекошенным шпилем. Представлялось, как длинный, гибкий дракон с маленькими крыльями, вытаращив круглые глаза, хватается за него четырьмя лапами, а мощный громоотвод медленно накрывается под его тяжестью, как корабельная мачта.

— Мой новый друг Илайс сказал, что мы не едем на остров. Правда, что ли? — не поздоровавшись, спросил Ян.

Одет он был пристойно и даже скромно, словно растерял пестренские костюмы. Начес на голове тоже забыл соорудить, волосы свободно лежали на плечах, и в целом он выглядел, как Январин Лунецкий, а не Янгель Подлунный.

— Госпожа Егорьева, — немедленно насторожился стоявший рядом профессор по тонкой магии из столичной академии, — возвращаетесь домой после вчерашнего переполоха? Ректор Крован уже в курсе?

— Я приняла предложение владыки остаться во дворце, — поправила я. — Здесь уникальная библиотека по бестиям южных земель. Сами напишите об этом господину Кровану или все-таки мне предупредить руководство Залесской академии?

— Вы так говорите, госпожа Егорьева, как будто я лезу не в свое дело, — заметно оскорбился он.

— Простите. Значит, мне показалось, — с вежливой улыбкой фальшиво покачалась я.

Профессор удивленно моргнул, не зная, как реагировать на прямолинейность. Возможно, у нас случился бы скандал в научно-магическом клубе, но появился владыка в сопровождении Илайса. Брат и сестра Элори зашли следом.

Данри блистала, а Ярран выглядел, прямо сказать, сильно обиженным вчерашним полетом. Видимо, теплого ветра его крыльям не хватило. Левую руку поддерживала перекинутая через шею перевязь, а тонкая косица, свисавшая у виска, внезапно окрасилась красным цветом. Этакое яркое перышко в светло-русой шевелюре.

Эсхард поприветствовал всех и пригласил к столу. Уже в середине трапезы он объявил, что его помощник Илайс с господином послом сопровождают друзей из Родолесса и проследят, чтобы их встретили с присущим драконьему народу гостеприимством. Судя по тому, как у обоих посланцев окаменели лица, владыка вовсе не пытался оказать честь моим землякам, а наказывал оплошавших подданных.

С коллегами мы попрощались сразу после завтрака, сухо и быстро. Они отправлялись путешествие как раз в то время, когда я взялась разбирать багаж с самым ценным: с работой. Горничных до ответственного дела не допустила. Сначала отперла сундук с папками и книгами, но едва откинула крышку, как на свободу, словно мыльная пена, полез розовый шелк. Очень много розового шелка!

Не веря собственным глазам, я вытащила из сундука измятое бальное платье с напроць завядшими с памятного бала цветочками. От изумления изящная речь забылась, зато вспомнился весь словарный запас портового грузчика.

Папки с рабочими записями сиротливо жались у стеночки, а вместо книг лежали завернутые в знакомые полотенчики свертки. В драконовы земли меня снарядили солеными огурцами, патиссонами, свиной тушенкой и тремя — бестии всех раздери! — банками яблочного джема. Решила бы, что мама позаботилась о дочери, но куда там! На каждой был наклеен листочек «для владыки». Никак маменька решила, что его здесь не кормят, и выгребла с полок пятилетние запасы засолов!

В незнакомой шкатулке, украшенной перламутром и танцующими журавлями, лежали мотки ниток и пальцы со злосчастными шмелями. Похоже, мне действительно стоило вышить очередное пятно, чтобы выловить в себе спокойствие!

С леденеющим сердцем я вскрыла второй сундук и выдохнула от облегчения. На ловчее снаряжение и экипировку побоялась покушаться даже моя деятельная родительница. Но непромокаемые сапоги из кожи питоновой бестии, совершенно незаменимые на болотах, расперло в разные стороны, словно они ожили и проглотили одним махом по курице. В распухших голенищах обнаружилось по туфле на высоком каблуке.

Я воинственно схватила в руки эти демонские туфли, принадлежащие, по всей видимости, Лидии. Ладно, матушка запихнула бесполезную обувь, но она была не в курсе, что у младшей дочери нога на размер меньше моей!

— Вайрити... — пролепетала Иридия, заглянув в комнату для переодеваний.

— Да когда она только успела? — в сердцах воскликнула я на родном языке, потрясая туфлями.

— Чего? — испугалась горничная.

Первый день в замечательной библиотеке начался с гневного письма домой. Кипя, как забытый на очаге чайник, я смотрела на расчеркнутую страницу и пыталась найти в себе силы высказать претензии без бранных ругательств. С первого раза не удалось. Слова,

способные не уложить матушку на неделю в постель, а только слегка подправить тонкую душевную организацию, не находились.

Очень хотелось скрутить какую-нибудь бестию в бараний рог и спустить пар.

Я достала из ящичка чистый лист, но стук каблучков заставил отвлечься от письма. В библиотеку, словно фурия, летящая на крыльях ночи, ворвалась Данри. Длинная юбка развевалась от стремительного шага, желтые нечеловеческие глаза с узким зрачком метали молнии. В переносном смысле.

— Госпожа Егорьева, мне есть что вам сказать! — заявила она, утверждаясь перед массивным столом. — Вчера вы вынудили моего брата совершить позорный полет. Теперь его отправили в ссылку. Наказали, как непослушного ребенка. Как это унижительно!

— Согласна, — усмехнулась я, — действительно унижительно. Но откуда вы знаете, из какого окна выпорхнул ваш брат? Он с вами делится подробностями личной жизни?

Девушка замялась и выпалила:

— У нас нет секретов! Мы очень близки.

— Чудесно. — Я улыбнулась. — Впервые, конечно, такое встречаю, чтобы взрослый мужчина делится провалами с младшей сестрой, но не мне судить о нравах в драконьих семьях. Тогда, может, объясните, из каких соображений ваш брат решил искупаться в моем бассейне? Я не особо вчера поняла.

— Вы крутили перед ним хвостом! — обвинительно воскликнула она.

— У меня нет хвоста, — заметила я и добавила: — В отличие от Яррана.

— Манили его, а в итоге...

— Да?

— Заманили! И выставили из окна!

— У него была чудесная возможность оказаться выставленным прямо к владыке, — заметила я. — Он не захотел.

— Ярран очень плохо летает! — возмутилась Данри. — Просто отвратительно! Элори — древний род водных драконов, нас не учат летать.

— В этом тоже я виновата? — с интересом уточнила я.

— Нет, но...

— В таком случае, — с ледяными интонациями перебила ее, — вашему брату стоит выбирать бассейны этажами пониже.

— На первом этаже прачечная! — опешив, возмутилась Данри. — Предлагаете ему плавать там?

— Логичнее всего устраивать водные процедуры в своих покоях, — хмыкнула я, — и не пытаться вызвать дипломатический скандал. Будь у меня нервы послабее, наверное, завизжала бы. Сбежалась бы стража. Владыка как раз был на подходе... Кстати, вы пришли предъявить претензии и объяснить, что я недостойна вашего брата? Или просто захотелось поскандалить?

— Простите?! — поперхнулась Элори-младшая.

— Вы-то за что просите прощения? — невозмутимо уточнила я. — Извиняться следует вашему брату за то, что поставил незамужнюю молодую женщину в стыдное положение, но от него я извинений не дождалась.

Данри не нашла чем парировать. Открыла рот и закрыла. С лица исчезли чешуйки, глаза вернули человеческий вид. Она стояла спиной и не видела, что по коридору знакомой уверенной поступью в библиотеку направлялся Эсхард. Я заставила себя оторвать взгляд от его крепкой фигуры и кивнула:

— Кстати, а вот и он.

— Ярран? — Удивленно обернулась девушка и увидела владыку.

Перемена произошла стремительно. Взбешенная бестия превратилась в юную красавицу с нежной улыбкой на розовых губах.

— Кейрим! — воскликнула она на драконьем языке, рванула владыке навстречу и легко подхватила под руку.

Эсхард выглядел довольным, и у меня свело пальцы, так сильно захотелось... вышить парочку шмелей. Похоже, за шкатулку с рукоделием матушку следует не ругать, а благодарить.

Они направлялись к рабочему столу. Данри говорила громко и распевно, красивым поставленным голосом.

— Я просила вайрити Егорьеву посоветовать мне что-нибудь почитать, но она незнакома с дворцовой библиотекой. Ты мне посоветуй!

— Давно ты увлеклась чтением? — иронично хмыкнул Эсхард.

И глядя на них, я вдруг осознала забавную вещь. Ярран привез во дворец невесту для владыки и был готов соблазнить хоть бестиолога из

Родолесса, хоть всех родолесских бестий. Ведь он точно знал, кому владыка сделал предложение руки и сердца, даже если в итоге не получил ни того ни другого.

— Здесь так много разных книг! — продолжала кокетничать Данри. — Выбери для меня самую интересную.

— У меня есть предположение, что тебе непременно понравится, — с доброй улыбкой ответил Эсхард, мягко похлопав девушку по руке. — Позвольте вас побеспокоить, госпожа Егорьева?

Обойдя стол, владыка оперся о спинку стула и склонился к выдвижным ящикам. Он не пытался прижиматься, между нами оставалась прослойка воздуха. Однако от вынужденной близости его сильного тела, от аромата одеколона, терпкой хвойно-цитрусовой смеси, я внезапно почувствовала незнакомое замешательство. Казалось, что в позвоночнике появился стальной прут, не позволяющий шевелиться и ровно дышать.

Эсхард выдвинул ящик, проверил книги и, выпрямляясь, резюмировал:

— Видимо, переложили.

— Теперь мне еще любопытнее! — просияла Данри. — Мы непременно должны найти эту книгу!

Они скрылись за колонной. Из глубины зала звучали их неясные голоса. Я повела плечами и вновь взялась за письмо. Словарь бранной речи из сознания исчез. Вместе со всеми словами. Большим усилием воли я вывела на листе строчку, вполне отражающую суть претензии.

Где-то за спиной раздался возмущенный голос Данри:

— Детские сказки?

— Тебе понравится, — уверил ее владыка.

— Но я хочу почитать что-нибудь серьезное! — заспорила она.

— Значит, хочешь расширить кругозор... — понимающе протянул владыка, и только глухой не услышал бы в его интонациях иронию. — Астрономический трактат о движении небесных тел подойдет?

— Именно то, чего мне не доставало!

Наконец, они появились в поле зрения. В руках Данри несла толстый манускрипт в черном кожаном перелете и старательно прятала досаду.

Эсхард приблизился к столу и весьма бесцеремонно пальцем подвинул поближе к себе забракованное письмо, в котором из

приличного были только приветствие и знаки препинания. Может, еще парочка слов, вписанных исключительно для связки.

— Благодарю, кейрим, — произнесла Данри. — Обещаю прочитать очень быстро!

— Не торопись, — отозвался он и, не спросив разрешения, забрал со стола письмо.

— Изучу и непременно тебе расскажу!

— Я не собираюсь принимать у тебя экзамен, Данри, — по-доброму усмехнулся Эсхард. — Читай для удовольствия.

— А как же обсудить? Прочитанное непременно надо обсуждать и делиться впечатлениями.

— Я не изучал этот трактат, — по-простому признался владыка. — Больше не будем отвлекать госпожу Егорьеву от работы.

Он недвусмысленно кивнул в сторону открытых двустворчатых дверей и вернулся к беспардонному чтению письма к моей ненаглядной матушке. Данри поскущела. Покрутив головой, она прошептала:

— Госпожа Егорьева, вы не против, если я тихонечко почитаю на диванчике? Буду совсем незаметной.

— Против, — спокойно ответила я. — Мне обещали полную тишину во время работы.

— Да я даже не чихну! — воспротивилась выдворению девчонка и звонко чихнула, так тряхнув головой, что на волосах повисла заколка.

Владыка оторвался от чтения и, не произнося ни слова, впери в Данри острый взгляд. Та мигом ретировалась и с королевской осанкой, словно уходила по собственному желанию, отправилась вон. На полпути она вдруг замерла и снова громко чихнула.

— У нее реакция на книжную пыль или на астрономию? — не удержалась я.

— На чтение, — насмешливо хмыкнул Эсхард и скомандовал девушке: — Не забудь закрыть за собой дверь.

Створки дверей сомкнулись. Мы остались одни.

— Тебя не смущает читать личную переписку? — не скрывая иронии, спросила я.

— Абсолютно не смущает, — кивнул он. — Я не все понял в этом послании. Здесь много непередаваемых родолесских понятий...

Да, они называются матерными ругательствами.

— Тебе еще и дословный перевод личного письма нужен? — с фальшивым удивлением протянула я. — Да вы самодур, кейрим Нордвей.

— Так и есть, — бессовестно подтвердил он. — Насколько я уловил суть, твоя матушка передала мне дары. Понятия не имею, что такое «патиссоны», но дар прислали мне, я хочу его получить!

— Ты серьезно? — вырвалось у меня.

— И три банки яблочного джема, — не поведя бровью, нахально потребовал он. — Я всегда серьезен, когда дело касается даров.

— Хорошо! — воскликнула я. — Попрошу, чтобы тебе принесли всю походную кухню. Теперь мне можно закончить письмо?

— Не забудь передать матушке от меня самый сердечный привет. — Эсхард положил исписанный лист на стол. — И Виталия...

— Что еще? — проворчала я.

— В жизни не подумал бы, что девушки умеют так сочно ругаться, — с улыбкой произнес он напоследок.

В Родолесс отправилось исключительно лаконичное письмо с одной фразой: *«Почему именно бальное платье?!»*

Через несколько часов в библиотеке появилась Иридия с большим подносом, заставленным плошками. Нехотя я оторвалась от изучения манускрипта о бестиях острова Вариби, который планировала посетить первым, и размяла шею. Приговаривая, что обед давно прошел и владыка велел принести еду к вайрити, раз вайрити сама не пришла к еде, горничная бесцеремонно сдвинула записи и пристроила поднос.

Кротко сложив руки в замок, она встала возле стола.

— Иди, не стой над душой, — кивнула я.

— Владыка велел, чтобы я проследила, что вы съедите все до последней ложки, — объявила она. — Он не хочет, чтобы случился... Как это? Вспомнила! Не хочет дипломатического скандала за то, что в его дворце заморили гостью голодом. Между прочим, ваш художник уже два раза успел отобедать и теперь что-то чиркает в альбоме на южном балконе.

Судя по всему, поработать мой художник после двух сытных обедов не захотел.

— Иридия, у меня к тебе просьба, — обратилась я, не веря, что действительно собираюсь одарить домашними закатками владыку южных земель и чего-то там еще невообразимо огромного, — в комнате для переодеваний стоят горшки. В полотенчики завернуты. Пусть их отдадут кейриму. Он желает получить свои... патиссоны.

Шебутные горничные приняли слова Эсхарда близко к сердцу и начали таскать еду. Приносили фрукты и медовые сладости. Заглядывали доложить, что дары владыке переданы. Проинформировали обе. По очереди. Видимо, чтобы я не забыла. В общем, превратили библиотеку, храм тишины и вековых знаний, в проходной двор.

Ян на этом дворе появиться не пожелал.

Заставив себя закрыть книги, я прихватила манускрипт с описанием бестий и отправилась разыскивать художника. Хотелось верить, что не успел ни выгореть от тяжелого припадка вдохновения, ни обгореть на солнце.

— Ой, вайрити, а вы куда? — удивилась Лавиния, когда мы едва не столкнулись в дверях.

— Раздавать затрешины отдыхающим на курортах драконьего края, — с досадой отозвалась я.

— Я с вами!

Служанка решительно бросилась за мной следом и засемила, как было принято у здешних слуг, на шаг позади.

— Вайрити, а где именно вы собираетесь затрешины раздавать? — спросила она, когда стало очевидным, что мне известен только конечный пункт, но не маршрут.

— На южном балконе, — пояснила я. — Кстати, где он?

— Туда, — с готовностью указала Лавиния в нужную сторону.

— Там же запад.

— Но балкон южный, — не поняла горничная суть претензии.

— Какое коварство, — пробормотала я. Хорошо, спросила, могли бы до вечера разыскивать.

Горничная осталась дожидаться в помещении, а я шагнула на просторный балкон, залитый уходящим за горные вершины солнцем. Вид открывался живописный. Особенно на художника. Обласканный теплыми лучами Ян безмятежно дрых, растянувшись во весь рост на длинной козетке.

На тонконогом столике лежал открытый ящичек с угольными карандашами. Альбом для набросков валялся на полу. Не поленившись нагнуться, я подняла его и быстро просмотрела, что вдохновение нашему художнику сегодня принесло. Горы, пушистое облако, балюстрада... Данри с кокетливо съехавшей с одного плеча бретелькой сорочки.

— Кхм.

Я нехорошо покосилась на Яна. Грозный взгляд он во сне не почувствовал, но потер нос и пробормотал что-то невнятное.

На следующей странице Данри была нарисована с двумя спущенными бретелями. Дальше смотреть я была морально не готова. Вряд ли найду портрет Элори-младшей с раскрытой книгой по астрономии.

С чувством я шмякнула закрытый альбом на стол. От грохота Ян дернулся, проснулся и часто заморгал.

— С пробуждением, господин Лунецкий, — громко поздоровалась я. — Смотрю, вы так заработались, что сильно утомились.

— Привык подремать после обеда, — через широкий зевон провыл он и почесал глаз. — Который час?

— Час прямых обязанностей! — отрезала я и пихнула ему манускрипт.

Ошарашенный Ян вцепился в книгу, спросонья плохо понимая, что именно от него хотят. Нахмурившись, он открыл манускрипт и некоторое время с недоумением разглядывал титульный лист с надписями на драконьем языке.

— Это что? — наконец уточнил он, подняв взлохмаченную после сна голову.

— Работа, господин Лунецкий.

— Как неприятно прозвучало, — пробормотал Ян. — Что я должен сделать?

— Откопируешь бестий. Переводы страниц я вложила.

Он подскочил на козетке, резко усаживаясь. Всколоченные волосы торчали вороньим гнездом.

— Ты за кого меня держишь? Перед тобой гений... — Тут этот гений оценил, как я скептически изогнула брови, намекая на полную неразбериху с конечностями в учебном альбоме, и умерил пыл. — В принципе, всегда удобно творить, когда есть образец.

— Творите, господин Лунецкий, — благословила я. — Завтра утром отдашь рисунки.

— Утром? — возмутился он. — А спать мне когда?

— Ты за день не выспался?

— Я переживал мощный порыв вдохновения! Меня накрыло! — воскликнул он.

— Я заметила.

— Образы сами выплескивались на бумагу. Да что я тебе рассказываю? Обычный человек никогда не поймет это абразивное... неабразивное...

— Просто закончи, — сухо посоветовала я.

— Невообразимое чувство полета!

— Один вчера тоже полетал, сегодня выслали, — протянула я и красноречиво кивнула на столик.

Ян повернул голову и обнаружил стыдливо закрытый от чужих глаз альбом.

— Данри — моя новая муза!

— Поздравляю, — согласилась я. — Надеюсь, она тебя вдохновит на рисование бестий. Сейчас начнешь, как раз к утру управишься.

— А если не успею? — капризно бросил он мне в спину.

Я повернулась и сухо перечислила, загибая пальцы:

— Дорожный сундук. Портальный переход. Родолесс. Плодотворной работы, господин Лунецкий.

В покоях меня ждал странный сюрприз. В спальне стояли сундуки, на столике — украшенные камнями шкатулки, а центре всего этого безобразия — сияющая горничная Иридия. Сияющая во всех смыслах: от радости на скулах у девушки выступили блестящие чешуйки.

— Вайрити, владыка получил ваши дары! — звенящим голосом выпалила она и развела руками. — И прислал дары в ответ!

— За банки с патиссонами? — У меня вырвался нервный смешок. — Какой интересный обмен подарками.

Мне срочно требовался путеводитель по запутанному лабиринту драконьих традиций!

Горничные, словно студентки, не понимающие, чем провинились перед строгой преподавательницей, сидели плечо к плечу на диванчике. Руки сложены на коленях, в глазах решимость отвечать на

любые вопросы. Я задумчиво оглядела заставленную комнату. Складывалось впечатление, будто в покои мне прислали приданое, скоро объявят, что жениха нашли из местных. Эсхарду я уже отказала, видимо, попробуют пристроить посла и отправят нас строить счастливую семейную жизнь в Родолессе.

— Зачем владыка отправил вот это все? — Я обвела рукой богатства в сундуках и шкатулках, расставленные по методу «куда влезло».

— Так принято! — с готовностью ответила Иридия. — Гостеприимный хозяин должен ответить добром на добро.

В нашем случае «добро» имело вещественную форму.

— Я могу вернуть подарки владыке? — спросила у девушек.

— Зачем? — Обе едва не подпрыгнули на диване и затараторили, перебивая друг друга: — Это большая честь! Дары принимают и отдают с открытой душой!

— Вы же не хотите оскорбить кейрима? — сощурившись с подозрением, въедливо уточнила Иридия под конец.

— Только прервать круговорот подарков, — задумчиво вздохнула я, припомнив, как за выломанную ручку получила сначала яблоки, а потом лишилась шпильки для волос. До сих пор любопытно, что с ней сделал владыка. Вряд ли закалывал пучок... Хотя кто знает драконьи привычки.

— Почему вам не нравятся дары? — недоуменно уточнила Лавиния.

— Они приносят радость! — согласилась ее подруга. — Вы совсем не рады?

Да я в недоумении, что делать с этим присланным от широкой драконьей души добром!

— В Родолессе только кабачки по кругу дарят. И те поштучно, — пошутила я, припомнив позорную историю, как один и тот же кабачок, слегка подпорченный с одного бока, матушка с теткой четыре раза пересылали туда-сюда. Обе утверждали, что вырастили его собственными руками в горшочке, при этом о садоводстве имели смутное представление.

— Просто передайте кейриму благодарность, — посоветовала Лавиния.

— Можно с каким-нибудь сувениром, — добавила Иридия, но наткнулась на мой выразительный взгляд. — Или просто поблагодарить, но тогда только лично. Даже разрешено не кланяться, вы же гости.

— Отрадно слышать, — со смешком резюмировала я и размяла шею. — Значит, благодарить и не кланяться. Хороший план. Идемте, девушки, к кейриму. Хочу сказать спасибо сейчас. Прямо в лицо и лично!

Словно пустив в диван корни, они не торопились подниматься и смотрели на меня с прилипшими к губам улыбками.

— Не медлим, девушки, — подбодрила я и помахала руками, чтобы их поторопить. — Благодарности, как ложка к столу, хороши вовремя.

Длинными коридорами мы добрались до входа в башню владыки. Один из плечистых стражей, дежуривших возле арки, приглашающе указал рукой:

— Добро пожаловать в башню кейрима, вайрити.

Очевидно, он ждал меня. Проницательный мужчина, умеющий предугадать каждый мой шаг.

Горничных я отпустила и спокойно пожаловала в башню к дракону. Винтовая лестница привела к раскрытой дубовой двери в полукруглую гостиную со стенами, облицованными изразцами глубокого бордового цвета. Мебель была тяжелая, из дорогого красного дерева, широкий диван плавным изгибом повторял очертания стены.

Эсхард, стоящий на фоне окна, удивительным образом вписывался в роскошную обстановку. Изображать удивление он не посчитал нужным.

— Виталия? — вымолвил он на родолесском языке.

— Эсхард? — копируя его тон, ответила я. — Ты ждал меня.

Он приглашающе кивнул. Я переступила через порог и по собственному желанию вошла в драконье логово.

— Чай? — спросил владыка. — Бренди?

— Поговорить, — поправила я.

— Как продвигается работа? — не моргнув глазом, действительно начал вести светскую беседу он.

— Не о работе.

Эсхард указал на диван, но усаживаться я отказалась. Сразу заявила, что разговор много времени не займет и, тщательно подбирая слова, попыталась объяснить, почему слугам следует немедленно унести сундуки с дарами из моих покоев.

— Я искренне благодарю тебя за щедрость и уже наслышана о правилах гостеприимства в Хайдесе, но ничего не могу принять. В нашей ситуации подарки неуместны и ставят меня в неудобное положение.

— Эти дары не тебе, — спокойно заметил Эсхард.

— В каком смысле? — опешила я. — Их случайно занесли в мои покои?

— Они для твоей матушки и младшей сестры.

— За банки с соленьями? — скептически уточнила я, догадываясь, что матушка рухнет в обморок от счастья и немедленно пришлет мне подвенечное платье в ответ на возмущенное письмо. — Считаешь обмен равнозначным?

— Только я могу судить, насколько ценный подарок получил, — заявил Эсхард, а карие нахальные глаза смеялись.

— В Родолессе на банку с патиссонами отправляют в ответ кабачок, а ты решил собрать для моей сестры приданое?

— Ты против?

— Я категорически против, — оставив дипломатичность, прямо ответила я.

— Тебе придется смириться, — мягко, но властно проговорил он. — Дары отправятся в Родолесс. Я так решил.

— Скажу прямо, Эсхард. Мама подумает, что мы собираемся пожениться, — резковато пояснила я. — Будет сложно объяснить, почему она ошибается.

— Уверен, Виталия, ты с этим справишься, — в его голосе прозвучала откровенная ирония. — Ты умеешь писать убедительные письма. Но мне искренне нравится, что мы спорим. Как самые настоящие друзья. Все еще не хочешь чаю?

— Никакой надежды, что я смогу тебя уговорить не радовать мою матушку неслыханной щедростью? — спросила у него.

— Исключено, — спокойно ответил Эсхард. — Владыка обязан следовать традициям своих земель.

— Тогда бренди.

Самое время отпраздновать последний день спокойной жизни. Когда я вернусь в Родолесс категорически незамужней, матушка потеряет покой. В ближайшую бесконечность каждый мой приезд домой будет начинаться с траурного тоста.

Эсхард указал на диван, приглашая меня располагаться, а сам сдержанно произнес на рамейне, словно обращаясь к воображаемому другу:

— Оставь нас.

Придуманный друг оказался реальным: из узкого арочного прохода выступил безмолвный слуга. Тенью он прошмыгнул по комнате и, поклонившись, тихо прикрыл за собой дверь. Обстановка в полукруглой гостиной, озаренной последними лучами заходящего солнца, приобрела легкую интимность.

Между тем Эсхард нажал невидимую пружину на стене над высоким резным комодом. За панелью прятался глубокий винный тайник. Он достал квадратную бутылку со знакомой этикеткой родолесского бренди, плеснул в бокалы немного янтарного напитка и отдал один мне.

— И что, госпожа бестиолог, нашла сегодня что-нибудь интересное в манускриптах? — спросил он, усаживаясь на уважительном расстоянии.

— Более чем! — невольно начиная улыбаться, согласилась я.

Он с интересом слушал мой оживленный рассказ о нечисти, словно никогда не знал, кто именно водится в его землях. С большим воодушевлением я рассказывала о крылатой пантере. В описаниях бестию называли *кэйроб*, в переводе на родолесский язык «черный демон». И мне пришлось ковыряться в специальном словаре, чтобы подобрать правильные слова. У нас такая любопытная тварь отродясь не водилась.

— Не гоняйся за ним, — произнес Эсхард.

— Вымирающий вид бестий? — деловито уточнила я.

— Отнюдь, — отозвался он.

— В таком случае спасибо за совет, но твоя бестия принесет мне профессорский значок, — хмыкнула я, делая последний глоток бренди.

— Наверняка, — согласился Эсхард. — Но это был не совет.

— Мне сказали, что ты разрешил отправить в Родолесс любую пойманную мной бестию, — спокойно заметила я.

— Кэйроб — опасное создание.

— Все бестии опасны, но я беру с собой порталный амулет. Никогда не рискую, если во время охоты что-то идет не по плану, — уверила его я.

— В этом месте, Виталия, следовало сказать «как пожелаешь, кейрим», — заметил он.

— Какое счастье, что я не твоя подданная, поэтому кейрим может желать чего угодно, но мне нужен профессорский значок, — фыркнула я и похлопала его по колену.

Возникла странная пауза. Мы оба посмотрели на мои длинные, тонкие пальцы, бесцеремонно пощупавшие его... ногу. За интересным разговором приличное расстояние волшебным образом сузилось до возмутительного. И по дивану елозил вовсе не Эсхард. Он просто исподтишка наблюдал, как я подбираюсь ближе, и не пытался остановить нахального наступления.

Сконфузившись, я быстро убрала руку и нашла отличный повод подняться:

— Уберу бокалы.

Пристроив бокалы на комод, я сделала вид, что осматриваюсь. На улице, как и бывает в горах, быстро стемнело. В резных лампах, подвешенных к высоким деревянным стойкам, давно разгорелись световые камни. По стенам рассыпалась мозаичная тень. Создавалось обманное впечатление, что наступила глубокая ночь, хотя едва-едва занимался вечер.

— А что там? — указала я на черный провал под аркой, откуда прежде вышел слуга.

— Лестница в мою спальню, — отозвался Эсхард. — Под крышей обсерватория. Хочешь посмотреть?

Он бросил на меня вкрадчивый взгляд из-под ресниц. На некоторое время в комнате за клубилась густая тишина, разбавленная лишь едва слышным треском магических светильников.

— Я не раз видела кровати, Эсхард, — спокойно отказалась я подниматься в его спальню.

— Но я имел в виду звезды, — ответил он.

Понимать язык этого мужчины я научилась, но совершенно точно не понимала его самого.

— Пожалуй, пойду, — решительно закончила долгие посиделки.
— Надо проверить, какие успехи у моего помощника.

— Благословите боги ветров удобные предлоги, — с ироничной улыбкой вымолвил Эсхард и поднялся с дивана. — Прежде чем ты сбежишь, хотел показать тебе одну безделицу. Оценишь?

— В следующий раз, — отказалась я.

— Останься, — уронил он с мягкой, но непреклонной интонацией.

Понятия не имею, почему каждый раз, когда в его низком голосе проскальзывали ноты властности, у меня бежали по спине мурашки.

Он достал из верхнего ящика комода плоский полированный ящик с застежками, поднял крышку и показал мне содержимое. На выстланном бархатом дне лежал четырехгранный стилет с тонким, острым клинком и с круглым навершием. Рядом притулились два камня в форме капель, заключенные в резные металлические оболочки. Превосходные порталные амулеты! Наверное, лучше мне видеть не приходилось.

— Что скажешь? — спросил он.

— Отличные порталные амулеты, — прокомментировала я, аккуратно пальцем прикоснувшись к навершию. — Решил заняться ловлей бестий, кейрим Нордвей?

— Ловить бестий — твоя работа. Возьми...

Внутри сжалось. Я посмотрела ему в глаза.

— Эсхард, ты ведь не пытаешься заплатить, чтобы я поднялась к тебе в покой?

— Так вот что ты имела в виду, когда сказала, что чувствуешь себя обязанной, — протянул он, словно прежде действительно не осознавал, почему приличная девушка не принимает подарки от чужих мужчин. — Не хочу, чтобы ты поняла превратно. Я посчитал, что отправил дары твоей семье, но оставил ни с чем посыльного.

— Отрадно, что мы друг друга поняли, — кивнула ему, аккуратно опустил крышку на шкатулке. — Хорошего вечера, Эсхард.

Я передумала уже в тот момент, когда взялась за ручку на закрытой двери. Зажмурилась на секунду и развернулась. Он внимательно наблюдал, как меня ломает.

— Говоришь, что владыка обязан следовать традициям? — спросила у него.

— Все верно, — с хитрецей в глазах согласился Эсхард. — Но у нас действительно очень разные традиции, Виталия. Я осознал свою ошибку. Не хочу, чтобы моя гостя чувствовала себя обязанной.

— Ну если подарок делают от души...

С улыбкой Эсхард протянул мне шкатулку с порталными амулетами. Мы оба понимали, что он бессовестно манипулировал, а я с радостью на эту манипуляцию поддалась.

***

Ранним утром в самом замечательном настроении я вышла на балкон. Неизбежное приближение сентября, успевшее охватить Родолесс, в драконьих землях прежде не ощущалось, но сегодня в воздухе появился тоскливый холод, возникающий на разделе лета и осени. Сизые макушки гор озарялись первыми яркими лучами восходящего солнца. Вдалеке косяком летели... драконы. Как перелетные птицы, честное слово. Видимо, совершали рассветную прогулку.

В хрупкой тишине разносилось шарканье метлы.

— Не поняла, — пробормотала я, в недоумении подходя к балюстраде.

Внутренний двор оказался безнадежно пуст. Ни одного мускулистого стража без рубашки! Только слуга в серых одеждах упрямо подметал мозаичные сине-белые плитки.

— Куда вы делись, парни? — Я вытянула шею, пытаюсь понять, куда все попряталась. — Проспали, что ли?

— Наслаждаетесь дыхательной гимнастикой, госпожа Егорьева? — протянул за спиной низкий голос Эсхарда.

Я оглянулась через плечо. Владыка южных драконов, одетый в удобные широкие брюки и рубашку без воротника, заложив руки за спину, бесшумной поступью приближался к балюстраде. Аккуратная, подстриженная борода и заплетенные в косу волосы в лучах восходящего солнца казались цвета красноватой меди. Красивый мужчина.

И просто отборный дракон! Куда он спрятал от восхищенных поклонниц всех мускулистых ребят?

— Доброе утро, — кисло отозвалась я.

— Решил подышать вместе с тобой, — пряча хранимое внутри коварство под располагающей улыбкой, ответил он. — Не против?

— Да как я могу отказать хозяину стоять на его собственном балконе, — отозвалась я. — Хорошей тренировки, кейрим. Дыши полной грудью!

— Ты не останешься? — немедленно спросил он.

— Я закончила, — ответила я. — Уже подышала, насладились прекрасным воздухом Хайдеса...

Эсхард вкрадчиво переместился, заслонив собой... да все заслонив. От его высокой, крепкой фигуры на плиточный пол балкона падала вытянутая тень.

— Покажи мне пару упражнений, — мягко попросил он. — Обещаю быть прилежным учеником.

И я не придумала, как послать его в полет к сизым горам Хайдеса. Не признаваться же, что о дыхательной гимнастике я читала только в женском альманахе. Да и тот держала в руках попутчица в почтовой карете.

— Конечно, — согласилась с фальшивой улыбкой. — Разве я могу оставить кейрима южных драконов один на один с неправильным дыханием?

— Вдруг пламя выдохну, — поддержал он.

— Ты дышишь пламенем в человеческом облики? — с искренним интересом спросила я.

— Нет, — отозвался он. — Я пытался пошутить, но ты смотришь на меня как на диковинную бестию.

— Извини, — фальшиво устыдилась я. — Привычка.

Мы отошли от балюстрады, встали напротив. Чувствуя себя по-идиотски, с видом мастера дыхательной гимнастики я расставила руки, подняла ладони и скомандовала:

— Повторяйте за мной, кейрим Нордвей.

Он развел сильные руки, невольно продемонстрировав, как под тонким полотном рубашки перекачиваются мускулы, раскрыл большие ладони. Рукав поднялся, выказывая завязанный на запястье кожаный шнурок.

— Я все верно делаю? — невозмутимо спросил Эсхард.

— Закройте глаза, владыка драконов, — промычала я, словно действительно входя в медитативное состояние. — И глубоко вдыхайте... нижней чакрой.

— Чем? — вкрадчиво уронил он.

— Просто глубоко дыши! — цыкнула ему и добавила: — Нижняя чакра в животе.

— В какой его части? — уточнил любознательный дракон.

Да знать бы еще, что такое «чакра»!

— В нижней! — отрезала я, закрыла глаза и пробормотала: — Вдох и выдох. Еще разок: в себя, наружу. Вдыхаем через нос, выдыхаем через рот. Полной грудью и нижней чакрой...

Я глубоко вдохнула, чуть не поперхнулась и на краю сознания ощутила почти неуловимое движение. Инстинкт заставил меня отшатнуться и резко отвернуть голову, чтобы избежать касания. Все верно: бестии часто нападают внезапно, а рефлексy никогда не дремлют.

Собранные в хвост волосы стеганули по лицу. Я укоряюще посмотрела на Эсхарда и незаметно сжала кулак, гася вспыхнувшую на кончиках пальцев магию.

— Неплохо, госпожа бестиолог, — похвалил владыка, как ни в чем не бывало уронив протянутую руку. — Никогда не теряешь бдительности? Хотел отогнать мошку...

— То есть ты даже глаза не закрыл? — сухо уточнила я. — Я одна дышу всеми чакрами, раскрываюсь, так сказать, новому дню? А ты только мошек считаешь?

— Кхм... — протянул Эсхард, явно опешив от того, что его отчитали в духе студента-первокурсника.

— Вижу, вы, кейрим, не подходите серьезно к тренировке, — с упреком в голосе резюмировала я. — Давайте закончим урок и уже начнем день.

— Позавтракаем вместе? — обыденно спросил он.

— Работы много, — поморщилась я. — Меня в библиотеке и без того на убой кормят.

По библиотечному залу разносился громкий храп. Январин уложил ноги на стол, откинулся в кресле и крепко спал. На деревянной подставке стоял раскрытый манускрипт, и лежал незаконченный рисунок. В беспорядке рассыпались угольные карандаши, на полу валялись скомканные листы. По всей видимости, работа у художника кипела, пока сон не подрезал крылья вдохновению.

Пристроив на стол большую кружку с чаем, я посмотрела в открытой папке рисунки. Хайдесские бестии в двух ипостасях,

измененных зверей и нечисти, были кропотливо и аккуратно переложены на бумагу. Ни одной лишней конечности или хвоста. Ян сделал работу с поразительной вьедливостью и несомненным талантом.

Внезапно он громко хрюкнул и проснулся. Болезненно поморщившись, растер шею и сощурился одним глазом.

— Доброе утро, — поздоровалась я.

— Кофейку мне принесла? — Убрав ноги со стола, он вцепился в кружку, сделал большой глоток и с наслаждением замычал. — Чай тоже пойдет. Работал всю ночь, но пару часов назад сморило. Кое-что успел сделать.

— Вижу, — согласилась я, опуская в папку рисунок.

— И как тебе? — осторожно полюбопытствовал Ян.

— Хорошо.

— Просто скажи, что не понравилось! — потребовал он. — Я исправлю.

— Рисунки отличные, — уверила я.

— Нет, если ты действительно считаешь, что надо переделать...

— Господин Лунецкий! — перебила я. — Рисунки удались!

— Ох! — Он уткнулся лбом в недоделанный набросок, лежащий на столе, и промычал: — Какое облегчение. В последний раз я так нервничал, когда поступал в художественное училище.

Ян резко поднял растрепанную голову. На лбу отпечатался угольный след от рисунка.

— Что тебе особенно в них понравилось?

— Давайте продолжим работу, господин Лунецкий! — энергично призвала я и даже гостеприимно взмахнула рукой. Удивительно, как Ян не поперхнулся. — Кто много работает...

— Тот мало спит, — жалобно продолжил он.

— Тот добивается результатов, — одарив его многозначительным взглядом, поправила я.

— Но спать-то от этого не начинает больше, — простонал Ян, потерев двумя пальцами веки. — Можно подремать хоть на пару часиков? Я просто прилягу здесь, на диванчике.

Мы договорились, что он придет после обеда. Художник немедленно поднялся с кресла, выбрался из-за стола и припустил к выходу.

— Январин, — позвала я, остановив уход где-то полпути к закрытым двустворчатым дверям.

Художник оглянулся с такой печалью в лице, словно его собирались приговорить к рисованию без перерывов на сон и еду.

— Убери за собой, — сдержанно попросила я, указав на оставленный бардак.

Когда вернулась из глубины библиотеки со стопкой новых трактатов о двуликих бестиях, обитающих на самых южных островах, на столе царил относительный порядок. С пола исчезли скомканные наброски, только парочка валялась возле дверей. Видимо, Ян не заметил в углу под столом артефакторную корзину, превращающую бумагу в тонкие полоски, запихал комки за пазуху и сбежал, пока его не лишили честно заслуженного отдыха.

Неделю я не вылезала из библиотеки. Приходила ранним утром, отправлялась спать в позднем часу. Ян рисовал удивительно реалистичные, хорошо проработанные иллюстрации. Любо-дорого посмотреть!

В один из вечеров появился Эсхард.

— Я не помешаю, — спокойным голосом утвердительно произнес он, выбрал книгу и устроился на диване.

За пару часов он ни разу не нарушил молчания, но я невольно чувствовала его присутствие. Да и владыка южных драконов был замечен в любом случае. Стоило мне встать из-за стола и подставить к полке библиотечный табурет, как Эсхард, отложив книгу, поднялся с дивана.

— Эту? — уточнил он, без особых усилий вытащил нужный фолиант.

Поблагодарив, я забрала книгу из его рук. Не произнеся больше ни слова, Эсхард вернулся диван, сложил ногу на ногу и продолжил чтение.

— Отвлекаю? — Он перевел на меня взгляд. — Буду тише.

Внезапно у меня появилось смехотворное чувство, что из нас двоих именно я отвлекаю владыку от важного дела. Мне хотелось обсудить интересные находки, но он действительно пришел в библиотеку почитать.

Эсхард приходил каждый вечер и час-полтора проводил за книгой. В конечном итоге я привыкла к его компании настолько, что начала

вслух рассуждать о бестиях, словно стояла за преподавательской кафедрой. Однажды поспорила сама с собой. Сколько раз бранно ругалась, история умалчивает.

За день до отбытия на остров Вариби в ответ на недельный отчет пришло неприятное письмо от ректора Крована. С большим удовольствием на двух страницах он расписал, как сильно разочарован, что бестиарий Залесской академии еще не пополнился ни одним ценным экземпляром.

— Он не устал рисовать восклицательные знаки? — раздраженно выругалась я.

— Пригласи в Хайдес его сына и предложи без подготовки ловить бестий, — посоветовал низкий голос.

В общем-то, я уже воспринимала Эшарда как часть дивана, и в него едва не влетело боевое заклятье. Со злосчастным письмом я стояла посреди кабинета, владыка привычно сидел с раскрытой книгой, а между нами, треща магическими разрядами, висел серебристый сгусток боевого заклятья. Белый неживой свет отражался в глазах дракона, делая их совершенно нечеловеческими, но сам он не только позы не сменил, даже бровью не повел.

— Простите, кейрим. — Сконфуженно кашлянув, я помахала в воздухе письмом и погасила магию. — Теплого ветра вашим крыльям.

— И ты их едва не подпалила, — невозмутимо заметил он.

— Не ожидала, что диван заговорит, — призналась я и уточнила: — Кстати, ты знаешь, что у ректора Крована есть сын?

— Нас знакомили, — ответил он тоном, не подразумевающим дальнейшие расспросы.

Перед самым отъездом, когда я проверяла исправность артефактов, в покои занесли подозрительно знакомый дорожный сундук с цветочными орнаментами на боках. Готова биться об заклад, я видела эту бандурину в чулане родительского дома!

— Варити, вам пришло из дома, — с радостной улыбкой объявила Иридия.

С мелко подрагивающим глазом я вытащила из кармашка на крышке запечатанную сургучом записку. *«Зачем вопить? Достаточно написать, что нужна одежда»*, — с ворчанием ответила матушка на мое лаконичное письмо.

В сундуке лежали три платья, в которых, по всей видимости, раньше Лидия выходила в свет. На дне стояли банки с соленьями, обвернутые в кухонные полотенчики. Очередные патиссоны для владыки грозили новым витком обмена подарками.

— У тебя полотенца еще не кончились? — процедила я, словно заботливая маменька, на радостях, похоже, скупившая полрынка солений, могла меня слышать, и велела горничным: — Девушки, попросите вернуть сундук в Родолесс...

Перемещение на остров Вариби началось до неприличия бодро! По каменному полу порталного зала клубами стелился густой желтый туман. В ядовитых клубах стоял раскрытый сундук с ловчими артефактами и амуницией. Вокруг него, бог знает что изображая, плавно двигалась семерка бравых парней, один из которых был художником. Трое крались, трое их прикрывали. Один не самый плечистый и бравый, а всколоченный и страшно испуганный, с сосредоточенным видом отмахивался деревянным этюдником, отгоняя от себя воображаемую невидаль.

— Проклятье! — выругалась я и, уткнувшись носом в рукав, рванула к сундуку.

Стоило захлопнуть крышку и пробудить сорванную печать, как туман стремительно всосался в замочную скважину на застежке. Воздух в порталном зале полностью очистился, но парни продолжали изображать пируэты. Видно, что наглотались дыма от души. Кто бы подумал, что простенькая ловушка подействует не только на престарелую леди, но и на мощных здоровяков!

Я звонко похлопала в ладоши, привлекая их внимание, и строгим голосом объявила:

— Уважаемые рейнины, самое время прийти в чувство!

Стражи встрепнулись, устремили в меня туманные взоры, а потом с удивительной проворностью взяли в кольцо.

— Что вы делаете? — опешила я, разглядывая широкие обтянутые рубашками спины.

— Защищаем невесту владыки! — пояснил один, чуть оглянувшись через плечо.

— Владыка сказал, если с головы его невесты упадет хоть одна шпилька, то нам подрежут крылья!

Тишину разнес на клочки страшный грохот, словно бабахнул гром среди ясного неба.

— Шпилька упала! — крякнул один из драконов.

Какая шпилька? Это челюсть у меня ударилась о каменный пол!

Глава 6. Любимица нечисти

Как можно не замечать очевидных вещей? Подарки, разговоры, шикарные покои и две личные горничные. Дракон заманил бестиолога в логово и больше не выпустил. Да я по собственному желанию приехала во дворец! За счет Залесской академии магии. И ведь всегда себя считала наблюдательным человеком! В оправдание могу сказать, что прежде мне не приходилось сталкиваться с настолько ловкими манипуляторами, как Эсхард Нордвей. Хотя... ничто меня не оправдывало.

Грохот выроненного художником этюдника привел охрану в чувство. Под жалобные стенания Яна кольцо из широких мужских спин распалось. Сконфуженно переглядываясь, парни разошлись в разные стороны.

— Попустило? — сухо спросила я. — Кому пришло в голову вскрыть ловчий сундук?

Не сговариваясь, вся бравая шестерка покосилась на художника. Что-то бормоча под нос, Январин ползал на карачках по полу и собирал рассыпавшееся имущество: разные кисти, баночки с красками, угольные карандаши.

— Ящик свой хотел убрать, — подсказал один из охранников. — Он его все не мог открыть... Мы ему помогли.

— И вас не смутило, что сундук был заперт, — резюмировала я.

— Он сказал, что это его сундук, — отговорились парни.

— Кто замок сорвал? — уточнила я, и вперед, как на боевом построении, вытянув руки по швам, выступил один из драконов. — Прекрасно...

— Простите, вайрити! — рявкнул он.

— Тебе художника вместе с его ящиком тащить, — распорядилась я. — Давайте перемещаться, если все в сборе.

Немедленно выяснилось, что должен прийти кейрим. Видимо, решил нас проводить и дать последние наставления охране, что с моей головы не может свалиться ни одна шпилька. Пусть я и заплела волосы в косу.

Эсхарда вошел в зал знакомой уверенной поступью, источая властность и энергию. Одет удобно, волосы собраны на затылке в косицу. Он обвел внимательным взглядом зал, наткнулся на художника, успевшего в обнимку с этюдником взгромоздиться на ловчий сундук, и недоуменно изогнул темно-рыжую бровь.

— Доброе утро, госпожа Егорьева, — проговорил на родолесском.
— Что случилось с вашим художником?

— Надышался горным воздухом, — отозвалась я, разглядывая владыку.

— Тоже поклонник дыхательной гимнастики? — хмыкнул он.

— По большей части любитель залезть в чужие сундуки, — добавила я. — Теперь чакры в себе ищет.

— Как долго он собирается медитировать? — уточнил Эсхард.

— В портале придет в чувство, — мрачно пообещала я.

В портале все приходят в чувство. Глядишь, и мне придет в голову хорошая идея, кому сосватать Эсхарда Нордвея, кейрима южных драконов.

— Отправляемся, — приказал он смотрителю башни и пояснил:
— Давно планировал по случаю посетить Вариби.

— Конечно, — коротко улыбнулась я, вдруг ловя себя на мысли, что меня восхищает этот мужчина, умеющий мягко и почти незаметно затягивать силки.

В тесном порталной зале академии Вариби визитеров из столицы ожидала целая толпа — по случаю приезда кейрима собрались все преподаватели. Приветствовал нас высокий, статный мужчина с волосами цвета перца с солью и в черном костюме, отчасти напоминающим форму студентов Залесской академии магии. Разве что на груди не было вышитого академического герба.

Стало ясно, что нас встречал ректор Дэйрат Эфрим, рекомендательное письмо к которому мне вручили перед отъездом в южные земли. Конверт с сургучной печатью Залесской академии по-прежнему лежал в бумагах.

— Безмерно рад тебя видеть, — обратившись к Эсхарду ректор.
— Давно ты ко мне не заглядывал.

Они по-мужски обнялись, чуток скованно и неловко. Похлопали друг друга по плечам. Другими словами, наглядно продемонстрировали старую дружбу.

— Мой кейрим, теплого ветра вашим крыльям, — коротко кивнул Илайс.

Он выглядел серьезным и как будто присмирившим за неделю ссылки из драконьей столицы.

— Эсхард, а что родолесский ловец-то дохленький? — с доброй иронией прогудел ректор Эфрим.

Возникла странная пауза. Все невольно обернулись к Яну. Во время перемещения художник действительно пришел в сознание, но лишь для того, чтобы снова из него выйти. Он позеленел лицом и без стеснения повис на плече у стража-здоровяка. Длинные волосы жалко свешивались сосульками. Обнять и плакать.

Дракон по-братски приобнимал его одной рукой, другой держал этюдник и отчаянно старался выглядеть мужественно. Из всей миссии лучше всего получалось сжимать под мышкой деревянный ящик. Хозяин этого ящика все время закатывал разноцветные глаза и пытался стечь на пол.

— Это художник, — пояснил Эсхард.

— А ловец? — Ректор взглядом ощупывал прибывших и пытался мысленно примерить костюмчик бестиолога на парней, но очевидно они являлись драконами. Наконец, он остановился на мне. В темных глазах мелькнуло недоумение.

— Добрый день, рейнин Эфрим, — проговорила я и протянула руку. — Виталия Егорьева. Бестиолог из Залесской академии магии.

— Вы не переводчик, — резюмировал он, сжимая мои пальцы.

— Отнюдь, — согласилась я с улыбкой и без особенного пиетета стиснула его ладонь покрепче.

— Нам обещали лучшего бестиолога академии, — заметил он, надавливая сильнее.

— Он перед вами, — ответила я.

— Вы женщина.

— У вас острый глаз.

Мы трясли стиснутыми руками, словно пытались сломать друг другу кости. Дракон в этом бесславном соревновании явно лидировал. Однако я не собиралась ронять честь и достоинство родолесских бестиологов.

— Довольно, — вкрадчиво уронил Эсхард.

Пришлось расцепиться, а я почти дожала ректора. В смысле, руку ему почти дожала. Еще чуть-чуть и хрустнули бы суставы. Не факт, правда, что не у меня.

Из порталльной башни нас быстро не выпустили. Каждый из преподавателей посчитал своим долгом поздороваться с кейримом и вознести восхваления. Очевидно, владыку здесь любили и уважали. Пока ему пели оды и желали теплого ветра крыльям, Илайс незаметно встал рядом со мной.

— Безмерно счастлив тебя видеть, мой драгоценный друг, — знакомо растягивая слова, проговорил он по-родолесски. — Привезла?

— Нет, — коротко отозвалась я, понятия не имея, о чем он спрашивает.

— Признаюсь, сейчас я счастлив чуть меньше, — перестал он улыбаться. — Ты мое письмо получила?

— А ты мне писал? — искренне удивилась я.

Мы одновременно посмотрели на Эсхарда, с благосклонностью, но без раздражающей надменности принимающего всеобщее обожание.

— Похоже, не дошло. Я просил родолесский бренди, — буркнул Илайс.

— Мне следовало его отцедить из бутылки в покоях владыки? — хмыкнула я.

— Ты уже знаешь о бутылке в его покоях? — почти с восторгом переспросил дракон.

Оставалось только проглотить бранное слово и мысленно досчитать до пяти. Не сомневаюсь, что этот светловолосый товарищ был в курсе планов Эсхарда. Только я полагала, будто получила приглашение в Хайдес за профессионализм, а теперь чувствовала себя чудовищно задетой.

— Пора заканчивать с приветствиями, — пробормотал Илайс и посмотрел на несчастного художника, цеплявшегося за стража. — Иначе твоего художника придется взвалить на закорки.

В принципе так и получилось. Яна в гостевой пансион страж потащил на хребтине.

Выделенная мне комната выглядела простой до аскетизма: кровать, стол, настольная лампа, раковина в нише за ширмой. Никаких излишеств. Удобства на весь этаж, но разделения на мужскую и

женскую половину здесь не делали, как в любом недорогом постоялом доме.

Не успела я вытащить из дорожного сундука смену одежды и банные принадлежности, как седовласый смотритель едва не снес с петель дверь.

— Вайрити! — воскликнул он в панике и так быстро заговорил, что я понимала по большей части общий смысл.

Выходило, что мне вменялось немедленно сунуть вещи в саквояж и свалить из пансиона в какую-то башню. Хотелось верить, что не в тюремную. При этом старик пристально смотрел на полосатое полотенчишко для лица в моих руках. Полотенце я прижала понадежнее к животу и вынужденно призналась, что ничего не поняла:

— Можно помедленнее?

— Покои в ректорской башне. Просторная комната, — начал тянуть он слова, словно разговаривал с тупицей. — Все по правилам: владыка сверху, а вайрити снизу!

— В каком смысле? — икнула я.

Смотритель с досадой поднял указательный палец над головой и промычал:

— Сверху.

Показал себе под ноги и пояснил:

— Снизу.

Хотелось верить, что они не укладывали Эсхарда в гамак под потолком, а единственную даму в коллективе — на пол. На тот случай, чтобы падать тяжелому владыке было помягче, если не выдержат крепления.

— Вы имеете в виду комнаты? — уточнила я.

— Их! — с облегчением выдохнул смотритель.

— Благодарю за заботу, но останусь здесь. Мы проведем на острове всего на пару дней...

— Нельзя! — перебил он. — Кейрим сказал переселить вайрити. Я пришел переселять. Там хорошо! Много места!

Продолжая расписывать прелести ректорской башни, он подхватил пустой саквояж и шустро вышел из комнаты. Дверь закрылась. В большом недоумении я ждала, что старик вернется, но он как сквозь землю провалился. Признаться, так нагло сумку у меня воровали впервые. Хорошо, что в ней ничего не осталось.

Но пока я умывалась и собиралась в бестиарий, саквояж, пропутешествовав по академии, вернулся в комнату. Принес сумку-путешественницу Илайс. Появление помощника владыки ознаменовалось громким стуком в дверь.

— Ты в курсе, что владыке не перечат? — спросил он с кривоватой улыбкой, хитро блеснув глазами.

— Да, что-то подобное мне говорили, — согласилась я, забирая у него саквояж. Старый. Честное слово, рассчитывала на новый.

— Велели проводить тебя в бестиарий, — объявил Илайс. — Кстати, проверил нашего художника. Хотел забрать свою фляжку.

— И что?

— В ближайшие сутки бестиарий он не увидит, а я не увижу фляжку, — заключил он и кивнул: — Идем, мой драгоценный друг. Если потеряешься, то ты знаешь, что делать.

— Вернусь в академию, — подхватывая папку с рисунками и термос с теплым чаем, объявила я.

— Просто жди меня на месте, — предупредил он. — Не хочу торчать на острове еще месяц. Здесь смертельно скучно.

Мощный, добротный замок, отданный под академию, стоял на возвышенности. Круглые башни и постройки местами опутывал густой плющ. С ним пытались, похоже, бороться, но цепкий захватчик отвоевывал пространство и вкрадчиво карабкался по стенам. Цепляясь за невидимые глазу трещинки в щербатых от времени камнях, кое-где он доползал до двускатных крыш.

Занятия еще не начались, но некоторые студенты, как водится, приезжали заранее, и во внутреннем дворе оказалось неожиданно оживленно. Через высокую арку в мощной крепостной стене мы вышли к воздушной дороге. На ровной площадке без ограждений и перил толпился народ, но при появлении приближенного кейрима молодые люди вежливо посторонились. В вагончик, рассчитанный на шестерых, с нами никто сесть не решился. Принцип старшинства драконы соблюдали неукоснительно.

Вариби находился севернее столицы, близко к соседнему Авиону, землям равнинных драконов. В книгах писали, что скалистый хребет, разделяющий южную и центральную часть большого полуострова, уходил далеко в море и перекрывал теплые течения. Природа на

острове заметно отличалась от горячего Хайдеса. Влажный воздух казался прохладным, а серое небо — низким.

С интересом я смотрела в окно. К нам плавно приближались макушки вековых сосен. Если приглядеться, над ними поблескивала магическая сеть, куполом накрывающая бестиарий.

— Что ты с таким удовольствием вкрадчиво прихлебываешь, мой драгоценный друг? — спросил Илайс, стоило раскрутить термос и сделать глоток чая.

Я молча протянула оплетенную плотными кожаными полосками бутыл. С блаженным видом дракон припал к узкому горлышку, проглотил и скривился.

— Что это за редкая гадость?

— Травяной чай, — насмешливо пояснила я, забирая термос. — Очень советую. Помогает избежать ссылок на дальние острова.

На воротах нас встретил лично смотритель бестиария, коренастый мужчина в благородных седирах. Со мной он говорил на ломаном родолесском, сопротивляться я не стала. Хочется дракону поупражняться в чужеземном языке, не вижу смысла отказывать в удовольствии.

О драконьих бестиариях слышали все, кто занимался двуликими тварями. Клеток здесь не было, а загоны скрывали неразличимые глазом магические заслонки, вытянутые до самого купола. Амулеты, как объяснил смотритель, прятали в земле, чтобы их не погасили по неосторожности, а может, и намерено.

Из исследовательского интереса я прикоснулась пальцем к границе. По воздуху пробежала волна мерцающего решетчатого узора. В густых зарослях можжевельника немедленно ухнул фенфир. Если верить вбитой на колышке табличке, именно эта птица с петушиным гребнем на лысой голове обитала в загоне.

— Она точно бестиолог? — ворчливо спросил на рамейне смотритель, пока я выбирала из папки сделанный Яном рисунок невиданной птички.

Илайс выразительно кашлянул. Даже мне, стоящей к ним спиной, было очевидно, что он пытался тонко намекнуть соплеменнику придержать недовольство.

— В Родолессе мужчины закончились? — не унимался смотритель.

— Мужчины плохо говорят на рамейне, — оглянувшись через плечо, сухо прокомментировала я.

У седовласого дракона на мгновение вытянулся зрачок.

— Простите, вейрони[1], — вымолвил он, назвав меня замужней женщиной.

— Вайрити, — с трудом сдержав смешок, поправил Илайс и молча принял протянутые ему папку с термосом.

Между тем я вытащила из поясной сумки узкий маленький свисток. Он был беззвучен для людей, но не для двуликих бестий. Свист фактически приманивал и гипнотизировал нечисть, как дудочка крысолова из детской сказки приманивала крыс. Слегка дунула, надеясь выманить птицу из кустов. Пусть покажет алый гребень!

— Госпожа Егорьева, — со странными интонациями позвал меня Илайс.

Я оглянулась. Оба дракона стояли с такими ошарашенными физиономиями, словно их огрели по затылку пыльным мешком.

— Не дуди.

— Прости? — не поняла я.

— В дудку... — с натугой повторил он. — Не надо дудеть.

С недоумением я посмотрела на свисток, потом на драконов. Стало очевидно, что все двуликие бестии в радиусе десяти шагов, а не только лысые птицы, реагируют на магический зов.

— Вы его слышите? — оживилась я.

Илайс многозначительно кашлянул. Надо сказать, он умел этим покашливанием выразить весь спектр эмоций: от недоумения и неловкости до возмущения. Талант!

— Хорошо, обойдусь без ловчих артефактов, — сдалась я и сунула свисток обратно в поясную сумку.

— Сильно обяжешь, мой драгоценный друг, — отозвался Илайс.

Пока я сличала с рисунком вылезшее из кустов горделиво-лысое трио с воинственно торчащими алыми гребнями, наблюдатель пробормотал:

— Страшная женщина.

— Угу, — согласился Илайс.

— И по-нашему говорит.

Еще эта женщина их прекрасно слышала, но решила на своем примере продемонстрировать, как надо красиво молчать.

Через час смотритель под благовидным предлогом сбежал. Назначенному владыкой дежурному проводнику деваться было некуда. Он с честью нес бремя охранника, носильщика и невольного помощника. С самым смиренным видом дожидался, когда из чащи появятся бестии, спокойно следил за тем, как я делаю пометки на полях у набросков.

К тому времени, как мы добрались до загона с бельведерами, что в переводе на родолесский означало «пересмешники», заметно распогодилось. Сквозь высокие кроны деревьев струился солнечный свет. Думала, что на земле будет рисоваться сетчатая тень от купола, но лучи свободно проходили сквозь магический колпак.

Черные обезьянки размером чуть больше кисти руки густо облепили ветку дерева и тарасили разноцветные круглые глазенки. Один голубой, почти белесый, второй — темный, как спелая вишня. Подзывать бестий не пришлось. Один пересмешник спрыгнул и без страха подошел к границе.

— Найди набросок пересмешника.

Не оглядываясь, я протянула раскрытую ладонь Илайсу. Он молча вложил мне в руку рисунок.

— Какой ты мелкий, — пробормотала я, присаживаясь на корточки.

— Мелкий! — передразнил пересмешник.

Понятно, он не говорил, просто копировал звуки, но в книгах писали, что эти бестии таким образом усыпляли бдительность и приманивали добычу. Стоило выпрямиться и сделать пару шагов, как вся стая, не сводя с меня глаз, словно единый организм, сдвинулась на ветках. Я вернулась обратно, кровожадные обезьянки синхронно переместились.

— Сегодня ты любимая еда, — прозвучал за спиной низкий ироничный голос.

Я обернулась и с удивлением обнаружила Эсхарда, стоящего с моей папкой в руках.

— Кейрим Нордвей, — протянула я. — Давно вы сменили своего помощника?

— Три вольера назад, — признался он.

Другими словами, владыка почти час работал невольным помощником, а я увлеклась и не заметила.

— Когда я обругала Илайса, это был ты?

— В какой именно раз? — насмешливо уточнил он.

— Примите мои извинения, — предложила я и забрала у него папку.

— Я принимаю ваши неискренние, немногословные извинения, госпожа Егорьева, — продолжал насмехаться Эсхард.

— Многословно, как вы любите, владыка Нордвей, умеют извиняться только ваши подданные, — с ехидством прокомментировала я. — Стоило намекнуть, что ты со мной. Я бы выбирала выражения.

— И лишиться возможности дразнить бестиолога? Ни за что, — хмыкнул он, не сводя с меня пристального взгляда. — Прервись и пообедай. Ректор Эфрим нас ждет.

— Я еще не видела черного демона, — отказалась я уходить из бестиария, хотя тон Эсхарда не допускал возражений. Владыка не предлагал, а приказывал в своей обычной властной манере.

— И переселись в башню, — продолжил он.

— Нас могут неправильно понять, — с улыбкой заметила я. — Если все решат, что ты привез на остров свою женщину, а не специалиста из соседнего королевства? Неловко выйдет. Не хочу, чтобы до твоей будущей супруги дошли некрасивые слухи.

На губах Эсхарда блуждала улыбка. Мы оба понимали, что сейчас именно бестиолог дразнил дракона. Я ждала, чем он ответит.

— Провожу тебя к кэйробу, — предложил Эсхард.

Крылатый черный демон оказался крупнее, чем я представляла его по иллюстрациям в книгах. В холке пантера с перепончатыми крыльями, сложенными на спине, фактически доставала мне до плеча. Двигался кэйроб бесшумно. Сначала в кустах вспыхнули ярко-желтые глаза с вертикальным зрачком, а потом черный, как смоль, зверь выступил из густой зелени.

Я внимательно следила за плавными движениями сильной бестии и мысленно прикидывала, как можно ее изловить. Он басовито заворчал, нахально мазнул хвостом по магической преграде, заставив вспыхнуть голубоватые нити, и спрятался в зарослях.

Эсхард стоял рядом со скрещенными на груди руками.

— Он ушел из-за тебя, — разочарованно проворчала я.

— Возможно, считает меня сильнейшим хищником, — без капли бахвальства пояснил он. — Когда-то я его пленил.

На следующий день в бестиарии меня сопровождали двое стражей из дворцовой охраны и Январин. Художник пришел в себя, энергично выискивал в зарослях бестий и что-то с азартом исправлял в собственных рисунках.

Крылатая пантера в этот раз не вышла. Я прождала возле загона почти полчаса. Драконы откровенно помирали со скуки и зевали. Всем было очевидно, что в местном зверинце абсолютно безопасно и смысла в охране никакого. Январин где-то запропастился, видимо, сличал очередной рисунок.

— Парни, — не выдержала я и вытащила из поясной сумки артефактный свисток. — Заткните уши.

— Зачем? — с большим подозрением поинтересовался светловолосый здоровяк.

Внезапно из густых зарослей донесся визг. Я напряглась.

— Вы слышите? — насторожился второй дракон. — Вой за кустами!

— Бестия! — заключил первый.

За кустами прозвучал сочный мат на чистом родолесском языке.

— Это Январин! — Я попыталась растолкать парней, но убирать их с дороги было сродни тому, как сдвигать два вросших в землю каменных валуна.

— Кто? — не поняли они.

— Да художник мой вопит. Расступитесь, парни! Или мне придется дунуть в дудку. Обещаю, вам не понравится, — пригрозила я, понимая, что между здоровяками не протиснуться.

— Мы должны защищать... — заикнулись они.

— Если художника сожрут в бестиарии, случится международный скандал, — заявила я, хотя наверняка Январин просто куда-нибудь навернулся и никто его не ел, но мне-то художник был нужен целеньким. — Честное слово, я сейчас дуну!

Даже свистком в воздухе помахала! Однако дуть не пришлось. Угроза оскандалиться по обе стороны горной гряды, отделяющей Хайдес от большой земли, разом привела охрану в чувство. Подхватив меня под локотки, видимо, из большого желания защитить, они двинулись на матерящийся голос. Еле освободилась!

Картина нам открылась чудная. На чем свет стоит ругаясь, Ян валялся в папоротниках и отмахивался папкой с рисунками от черного глазастого пересмешника, скачущего вокруг него.

— Уйди! — взвизгнул он, сдобрив вопль ядреным словцом.

Пересмешник подхватил ругательство и энергично повторил. В общем, выбрал жертву и теперь энергично ее передразнивал, а заодно запугивал.

Я дунула в беззвучный свисток. Мгновенно ко мне обернулись все: драконы с вытянутыми лицами, пересмешник с вытаращенными глазенками, а Ян просто повернул голову и фальцетом выкрикнул:

— Спасите!

Только на пальцах вспыхнуло боевое заклятье, как бестия рванула в мою сторону. Магический удар ушел в землю, оставив дымящуюся выемку, а пересмешник повис у меня ноге. Обхватил, как ветку, передними и задними лапами, крепко обвернул хвостом лодыжку и прижался мордой, словно был страшно напуган.

С дурацким видом я дернула ногой, пытаюсь сбросить нечаянного пассажира. Тот вцепился крепче.

— Ты где была? — с возмущением воскликнул Ян. — Меня тут жрали!

— Тебя пугали, — процедила я и, схватив бестию за загривок, попыталась отодрать от штанины.

— И напугали! — заявил художник и мотнул головой, пытаюсь убрать упавшие на лицо волосы.

В манускриптах писали, что пересмешники выбирали сильнейшего хищника из стаи и преданно ездили у него на хребтине с места на место. Вроде как зайцем на общественном транспорте.

— Так... — Я кольнула гладкий бок пересмешника магическим разрядом.

В воздух брызнула вспышка. Хватка ослабла. Подхватив пересмешника за загривок, я кое-как отодрала его от ноги и подняла на вытянутой руке. Обезьянка доверчиво смотрела круглыми разноцветными глазенками. Длинный хвост между тем вкрадчиво оплелся вокруг предплечья.

— Парни, — обратилась я к драконам, — надо найти зрителя и вернуть это чудо в вольер.

Меньше всего я ожидала, что зритель расплывется в улыбке, расставит руки и заявит:

— Поздравляю, вайрити бестиолог, вы поймали бестию. Теперь она ваша.

— Подождите, — опешила я. — Она же из вольера убежала. Верните обратно.

— Владыка сказал, что все пойманные вами звери, принадлежат Родолессу, — объявил он. — Но раз вы отказываетесь и настаиваете...

Пересмешника у меня забирали, надев толстые перчатки. Собственно, в них-то бестия и впиалась острыми клыками.

— Может, стоило оставить? — спросил Ян, глядя на то, как мелочь с трудом упаковывают в переноску.

— Оставить! — донесся из деревянной темницы с решетчатой дверцей жалобный писк.

Ужинали в ректорских покоях. Круглый стол, по всей видимости, выдвинули в центр комнаты, чтобы поместилась большая компания. Слуги быстро внесли блюда. Перед каждым поставили по глубокой расписной плошке с подозрительно знакомыми патиссонами и огурцами.

— Получил дары из Родолесса, — серьезно пояснил Эсхард ректору Эфриму. — Решил разделить радость с тобой.

— Для меня это большая честь, — кивнул он.

Я следила за этими двумя крайне уважаемыми в Хайдесе драконами и не могла избавиться от ощущения, что они шутят. Оба нахваливали матушкины соленья с такой страстью, словно ничего вкуснее в жизни своей не ели. Официально заявляю, что ни одни соленые огурцы и патиссоны в мире не удостоивались таких почестей!

— Кстати, Виталия, я прочитал письмо от госпожи Егорьевой, — бросив ехидный взгляд, обратился ко мне Эсхард по-родолесски.

— Надеюсь, она поблагодарила тебя многословно, — отозвалась я, прихлебывая из стакана теплую воду. — И ты остался доволен.

— Да, твоя матушка щедра на слова, — согласился он и вкрадчиво добавил: — Где мои патиссоны?

Вода пошла не в то горло. Я подавилась и раскашлялась, что было крайне неловко, учитывая высокородную компанию.

— Вы их уже съели, владыка, — заметил Ян, до этого просто молча работавший столовыми приборами.

— Новые, — подсказал тот, что речь идет о только-только переданных гостинцах.

— Уехали обратно в Родолесс, — чувствуя себя по-дурацки, вынужденно призналась я.

— Компенсируешь, — бросил Эсхард и как ни в чем не бывало принялся обсуждать с ректором дела академии.

В полном недоумении, не обращая внимания на ухмылки Илайса, я представляла, как занимаюсь засолкой овощей, доставленных прямиком из Родолесса. Верхом своего кулинарного таланта я считала умение заваривать чай. Да и тот удавался через раз. В общем, южные земли реально рисковали не досчитаться одного владыки, вынудившего меня следовать местным традициям и возмещать банки с патиссонами. Возмещать! Слово-то какое... опасное.

Едва ужин закончился, и мы вышли от ректора Эфрима в прохладный вечер, на озаренном фонарным светом дворе Эсхард объявил:

— Прогуляемся. Хочу показать тебе одно место. Я часто уединялся там со своими мыслями, когда учился в академии.

И мы пришли к смотровой башне. Когда начали подниматься по длинной винтовой лестнице, Эсхард поддерживал меня за локоть. В конечном итоге большая горячая ладонь как будто небрежно переместилась и вкрадчиво легла мне между лопаток. Всегда считала этот жест сугубо интимным.

— Ночью отсюда открывается чудесный вид на лесное озеро, — прокомментировал Эсхард, раскрывая деревянную дверь.

На смотровой площадке в тусклом свете огней, вживленных в каменный пол, возле высоких зубцов стояла не одна парочка. Не заметить кейрима было невозможно. Я отошла к высокому парапету, пока студенты, неразборчиво прощаясь с владыкой, покидали смотровую площадку. С высоты открывался вид на необычное озеро, словно обведенное светящейся голубой линией. Темная вода то и дело вспыхивала огнями.

Наконец, движение прекратилось. Башня опустела. Эсхард бесшумно встал у меня за спиной.

— Я просто обязана спросить, — с иронией проговорила я. — Ты помнишь имена тех *«мыслей»*, с которыми здесь уединялся?

— Смутно, — хмыкнул он.

— Выходит, просто хотел проведать места былой славы? — обернувшись, подколола я.

Он смотрел сверху вниз внимательным взглядом.

— Возмести мне дары, — уронил в тишине.

— Давай внесем ясность, кейрим Нордвей, — потребовала я. — Какого рода компенсацию ты ждешь?

— Прикосновение, — с потрясающим спокойствием ответил он.

На мгновение у меня перехватило дыхание, а в голове пронеслись такие картины, которые, прямо сказать, плохо соответствовали желанию держаться подальше от этого мужчины.

— Сейчас?

— Да, — согласился Эсхард.

— Могу я просто вернуть сундук обратно во дворец?

— Конечно. — Блеснув глазами, он оперся рукой о кладку возле моей головы, склонился и прошептал на ухо: — Но прикосновение мне нравится больше.

— Пару дней назад я слышала забавную вещь от твоих стражей, — вымолвила я, стараясь не замечать побежавших по спине мурашек. Он даже не прикоснулся, а мне уже стало жарко. — Дворцовая охрана назвала меня невестой владыки. Той самой загадочной девицей, которую все с нетерпением ждут во дворце.

Я поймала его взгляд и изогнула брови, намекая, что жду объяснений.

— Неужели? — Он дернул уголок рта в усмешке и выпрямился.

— Самое время объясниться, Эсхард, — предложила я. — Ты говорил, что способен принять отказ женщины.

— Верно, но разве я говорил, что не буду пытаться тебя переубедить? — мягко спросил он.

— Через три месяца я покину Хайдес.

— У меня есть три месяца, чтобы ты передумала.

Внезапно Эсхард ласково провел по моей щеке костяшками пальцев, и от вкрадчивого прикосновения у меня перехватило дыхание. Инстинкты молчали. Владыка приучил бестиолога во мне к своему присутствию и близости.

— Теперь мы в расчете, — выдохнула я.

Он усмехнулся, пряча за ресницами вытянутые вертикальные зрачки.

— Ты ошибаешься, Виталия. Мы только начали.

***

Солнце еще не поднялось над туманным островом Вариби, когда я уселась под матерчатый навес в кузов повозки. На охоту на диких бестий, а не сбежавших из вольера, со мной снарядили всего-то трех стражей и Илайса. На удивление скромно, учитывая, что владыка воспринимал меня несмышленной девицей, способной только корчить из себя боевого мага.

Повозка тронулась, через некоторое время мы покинули территорию академии. Исчезли указатели, укатанная дорога испортилась, лес стал гуще. По земле между деревьями стелился жидкий туман. Мы постепенно приближались к озеру, которое я накануне видела с высоты смотровой башни. Смотритель бестиария утверждал, что в этих местах часто встречали двуликую нечисть.

По привычке я начала проверять по кармашкам на кожаном жилете ловчие артефакты.

— Рано, еще не приехали, — буркнул Илайс и прихлебнул из термоса травяной чай. Замечу, из моего термоса. Вытребовал и спасибо не сказал.

Вчера они с художником, передавая друг другу пресловутую фляжку, вломились на смотровую площадку и прервали на полуслове разговор. При виде владыки у Илайса сделался такой вид, будто ему захотелось фляжку проглотить. В смиренном молчании он сдал контрабанду.

Многозначительная фраза Эсхарда, что мы только начали, так и повисла в воздухе. Что именно мы начали, оставалось загадкой. Видимо, брачные драконьи танцы. Не зря матушка сунула в сундук бальное платье и маловатые туфли. Плясать, так при полном параде.

Повозка между тем петляла по лесу. Туман появлялся и исчезал. Невольно я заметила, что мы три раза проехали мимо коряжистого дерева.

— Мы заблудились? — сдержанно спросила я.

— Драконы не теряются в лесу, — высокомерно заявил Илайс.

— То есть мы катаемся кругами, чтобы я запомнила местность? — уточнила я. — Все прекрасно, друзья. Я запомнила.

Охрана странно переглянулась. Уже через десять минут мы остановились, словно парни слышали волшебное слово. Прежде чем

начать охоту, как и всегда я воткнула в землю персональный портал, похожий на четырехгранный стилет с наверху, вытащила два амулета и невольно оглядела парней. Четырех высоких, тяжелых мужчин один талисман перетащить к повозке не сможет.

— Со мной идут трое, — распорядилась я. — Один остается у повозки. Будет принимающим.

— Идем все вместе, — мрачно объявил Илайс, затягивая шнурки на высоких ботинках.

— Один порталный амулет сможет перенести только двоих. Безопасность важна!

— Да, мы здесь, чтобы обеспечить тебе безопасность, — объявил он. — В случае чего, обернемся второй ипостасью, а ты переместишься. Парни, не теряем нашего бестиолога. Помним, что ни одна шпилька...

Чувствуя, как подергивается нижнее веко, я молча развернулась и пошла через густые заросли папоротника туда, где туман казался особенно густым.

— Уходит! — гаркнул один из охранников и рванул за мной следом.

К счастью, двигались драконы бесшумно, но на этом их достоинства заканчивались. Эта была воистину самая безопасная охота на бестий в моей жизни. Я даже леса-то толком не видела за спинами могучих верзил, окруживших меня со всех сторон. Илайс плавно перемещался впереди, двое прикрывали с боков, а третий страховал спину. Они беспрестанно крутили головами, вглядывались в туман и заросли. В общем, энергично делали за меня всю работу.

Возле ручья Илайс развернулся и подал руку со словами:

— Не намочи ноги, мой драгоценный друг.

— Так. — Я уперла руки в бока и медленно перевела дыхание. — Наша чинная прогулка по лесу начинает выглядеть безнадежно нелепой!

— Хорошо, перебирайся сама, — охотно согласился он и подал короткий знак собратям, чтобы те не пытались помогать.

И я провалилась одной ногой в размытую, вязкую почву. Сапог застрял по щиколотку. Чувствуя себя глупо, я пыталась вытащить ногу и не лишиться дорогой обуви. Драконы с истинно драконьей деликатностью смотрели в разные стороны и делали вид, что

самостоятельную девицу вовсе не засосало. Она просто принимает грязевые ванны.

Освободиться удалось с помощью цветистого мата и резкого движения. Сапог выскочил с нелепым чмоканьем, словно жижа меня выплюнула, не сумев переварить плотную кожу питоновой бестии. Я не менее нелепо пошатнулась, но устояла.

На другом берегу драконы с внезапным пониманием ситуации дали мне свободу и разошлись в разные стороны. Тесное кольцо превратилось в широкий круг. Только я для эксперимента решила запустить поисковый маячок, как один из парней выкрикнул:

— Смотрите!

В большом недоумении я повернулась в указанную сторону. Папоротники за деревьями истерично шатались, словно кто-то метался по земле. Подзывать бестию, как это происходило обычно, не пришлось. Опустив голову, как бодучий бык, на поляну вырвался лысый петух. Гребень фенфира светился алым, от оперения летели искры, и было очевидно, что испуганная бестия могла легко учинить пожар.

Я выбросила заклятье. Птица не увернулась. Переполошенный фенфир словно пытался преодолеть магию, по телу пробежала голубоватая волна. Он скovyрнулся на бок. Когтистые лапы двигались по инерции, но гребень потух.

С самым довольным видом Илайс подошел к бестии, нагнулся и поднял за ноги.

— Ты поймала его! — воскликнул он. — Вернемся или продолжишь?

Чтобы нечисть появилась в нужное время и в нужном месте? Никогда с таким не сталкивалась!

— Надо проверить... — пробормотала я и двинулась в сторону зарослей, откуда выскочил петух.

Если верить манускриптам, фенфиры селились рядом с фермерскими угодьями, забирались в курятники, топтали кур. Зачастую устраивали пожары. А этот носился посреди леса, словно заблудился и бросился к нам на радостях, что его обнаружили. Сейчас накормят, обогреют и посадят в уютный загон...

Охрана по знаку Илайса осталась на поляне, а я углубилась в лес и проверила заросли. Крупный след от когтистой лапы, похожий на

кошачий, заметила случайно. Свежим отпечаток было не назвать, но пару дней назад здесь проходил кейроб! А смотритель бестиария утверждал, что крылатых бестий уже лет пять не видели.

Ощущение, что на меня летит нечисть, нахлынуло внезапно. Я резко отпрянула, не давая существу впиться в волосы, и кувыркнулась в папоротники. Секундой позже маленький пересмешник прыгнул мне на грудь, стремительно обвернул руку хвостом и, вцепившись в рубашку когтистыми лапками, спрятал морду под мышкой.

— В смысле? — сидя в зарослях, выдохнула я и за шкирку кое-как отодрала обезьянку от одежды.

Она жалко повисла, таращась разноцветными круглыми глазенками. Тряслась и все ту же обворачивала хвостом руку, давая понять, что не выпустит.

— Мелкий? — уточнила я, словно пересмешник действительно мог ответить, не пытался ли вчера на мне выехать из бестиария.

Хотя ответ был известен. Гадские драконы наловили самых безобидных бестий в вольерах и устроили фальшивую охоту! Вроде чем бы невеста владыки не тешилась, лишь бы не сбежала тишком в Родолесс. Из родного королевства ее не выколупать.

На поляну я вернулась в состоянии легкого гнева, неся пересмешника за загривок как котенка. Он не сопротивлялся, разве что хвост по-прежнему спиралью оборачивался вокруг предплечья.

— Мой драгоценный друг, да ты поймала бельведера! — воскликнул Илайс с таким видом, словно я как минимум ставила на пересмешника силки и сидела в засаде полночи. — Нечисть тебя любит! Сама в руки бежит!

— Возвращаемся в академию, — бросила я, проходя мимо. — И скажите остальным, чтобы больше не выпускали бестий. Пусть сразу возвращают в вольеры.

Обратно в академию мы ехали в гробовом молчании. Обезьянка прилипла к моему грязному сапогу, обхватила хвостом ногу и не шевелилась. К счастью, она почти ничего не весила. Лысый петух нахохлился в переноске и тоже не трепыхался. Полагаю, оба страдальца, внезапно вышвырнутые в дикую природу, боялись подать признаки жизни, чтобы жестокие драконы их в эту самую природу не вернули.

— Мой драгоценный друг... — попытался подать голос Илайс, но прикусил язык, встретив мой свирепый взгляд.

Первым делом, не переодеваясь, я отправилась в кабинет ректора, где, по словам вездесущего смотрителя, находился Эсхард. Приемная, пахнувшая чернилами и хвойным благовонием, оказалась пуста. Секретарь ректора, строгая дама в годах, при знакомстве принявшая меня за заплутавшую в коридорах студентку академии, куда-то отлучилась. Остановить вторжение на подступах к двери было некому.

Я даже нашла в себе остатки вежливости, чтобы постучать. Три раза. Очень громко. И распахнула дверь, пока вежливость окончательно не покинула чертоги разума.

Эсхард сидел за большим ректорским столом и удивленно изогнул брови, когда я переступила через порог. В измазанной форме ловца, в грязных сапогах и с не менее вымазанной бестией, прилипшей к ноге.

— Господин Нордвей, — пересекая кабинет, заговорила я, — вы сказали, что к вам можно обращаться в любое время и по любому поводу. Решила воспользоваться этим правом. Мне есть что сказать!

Он с трудом оторвал взгляд от мелкой бестии на моей ноге, перевел взгляд на стену и объявил:

— Прервемся.

Нахмурившись, я обернулась и обнаружила, что с каменной стены на нас, точно с живых картин, в большой озадаченности смотрят несколько незнакомых драконов. Один так и замер с недонесенной до рта кружкой.

— Здравствуйте, уважаемые рейнины, — сухо поздоровалась я.

Из стены донеслось сдержанное покашливание, словно эти самые господа сидели в кабинете.

Эсхард прикрыл серебряным колпаком связующий артефакт, чем-то похожий на гадальный шар. Изображения исчезли, осталась только гладкая белая поверхность. Тишина в большом кабинете воцарилась идеальная.

— Поздравляю тебя с первой пойманной в южных землях бестией, — вымолвил Эсхард, указав на пересмешника.

— Подождите поздравлять, кейрим Нордвей, — ответила я, изобразив улыбку, отчего меня знатно перекосило, а челюсть порядочно свело. — Сначала позвольте поблагодарить за дары. Теплого ветра вашим крыльям! Что там еще надо сказать?

— Теплого ветра вполне достаточно, — медленно проговорил он, с подозрением вглядываясь в мое чумазое после кувырков по папоротникам лицо. — Виталия, пожалуй, я должен задать этот вопрос, даже если тебе он покажется странным. Дары были подписаны моим именем?

— Знаете? Не проверила! — фальшиво воскликнула я и посмотрела на чучело, цепляющееся за сапог. — Полагаю, карточки с подписью потерялись, пока бестий выпускали в лесу из переносок.

Густые рыжие брови владыки поползли на лоб.

— Правильно ли я понимаю: что-то случилось утром во время охоты и теперь ты в дурном настроении?

— Вам кажется, будто я в дурном настроении? — вопросом на вопрос ответила я, хотя понимала, что откровенно пытаюсь разозлить дракона и стоит придержать коней, но эти кони меня уже несли. — Вовсе нет, кейрим Нордвей. Вы ошибаетесь. Я в ярости!

Лицо Эсхарда окаменело. Зрачки сузились и стали вертикальными.

— Не говори со мной загадками, Виталия, — изменившимся голосом холодно потребовал он. — Я не люблю отгадывать шарады. В чем причина твоей ярости?

— Хорошо, скажу без экивоков, Эсхард, — копируя ледяные интонации, проговорила я. — Для тренировки студентов мы выпускаем из бестиария нечисть и заставляем ее ловить под присмотром преподавателя. Сегодня бестий из вольеров выпустили для меня и позволили погонять по лесу под присмотром твоей охраны. Какое неуважение ко мне, как к профессионалу! Какой плевок в... Да просто плевок!

— Виталия...

— Я еще не закончила! — резким тоном перебила его. — Ты не любишь шарады, а мне нравится цирк! Предлагаю не тратить время, Эсхвард. Я просто дам список бестий, которых ты любезно и щедро передашь в Родолесс. Уверяю, многословные благодарности от ректора Залесской академии не заставят себя ждать.

— Это все? — спросил он, и в низком голосе внезапно послышался едва заметный пережат.

— Все, — неожиданно поняла я, что высказала все претензии.

Между тем пересмешник, почуяв звереющего хищника, предпринял истеричную попытку спрятать башку в сапог. Однако узкое голенище позволило засунуть только нос и вцепиться в край пятипалыми лапками.

— Я действительно попросил Илайса присмотреть за тобой, но он выполнил мою просьбу в своеобразной манере. — Внезапно Эсхард встал с кресла, и мне пришлось поднять голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Лучше бы сидел, так он меньше давил своей монументальностью. — Позвольте, госпожа бестиолог, принести мои искренние извинения.

— Другими словами, ты был не в курсе? — сухо уточнила я.

— Понятия не имел, что они решат разворовать академический бестиарий, — признался Эсхард.

— В таком случае я останусь на острове и с удовольствием поохочусь еще, — заявила я.

— Конечно, — согласил он, не давая мне причин для новой вспышки гнева.

Покладистость владыки, прямо сказать, удивляла. Возможно, он действительно понимал, как сильно меня задел.

— Самостоятельно, — выразительно добавила я.

— Но тебя будет страховать Илайс.

Нет, видимо, не понимал...

— Выберу помощника сама, — отказалась я от компании «драгоценного друга».

— А я доверяю только Илайсу, — мягко возразил владыка. — Ты не хуже меня знаешь, что даже профессиональный бестиолог может легко пострадать в погоне за бестиями. Не хочу спровоцировать дипломатический скандал.

И я не нашлась, чем ответить. Хитрый дракон ни словом не намекнул, что дело в его брачных планах, от которых, как выяснилось, он и не думал отказываться.

— Что скажете, госпожа бестиолог? — мягко спросил он.

Что ты, владыка Нордвей, меня переспорил.

— Хорошо, — сдалась я. — Пусть мои вещи переправят на остров.

— Дворцовая библиотека по-прежнему для тебя открыта, — мягко напомнил он и протянул руку.

Я пожала его большую ладонь, однако, когда попыталась освободиться, Эсхард не позволил.

— Сегодняшние бестии вернутся обратно в вольеры, — пообещал он, и улыбка показалась издевательской.

— Их перешлют в Родолесс, — парировала я. — Неважно при каких обстоятельствах, но они пойманы. Мной.

— Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя оскорбленной, — покачал он головой.

— Договор есть договор, — напомнила я об условии, что любая пойманная мной нечисть отправится в Залесскую академию, и аккуратно освободила руку из его большой горячей ладони. — У нас говорят, что погнутый медяк лучше дыры в кармане. К ректору Кровану отправятся лысый петух...

Я посмотрела на трясущегося пересмешника, забавно утыкающегося носом в голенище сапога.

— Бельведер, — не без ехидства подсказал Эсхард, словно я действительно забыла заковыристое название нечисти.

— Пересмешника оставляю себе.

Клянусь, хвостатая трусишка расслабилась и едва не стекла по сапогу на пол. Пришлось наклониться и поднять мелкого за шкурку. Он доверчиво смотрел на меня круглыми разноцветными глазенками. Уши встопорщились и внезапно засветились.

— Кто-то же здесь должен считать меня сильнейшим хищником, — пробормотала я.

[1] Принятое в Хайдесе вежливое обращение к замужней женщине

Глава 7. Отдам дракона в хорошие руки

Три дня Илайс с Яном, запертые на острове Вариби, отчаянно страдали. Настроение у обоих портилось соразмерно погоде. Дракон ненавидел вставать до рассвета и под моросящим дождем носиться по мокрым лесам. Художник мечтал рисовать портреты «прекраснейшей Данри» на фоне штормового моря, стихию и что-то там еще (не особо прислушивалась к его стенаниям), но вынужденно работал над изображениями бестий.

В академии начались занятия. Замок окончательно ожил. Коридоры и учебные классы наполнились студентами, засуетились подсобные служащие. В преподавательском зале внезапно стало тесно.

Письменный стол, разграниченный на две половины резной перегородкой, я делила с Ольгой Роговой. Пару лет назад она выпустилась из института благородных девиц и прибыла в академию Вариби преподавать родолесский язык. Сказала, что вдохновилась приездом драконов в столицу и отправила письмо ректору Эфриму, а тот возьми и пригласи ее в академию. Втайне Ольга планировала выйти замуж за дракона. Пока в свадебный список попал только Илайс.

— Письмо из дворца вайрити Егорьевой, — объявил он и небрежно шлепнул опечатанное письмо на раскрытый манускрипт. — Я теперь не только твой охранник, но и почтарь.

— А называл драгоценным другом, — с иронией отозвалась я.

— Это было до того, как ты, главная злодейка моей жизни, решила остаться на острове, — парировал он.

— Ты устроил фальшивую охоту.

— Поэтому ты заставила меня носиться по лесу на настоящей, — напомнил Илайс. — На моей хоть лысого петуха поймала.

Он был прав: за эти дни мы не нашли ровным счетом ни одной бестии. Все попрятались! Как чувствовали, что бестиолог пожаловал за ними гоняться.

Перед мысленным взором постоянно вставал след от лапы кэйроба, но крылатая кошка рядом с академией не рисковала появляться. Я хотела с утра уехать в дальние леса, куда наверняка не

добирались студенты, но сильный дождь, выбивавший чечетку по черепичным крышам, напрочь смыл все планы. В такую отвратительную погоду даже энергичный пересмешник не захотел вылезать из гнездышка в комнате пансиона.

Пока я вскрывала запечатанное сургучом с оттиском дракона послание, в преподавательском зале появилась Ольга с толстой папкой с лекциями. При виде Илайса она доброжелательно улыбнулась, поправила круглые очки на носу и проговорила на рамейне:

— Рейнин Илайс, как сегодня ваши дела?

— Переживаем непогоду, — с кривоватой усмешкой протянул он.

Ольга со мной поделилась требованиями к будущему супругу: непременно человекорожденный, с богатой сокровищницей и безусловно щедрый. Правая рука владыки южных земель, по ее мнению, обладал всеми необходимыми качествами для счастливого брака. Илайс понятия не имел, что одной ногой встал на дорожку к венчальному алтарю, и с большим удовольствием флиртовал.

Пока они обменивались соображениями о дурной погоде, я прочитала послание, написанное на идеальном родолесском знакомым резким почерком. Эсхард приглашал меня во дворец забрать письмо из дома и остаться на ужин. Только владыка южных драконов умудрялся мягко повелевать, зазывая даму на свидание.

— Если вайрити Егорьева улыбается, то пришли хорошие вести, — заключил Илайс, хотя я даже не понимала, что улыбаюсь, и нахально заглянул в письмо. — Мы отправляемся в Хайдес?

— Про тебя ничего не сказано, — заметила я.

— Но, мой драгоценный друг, ты же не оставишь здесь своего охранника? — возмутился дракон.

— То есть я больше не злодейка всей твоей жизни? — подколола его, складывая письмо.

— Как бы я хотела увидеть столицу Хайдеса, — вздохнула Ольга, усаживаясь на соседний стул, и зажгла настольную лампу. — Но занятия обязывают...

Пересмешника пришлось перепоручить Яну, работавшему в специально выделенной ректором студии. Проще говоря, художника с этюдником, набросками и карандашами усадили в комнатенке на чердаке в одной из учебных башен. Из большого окна сквозило, зато света даже в пасмурный день было достаточно.

Новость, что его оставляют на острове, Ян встретил возмущенным оханьем.

— Ты сутки отлеживаешься после перемещения, — напомнила я и поставила на стул корзину с пересмешником. — Присмотри за бельведером.

— Что мне за это будет? — оживился он.

— Привезу с собой Данри, — пообещала я.

— Правда? — Художник даже выпрямился и расправил плечи, словно перед ним уже стояла сестра посла.

— Нет, конечно. Как ты себе это представляешь? Она от одного названия острова упадет в обморок.

Разноглазая бестия высунула ушастую голову и с интересом уставилась на «гувернера». Утром Ян обнаружил пересмешника у себя на подушке. Тот всю ночь наблюдал, как будущая пища храпит. Бдел, чтобы никому не досталась. Художник решил, что от большой любви. Я не стала уточнять, что любовь чисто гастрономическая.

Через час сборов мы с Илайсом стояли в центре дворцовой порталной башни. К Эсхарду я возвращалась в странном предвкушении. Очевидно, владыка решил, что пора действовать и охмурять избранницу со всем очарованием облеченного властью дракона. И я действительно планировала его женить. Не на себе, понятно.

Встречали нас смотритель и Лавиния с Иридией. Обрадованные моим возвращением горничные принялись охать и с очаровательной непосредственностью сетовать, что я, похоже, одичала на острове, но кейрим меня все равно ждет и велел немедленно проводить к нему.

— А вам, рейнин Илайс, приказано вернуться на остров, — добавили они.

— У меня дела, — с нахальной ухмылкой объявил тот, потрянув сумкой с манускриптами. Дескать, книжечки в библиотеку надо вернуть.

— Кейрим велел передать, что у вас в Хайдесе никаких дел нет, — ответила Лавиния.

— Я присматриваю за вашей хозяйкой, — не пожелал возвращаться в изгнание дракон.

— И что во дворце хозяйку охранять не надо, — добавила Иридия и с ласковой улыбкой забрала торбу с рукописями.

Заготовленные, но предугаданные владыкой аргументы закончились. Очевидно, Эсхард знал шебутного помощника как облупленного. С пресным видом Илайс остался в порталной башне, но напоследок с чувством пожелал:

— Теплого ветра крыльям нашего всезнающего Эсхарда Нордвея.

Повернувшись к нему, Лавиния кротко сцепила руки в замок и внезапно протараторила:

— На это кейрим велел ответить, что если вы будете возмущаться, то теплый ветер не помешает вашим крыльям, потому как на остров придется добираться воздухом.

Я с трудом подавила издевательский смешок.

— Уже исчезаю, исполнительные мои девицы, — буркнул он с недовольной миной и помахал мне рукой, дескать, бросай драгоценного друга, не стесняйся, злодейка всей моей жизни. — Увидимся на Вариби.

За эти дни, что я провела во дворце, успела побывать в башне владыки, оказалась в преступной близости к его спальне, а до кабинета ни разу не добралась. В пустом коридоре возле двустворчатых дежурили двое стражей. Один из них без стука открыл створку и пропустил меня в комнату, по размерам не больше ректорского кабинета в Залесской академии, что, признаться, удивило.

В хрупкой тишине звучали мужские голоса, но Эсхарда я на месте не застала. Рабочий стол, добротный и большой, с таким же добротным широким креслом пустовали. На узких стеллажах лежали свитки, шкатулки и манускрипты. В углу на подставке в чаше мерцали ароматические магические кристаллы.

Сквозь окна лился солнечный свет. В косых лучах, рисующих на полу теневые квадраты, плавали пылинки. На противоположной стене был выложен круглый витраж со сложным орнаментом, такой называли «драконьей розой».[1] Оказалось, что сквозь это цветное окно внизу виден просторный зал для встреч с огромной мозаичной картой драконьих земель на мраморном полу.

Во главе длинного стола в деревянном кресле с замысловатой резьбой, отчасти напоминающем трон, сидел Эсхард. С двух сторон на стульях с высокими спинками, по виду ужасно неудобными, разместились те самые уважаемые драконы, разговор с которыми в прошлый раз я прервала гневным вторжением.

Владыка внимательно слушал, что обсуждают визитеры. Упершись локтем в широкий подлокотник, он потирал губу, серьезный и сосредоточенный. Отчего-то за эти дни я внезапно подзабыла, какое ошеломительное впечатление производил со стороны этот мужчина.

К нему неслышно приблизился охранник, что-то шепнул на ухо. Эсхард поднял голову и устремил взгляд прямоком на витраж. Сама от себя не ожидая, я отступила на шаг.

— Прервемся, — перебив на полуслове одного из визитеров, произнес он и гибко поднялся.

Когда он вышел, в зале воцарилась гробовая тишина.

— Он когда-то прерывался? — внезапно нарушил молчание один из драконов.

— Сегодня во второй раз, — ответил другой.

— Может, северяне на Авион налетели? — предположил третий.

— Скорее всего, в горах сошла сель, — покачал головой первый.

— А в первый что случилось? — поинтересовался советник, которого мне еще не доводилось видеть.

Возникла странная пауза. Мужчины примолкли и переглянулись.

— Родолесская посланница пришла скандалить, — наконец ответили ему.

И все дружно повернулись к витражу, заставив меня отойти подальше, хотя вряд ли за цветными стеклами можно было различить чью-то тень.

На этой пронзительной ноте дверь распахнулась, и вошел Эсхард. Он словно поглотил собой пространство, и разговор внизу превратился в белый шум. Несколько секунд мы просто стояли и рассматривали друг друга, словно не виделись долгое время.

— Виталия, — наконец произнес он с мягкой улыбкой.

— Кейрим Нордвей, — кивнула я и в строгом соответствии с драконьими традициями произнесла: — Приветствую владыку в его доме.

— Добро пожаловать, — подыграл он.

— Надо про теплый ветер говорить? — быстро спросила я.

— Нет, — покачал он головой. — Не принято.

Мы переглянулись, оба с трудом сдерживая улыбки. Эсхард вытащил из ящика стола несколько писем, запечатанных сургучом, и передал мне. Я быстро просмотрела корреспонденцию.

Из дома от матушки прилетело целых три послания, и это вызывало тревогу. Одно письмо пришло от ректора Крована. Два дня назад в Залесский бестиарий отправился лысый петух. Было у меня подозрение, что руководство не испытывало восторга ни от меня, ни от фенфира.

— Как твоя погоня за бестиями? — спросил владыка, пока я быстро просматривала конверты.

— Ты прекрасно знаешь, что еще ни одной не догнала, — скривилась я. — Ты тайно над островом не пролетал?

— Нет, — хмыкнул он. — А должен был?

— Да вся нечисть разбежалась, — пошутила я, уверенная, что мелких бестий испугал выбравшийся из глубины острова кейроб.

Мы попрощались до вечера. Дел было много: прочитать и ответить на письма, подобрать новые манускрипты о бестиях и будущую супругу для владыки. Осталось выяснить, где она прячется. В смысле, я понятия не имела, в каких покоях живет Данри Элори. Красивая, воспитанная в драконьих традициях и юная невеста владыки. Наверняка у нее нет ни одного шрама...

В дворцовой библиотеке не было ни пылинки, но все вещи: книги, папки, забытый жестяной пенал с именной перьевой ручкой лежали ровно так, как их оставили. Складывалось впечатление, будто никуда и не уезжала.

Усевшись за стол, острым ножом для резки бумаги я вскрыла письмо от ректора, но до второй страницы не дочитала. Общий смысл стал ясен с первых строк: Крован рад необычной бестии из Хайдеса и впечатлен подробными материалами о ней, но Залесский бестиарий не ожидал, что придется строить курятник.

Письмо от матушки, вопреки ожиданиям, что она будет скандалить за возвращенные соленья, началось со слов: *«Андрон вернулся!»*.

— С ума сойти! — восхитилась я, но чем дальше читала, тем выше поднимались брови ко лбу и круглее становились глаза.

Отряд Андрона снова приехал в соседнюю с поместьем деревню. По старой памяти любитель попортить невинных девиц решил пройти по местам былой славы. В этих местах, в смысле, в нашей гостиной он выяснил, что скоро станет счастливым отцом и возлюбленным мужем.

И попытался незаметно смыться. Дерзкий побег остановила Лиза в тесном холле точным ударом вазой с цветами по кудрявой голове.

Вторые сутки Андрон отлеживался, привязанный к изголовью кровати в моей спальне, но выглядел не очень: зеленый и на макушке шишка. Священнослужитель отказался проводить брачный обряд, пока жених окончательно не придет в сознание и не подтвердит, что женится по доброй воле и без принуждения. Вербки и крепкие узлы, на которые Бартов всегда был мастак, святому отцу, видимо, ни на что не намекнули.

Второе письмо, похоже, было написано на следующие сутки. В поместье явились стражи и разыскивали Андрона. Все обошлось бы, но тот внезапно очухался и страшным голосом, словно помирал, позвал на помощь... Бартов взял на себя вину за похищение боевого мага. Матушка спрашивала, есть ли у меня знакомый законник, способный вытащить старика из застенка.

Прежде чем вскрыть последний конверт, я потеряла затылок, а то волосы как-то странно шевелились.

Мама самым торжествующим тоном писала, что недоразумение разрешилось без законника. Бартова выпустили. Андрон вернулся с брачным браслетом, тем же днем повенчался с Лизой в нашей гостиной. Медовый месяц молодожены решили провести в поместье. Шишка у новоиспеченного зятя заживает, но он зачем-то все время вжимает шею в плечи, когда слышит за спиной шаги. Какая глупость! В доме та расколота ваза была последней.

«Теперь твоя очередь, дорогая моя дочь, стать приличной женщиной!» — весьма категорично заключила мама.

Я поняла, что после ошеломительных новостей остро нуждаюсь в вышивании пары-тройки шмелей. Возможно, под содержимое золотой фляжки Илайса. Но сестру с замужеством поздравила, пожелала счастья и искренне посоветовала не отпускать Андрона в долгие поездки. Иначе есть риск, что он забудет вернуться.

От письма к родным меня отвлек стук женских каблучков по мраморному полу. В библиотеку летящей походкой ворвалась Данри, одетая женственно и непринужденно. Явно по лесам последние три дня не бегала.

— Госпожа Егорьева, горничные сказали, что вы библиотеке! — заявила она, стремительно приблизившись к столу. — А нам как раз

надо переговорить с глазу на глаз. Здесь ведь никого нет?

Она вытянула шею, стараясь посмотреть, не дремлет ли кто-нибудь на диванчике. Я откинулась на спинку кресла и улыбнулась:

— Искренне рада видеть вас, Данри.

Та слегка попятилась. Может, углядела хищный блеск в глазах.

— Хотели справиться о брате? — настороженно уточнила она.

— О чьем? — не поняла я.

— О моем брате Ярране, — подсказала Данри. — Спешу сказать, что во дворец ему вернуться не позволили. Но искала я вас не за этим, так что перейдем к главному! Ваш художник хотел написать мой портрет. Я согласна. Открытки с его рисунками оказались очень милыми. Он справится.

Полагаю, от такой новости Январин помрет от счастья, и до портрета прекраснейшей Данри Элори не доскребется.

— Хотите узнать, когда Ян будет свободен? — спросила я.

— Не в этом дело. — Она передернула плечами. — Ярран категорически против, чтобы я позировала вашему художнику. Он считает, что мужчина из Родолесса окажет на меня плохое влияние... Но если кейрим Эсхард разрешит нарисовать портрет, то брату придется подчиниться. Скажите кейриму, что вы настаиваете.

— Я настаиваю, чтобы Ян работал над альбомом с бестиями, — развеселилась я. — Чем он занимается в свободное время — не мое дело.

— А у него есть свободное время?

— Нет.

— Дайте ему выходные.

— Я подумаю над вашей *вежливой* просьбой, — с иронией ответила я. — Но с кейримом вам следует поговорить лично и попросить об услуге.

— Но он всегда жутко занят!

— Уверена, сегодня вечером у него найдется пара минут. Эсхард пригласил меня на ужин, идемте вместе. Он вас выслушает.

Данри засомневалась, что владыка согласится, словно ему кто-то оставит выбор. Вечером я планировала примерить на себя роль свахи и собиралась справиться с блеском.

На ужин пришлось надеть чужое синее платье, сиротливо висевшее в пустой комнате для переодеваний. Другой одежды, кроме

розового бального платья, во дворце не осталось. Все вещи, как я потребовала, отправили на Вариби. Ничего, правда, толком разобрать не успела. Дорожные сундуки по-прежнему стояли по стеночке в комнате. Один фактически превратился в столик, на нем уютно поселились ночная лампа и книги. Лампу, к слову, по ошибке прислали из дворца, а я сделала вид, что одолжила попользоваться.

— Иридия, передай вайрити Элори, что я буду ждать ее у фонтана, — попросила я, пока Лавиния заканчивала закалывать мне какой-то хитрый пучок.

Горничная отправилась исполнять поручение, но только вышла из покоев, как заскочила обратно и прикрыла дверь.

— Вайрити уже здесь! — громким шепотом заявила она. — Ходит туда-сюда...

В большом недоумении я выглянула в коридор. Данри действительно наворачивала круги возле гостевых покоев, а у светящейся стеночки с похоронным видом стояли три горничные с ларцами в руках.

— Госпожа Егорьева, я готова! — бросилась она ко мне. — И взяла дары!

— Мне? — искренне изумилась я, но, может, у драконов принято одаривать по полной за услугу.

— Кейриму, — даже оскорбилась Данри. — Не могу же я прийти с пустыми руками. Уже готовы? Вы не можете опоздать!

— Сейчас, — бросив взгляд на ее неподвижных служанок, вздохнула я и помахала у себя над головой. — Шпильки получше закрепим.

— Не переживайте, вы выглядите хорошо! Лучше, чем днем, — искренне уверила она меня. — Такой... посвежевшей.

У меня вырвался ошарашенный смешок.

— Знаете, Данри? — Я покачала головой. — Уверена, вы найдете общий язык с моим художником. Он тоже мастерски делает комплименты.

— Спасибо. Вы душка, — улыбнулась она, продемонстрировав очаровательные ямочки на щеках.

Полагаю, в моем случае «душка» все-таки было производным от «душной». С другой стороны, никто в здравом уме душевным человеком меня не назовет, и в покои я ее приглашать не стала.

К просторной гостиной, выходящей на тот самый очаровательный балкон, где проходил прощальный завтрак с моими земляками и коллегами, мы шли торжественным шествием. Лавиния и Иридия отказались пропустить парад и семенили следом за служанками с дарами. Однако в комнату к кейриму не зашли. Остались за порогом и наверняка спрятались за колонной, чтобы честь по чести подглядеть.

Гостиная утопала в полумраке, через раскрытые балконные двери струилась прохлада, легкий сквозняк надувал полупрозрачные занавески. Никаких сомнений, что ужин был романтический и не предполагал лишних участников. На это откровенно указывал накрытый на двоих стол с горящими свечами в серебряных подсвечниках.

Открытие, что дама явилась на свидание в компании, владыка встретил стоически, но без энтузиазма. Одна бровь у него вопросительно изогнулась.

— Владыка, вы ведь не будете против, если с нами поужинает Данри? — с самым невозмутимым видом уточнила я, хотя по Эсхарду было видно, что он не только против, но еще и обалдел.

— Я рад вас обеих видеть, девушки, — медленно протянул он, смиряясь с компанией.

— По-моему, не очень искренне, — усмехнулась я.

— Вы уловили суть, — с иронией отозвался Эсхард и кивнул кому-то за моей спиной. Видимо, отдал приказ слугам.

— Мой кейрим, я благодарна за неожиданное приглашение, — самым официальным тоном вступила в разговор Данри.

— Для меня оно тоже было неожиданным. — Он бросил на меня насмешливый взгляд.

— Я пришла не с пустыми руками, а с дарами, — с достоинством, вызывающим восхищение, объявила она. — Сегодня эти дары доставили с острова семьи Элори. Мой брат подбирал их лично. Цветочное вино десятилетней выдержки, такого в столице Хайдеса не найдете.

Служанка подняла крышку и продемонстрировала стеклянную бутылку, лежащую на мягкой бархатной перине. Невольно я покосилась на стол, на который расторопные слуги пристраивали третий комплект тарелок. В самом центре между свечей стояла точно такая же уникальная бутылка.

— Драконий фрукт из нашей теплицы, — продолжила Данри.

Горничная раскрыла ларец с пятком завернутых в хрусткую бумагу неказистых по виду фруктов. Точно такие же, но разрезанные пополам, лежали во фруктовой вазе на столе и глянцево поблескивали влажной бархатистой мякотью с черными точками-семенами.

— И третий дар! — торжественно объявила Данри.

В шкатулке лежала белый носовой платок с искусно вышитыми традиционными узорами и инициалами Эсхарда.

— Вышивку я сделала сама, мой кейрим. Конечно, она далека от идеальной, но сложно вышивать золотой нитью по тонкому шелку, — скромно призналась девушка.

Мне бы вышивать таких неидеальных шмелей, весь матушкин дом превратила бы улей. Понятно, что вышивание я впервые взяла в руки только летом и, тыча иглой в ткань, по большей части успокаивала нервную систему, но сколько мотков ниток испортила своими неповторимыми полосатыми пятнами. Честное слово, неповторимыми! Две одинаковые кляксы не наковыряешь. Особенно золотой нитью да по шелку.

Эсхард с доброй улыбкой поблагодарил девушку. Горничные тихо исчезли вместе со шкатулками. Мы расселись за столом. Я выбрала стратегически удобное место напротив владыки, как на важных переговорах. Принесли первое блюдо. Эсхард поднял бутылку и налил густое темное вино сначала мне, потом хотел наполнить бокал Данри, но та отказалась:

— Нет-нет. Сегодня еще планирую сесть за работу.

— Над чем вы работаете? — состроила я заинтересованный вид, бросив быстрый взгляд на владыку.

Эсхард плеснул себе вина только для вида.

— Буду вышивать, — пояснила она. — Хочу создать для моего кейрима цветочную поляну. А вы умеете вышивать, госпожа Егорьева?

— Госпожа Егорьева умеет ловить бестий, — усмехнулся Эсхард.

— Отчего же? — даже обиделась я. — Вышиваю шмелей. Очень медитативное занятие. Хорошо успокаивает нервы. Если, конечно, шмели удаются.

— Удаются? — немедленно вернул он вопрос.

— Не особо.

— А как же вы проводите свободное время? — удивилась Данри.

Не понимаю, почему мы говорим обо мне, а не о невесте. Кто из нас двоих сваха?

— В свободное время я работаю, — призналась я.

— И все? — удивилась она.

— Еще сплю. Жаль, что мало... — вздохнула я. — Как вам, кстати, книга, которую посоветовал Эсхард?

Данри замялась, покосилась на владыку и объявила:

— Прочитала. Пока десять страниц, но уже сделала выводы!

— Какие же? — уточнил Эсхард.

— Мне очень нравится эта книга.

— Чудесно, — с трудом сдержав смешок, похвалила я.

— И астрология тоже нравится.

— Астрономия... — тихо поправила я, но немедленно подбодрила, заметив, как она покраснела: — В любом случае, и то и другое о планетах.

Надо бы запомнить, что чтение — слабая сторона нашей невесты. С рукоделием у нее явно складывается лучше. Если что, всегда с любовью заштопает мужу носок. Вышивальным крестиком. Не представляю, конечно, такой ситуации, но вдруг случится.

— Данри, что ты хотела у меня попросить? — ни с того ни с сего прямолинейно спросил Эсхард. — Вряд ли ты пришла с моей гостьей и принесла дары, чтобы поговорить о вышивании. Если ты хочешь, чтобы я позволил твоему брату вернуться во дворец, то он останется на острове Элори. Слуги до сих пор обсуждают его полет.

— Данри хочет, чтобы вы позволили моему художнику написать ее портрет, — пояснила я Эсхарду. — Я не против и дам Яну пару выходных.

— Добрачный портрет! — вставила она. — Это традиция. Пока знаменитый родолесский художник в Хайдесе! Но Ярран против.

— Поэтому мы ужинаем вдвоем? — хмыкнул Эсхард.

— Мы ужинаем вдвоем, потому что вы не предупредили, что вечер не рассчитан на теплую компанию, — не моргнув глазом, соврала я.

— Он был рассчитан, Виталия, — многозначительно вымолвил владыка.

От того, как он произнес мое имя низким, мягким голосом, по спине пробежали мурашки. Мысленно я себя одернула и остаток

ужина всеми силами старалась нахваливать будущую госпожу Нордвей. Настоящая сваха!

— Спасибо за вечер, владыка... — принялась собираться я.

Пусть пообщаются наедине. Может, Эсхард разглядит в юной красавице подходящую супругу.

— Останься, — коротко бросил он в своей обычной манере и выразительно посмотрел на Данри.

Без лишних намеков та начала прощаться. Пока она в драконьих традициях многословно желала кейриму теплого ветра, я вышла на балкон. Воздух был прохладен. Горы утопали в чернильной темноте. Чаши со световыми камнями и гирлянды из мелких огней, опутывающие растения в кадках, излучали ненавязчивый свет. Ничто не мешало любоваться бесконечным небом и почти полной ночной звездой, такой крупной и близкой, что при желании можно было разглядеть покрывающие ее узоры.

Царила тишина, и впервые я сумела различить шаги Эсхарда. Прежде казалось, что он движется совершенно бесшумно. В одной руке он нес два пустых бокала, в другой — бутылку вина. С полуулыбкой протянул один бокал мне.

— Достаточно вина, мне возвращаться на остров, — напомнила я. — Хмель и порталные переходы — сочетание отвратительное.

— Вернешься завтра утром, — произнес он.

— Почему твои предложения всегда звучат приказами? — усмехнулась я.

— Видимо, потому что я не предлагаю, — хмыкнул Эсхард.

Бокал я все-таки приняла и позволила его наполнить. Владыка в этот раз налил себе не стесняясь. Мы чокнулись, хрусталь тонко звякнул.

— Я понимаю, что ты пытаешься сделать, Виталия, — проговорил он. — Сваха из тебя посредственная.

— Давай говорить откровенно, Эсхард, как взрослые люди, — предложила я. — Почему ты не хочешь выбрать в невесты подходящую девушку?

— Данри Элори? — с полуулыбкой уточнил он.

— Она юна, привлекательна и прекрасно воспитана. Вышивать умеет.

— Ты повторяла это весь ужин, — хмыкнул Эсхард и сделай глоток.

Красноречие меня окончательно покинуло, да и нахваливать Данри расхотелось. Не стоя на балконе под удивительным звездным небом. Не тогда, когда этот мужчина, которого я пыталась сватать, находился на расстоянии вытянутой руки.

— Я видел Данри еще в колыбели, — заметил он.

— Она для тебя как сестра?

— Нет. — Эсхард покачал головой. — Она меня не возбуждает.

Я подавилась вином и, прикрыв губы тыльной стороной ладони, отставила бокал на широкие перила.

— Что такое, Виталия? — Он развеселился. — Ты просила быть откровенным.

— Не настолько, — помахала я рукой.

— Мы ведь взрослые люди, — вернул он мои же слова. — Но ты можешь меня еще кому-нибудь сосватать. Это даже занимательно.

— Заметь: ты сам согласился. — Я улыбнулась. — Какие женщины вам нравятся, владыка Нордвей?

— Мне нравишься ты.

Повисла долгая пауза. Я пыталась отыскать в себе остатки здравого смысла и напоминала, что владыка хитрее любого из известных мне драконов. Он умеет подбирать слова и момент, когда их стоит произнести.

— Это не причина, чтобы жениться, Эсхард, — парировала я. — Мы оба знаем, что я не подхожу тебе в жены. Тогда почему ты настаиваешь?

— А давай откровенность за откровенность, Виталия? — предложил он. — Сначала хочу услышать твое признание.

— Ты торгуешься, — заметила я.

— И не скрываю этого, — не сводя с меня смеющегося взгляда, согласился Эсхард.

— У меня были мужчины, — без капли смущения призналась я, с интересом наблюдая за его реакцией на скандальное заявление, но на губах владыки неожиданно расцвела ленивая понимающая улыбка. — И у меня есть подозрение, что ты уже знаешь их имена.

Он отсалютовал бокалом и протянул:

— Поэтому тебе стоит рассказать что-то по-настоящему стоящее.

— О шрамах на спине ты в курсе, так понимаю?

Его взгляд скользнул по моей шее и остановился на правом плече. Три шрама от когтей бестии, надежно спрятанные под синим шелком, прочертились как раз от этого плеча по лопатке. Внезапно в голову пришла мысль, что у женщин во дворце наряды часто открывали спину. Мне принесли до странности удачное чужое платье, ловко скрывающее отметины.

— Слышал, это была яростная битва, — низким голосом проговорил Эсхард. — Ты носишь их с гордостью, Виталия?

— Естественно, мне ведь удалось выжить, — согласилась я. — Выходит, и этого признания тебе недостаточно. Вижу, ты знаешь обо мне почти все, Эсхард.

— В таком случае ко второму свиданию тебе придется вспомнить что-то совсем особенное, — предложил он.

— А это уже шантаж, — фыркнула я.

— Не шантаж, — мягко поправил он. — Вызываю любопытство и подогреваю интерес. Получается?

Да!

— Не особенно, — соврала я. — Пожалуй, теперь мне действительно пора, Эсхард. Спасибо за чудесный вечер.

Он не стал меня удерживать, но стоило переступить порог балкона, как окликнул:

— Виталия!

— Передумал и решил признаться, чем тебя зацепила неподходящая женщина? — немедленно предположила я.

— Буду ждать нашего второго свидания. Я хочу узнать еще какой-нибудь твой секрет.

Мне оставалось только улыбнуться. Хитрый, как сто драконов, владыка!

***

На Вариби я вернулась ранним утром без помпы, тихо и незаметно. Никто, кроме зевающего порталыщика, меня не встречал и торжественных речей не произносил. Более того, потребовали в темпе родолесского вальса освободить зал прибытия для следующих путешественников, дожидавшихся очереди на переход в каком-то, очевидно, дальнем уголке южных земель. Их появление отсрочили из-за перемещения из дворца владыки.

Атаковавший нас дождь, судя по высохшим плиткам внутреннего двора, прекратился еще до наступления ночи, но оставил после себя холодный ветер. В соленом воздухе ощущался густой запах влажной листвы и близкого моря. Из открытой замковой галереи было видно, как по каменной лестнице на полигон понуро стекал чахлый ручеек студентов в черной спортивной форме. Академия постепенно просыпалась и начинала новый день.

В гостевом пансионе жизнь еще не пробудилась. Стояла тишина, и даже смотровое окошко в камерке зрителя, мимо которого приходилось каждый раз проходить, было плохо закрыто. Я поднялась к себе и обнаружила, что дверь не заперта. Она отворилась от легкого толчка.

Возникший сквозняк парусом надул занавески на приоткрытом окне. Пол оказался затоптан грязными следами. Покрытые глиной ботинки скромно, один к одному, стояли возле кровати. На постели внезапно крепко спал полностью одетый Янгель.

— Доброе утро! — самым недовольным тоном поздоровалась я, уперев руки в бока.

Художник всхрапнул, почесал ладонью нос, что-то забормотал и затих. Без особого сочувствия я ткнула его пальцем в плечо и послала магический разряд. Мгновение спустя взлохмаченный Ян оголтело соскочил с кровати и вытаращился на меня, зачем-то прикрыв прекрасно спрятанное плотными штанами причинное место.

— И снова доброе утро, — с многозначительной улыбкой поприветствовала я.

Художник икнул.

— Ты ударила меня магией? — уточнил он.

— Я не настолько жестока, чтобы будить человека с помощью магии, — ответила я и добавила: — Но не сегодняшним утром.

— А если бы меня парализовало? — возмутился художник.

— Если бы тебя парализовало, ты бы остался лежать в кровати, но бодрящий разряд энергетического заклятья еще никому не повредил, — заявила я. — Должна ли я спросить, почему ты спишь у меня или расскажешь сам без наводящих вопросов?

— Уступил свою комнату дракону, — промычал Ян.

— Какому из них?

— Помощнику владыки. До середины ночи нянчились с твоей бестией! — принялся браниться Ян. — Вдвоем не могли справиться! В следующий раз сдавай свою агрессивную пигалицу в бестиарий!

— Ох...

Художник плюхнулся на кровать и начал хмуро обуваться, бормоча под нос, что при рождении мне забыли отсыпать чуткости к людям.

— Но ведь вы были трезвы, когда с ним нянчились? — уточнила я, наблюдая, как Ян путается в шнурках. Тот молча одарил меня лютым взглядом. Руки у него действительно покрывали глубокие царапины от когтей. — Кстати, и где пересмешник?

— В соседней комнате, — буркнул Ян поднимаясь.

В противовес его словам окно раскрылось пошире. Сбив с подоконника стопку книг, в комнату заскочила мелкая хвостатая бестия. В мгновение ока пересмешник припал к моей ноге, крепко обвернул лодыжку длинным хвостом и принялся тереться о штанину башкой. Уши умилительно засветились. Никак от большой радости.

— Наверное, голос твой услышал и прискакал, — недовольно буркнул Ян, поднимаясь с кровати.

— Прискакал! — скопировал его пересмешник, потешно повторив интонацию.

Художник вышел, сердито хлопнув дверью. У меня не повернулся язык упрекнуть его за устроенный в комнате бардак.

Через некоторое время в коридоре завопили. Внезапно раздалась ругань на рамеине, больше всего похожая на непрерывное рычание. От сильного удара дверь открылась и в комнату спиной ввалился Илайс.

На вытянутой руке он держал за шкурку... яростно барахтающегося пересмешника.

— Сделай с ним что-нибудь! — рывкнул дракон, повернувшись в мою сторону.

Без лишних обсуждений я отправила парализующее заклятье. Дикий бельведер мгновенно обмяк. Дракону повезло не оказаться в положении мужика, указывающего окостеневшей рукой сугубо вперед, но пальцы насмерть скрючило на загровке обездвиженной бестии.

В дверном проеме маячил Янгель. Мой мелкий питомец прятался под кроватью, прикрыв голову лапами. И тишина стояла такая, что

было слышно, как из крана в раковину за ширмой капала вода.

— У меня только один вопрос: почему их двое? — сдерживаясь из последних сил, спросила я, но сорвалась и рявкнула: — Откуда у вас вторая бестия?!

— Вообще-то, это два вопроса, — подал голос художник, но немедленно прикусил язык, видимо, понимая, что сейчас не время перетягивать одеяло на себя и заниматься арифметикой.

— Вчера мой драгоценный друг, — протяжно проговорил Илайс и указал заснувшей бестией в сторону художника, — пришел ко мне со страшной вестью. Твой питомец сбежал! Мы долго искали, но он вернулся и привел домой подружку. Мужик наслаждается жизнью!

— Он вернулся с утра, — сухо заметила я. — А ты держишь в руке самца.

— Приятеля! — попытался Ян поддержать нелепую ложь.

— Вы что же, выкрали из бестиария академии другого пересмешника? — догадалась я.

— Почему же выкрали? — как будто оскорбился Илайс. — Под чутким руководством зрителя тихо забрали в обмен на услугу. Он попросил составить ему добрую компанию вечером...

— И вдобавок надрались со зрителем! — с возмущением перебила я. — Вы надо мной издеваетесь? Стоило оставить вас на ночь одних, как вы стащили бестию и устроили пьянку! Немедленно! Сейчас же! Верните пересмешника в бестиарий! Это как минимум выставляет меня в дурном свете.

— Сделаем вид, что ты его тоже поймала в диких лесах острова Вариби, — дружелюбно предложил Илайс и посмотрел бельведера в своей руке. — Отправится в Родолесс радовать студентов. Симпатичный парень.

Стало очевидным, что бестию до вольера они не донесут.

— Сама схожу, — заключила я.

Илайсу пришлось засунуть руку в переноску, чтобы снять чары. Быстрым движением я захлопнула крышку, оставив взбешенного бельведера в клетке, и в настроении кого-нибудь еще посадить в переноску, желательно двоих закадычных приятелей, отправилась в бестиарий. Зрителя нашла в хозяйственном домике. В страшном похмелье он был не в состоянии убрать с шеи черные чешуйки и вернуть глазам человеческий вид. Я молча протянула переноску с

притихшим пересмешиком. Он без слов ее принял. Мы попрощались короткими кивками.

В общем, утро еще не добралось до завтрака, а я уже себя чувствовала так, словно протанцевала по лесу полдня.

— Виталия! — окликнули меня во внутреннем дворе.

Я оглянулась. С дружелюбной улыбкой ко мне направлялась Ольга в тонком клетчатом пальто и в шляпке.

— Уже вернулась? — Она подхватила меня под руку. — А я прогуливалась до завтрака. Утро замечательное! И сегодня у меня нет занятий, но привыкла вставать рано.

— Отменили? — удивилась я.

— Сегодня суббота, — рассмеялась она. — У младших курсов выходной. Как твоя поездка?

— Приятнее, чем получилось возвращение, — уклончиво отозвалась я.

— О мой бог! — внезапно невпопад проговорила она. — Какой фактурный мужчина! Откуда он попал в наши лесные дебри?

С большим недоумением я подняла голову. По открытой верхней галерее, соединяющей порталную башню с учебным корпусом, не глядя по сторонам, шел Эсхард. Рядом с ним шагал нахмуренный ректор, а следом семенила Данри с выводком замковых служанок.

— Из дворца, — со смешком пояснила я. — Ты видишь владыку южных земель, Ольга.

— Эсхард Нордвей? — изумилась она и взволнованно поправила очки. — Тот самый?

— Собственной персоной, — согласилась я.

— Похоже, привез в академию сестру, — предположила она.

— Данри Элори — сестра его приближенного, — пояснила я, увлекая ее в сторону столовой. — Она приехала в академию не учиться, а за портретом. Хочет, чтобы мой художник написал.

— Добрачный портрет? — восхитилась Ольга.

— Верно, — протянула я. — Ты, смотри, в курсе местных традиций.

— Выходит, владыка привез к вашему художнику свою невесту? — опечалилась она и, грустно вздохнув, поправила на носу очки. — Конечно, такой мужчина женится исключительно на женщине своего полета.

— Говорят, что место невесты Эсхарда Нордвее все еще вакантно, — заметила я. — Кстати, он присматривал супругу именно в Родолессе...

В преподавательской столовой, где только-только начался завтрак, стало ясно, что появление владыки привело академию в лихорадочное возбуждение. Тетушка-подавальщица, с первого знакомства посчитавшая меня слишком тщедушной для ловли бестий и по этому поводу неизменно приносившая двойные порции, расставила перед нами с Ольгой тарелки с едой и заодно поделилась размышлениями. Народ посчитал, что у ректора Эфрима большие неприятности, раз кейрим зачастил на Вариби.

— Говорят, что сместят, — заключила она.

— Скажу вам по секрету, — прошептала я, подавшись к ней. — Вряд ли.

Не успела она отойти, как в обеденный зал не вошел, а буквально влетел Ян. Казалось, что за ним снова гнался злобный пересмешник. Он плюхнулся за стол, на одном дыхании поздоровался с Ольгой и заявил, что прекраснейшая Данри прибыла на остров вместе с властителем.

— Ты уже в курсе, — разочарованно протянул он.

Пришлось признаться, что Элори-младшая пожелала портрет и, похоже, не захотела дожидаться, пока Ян появится во дворце.

— Почему ты мне сразу не рассказала удивительную новость? — возмущенно воскликнул он.

— Переваривала ваше приключение, — намекнула я на утренний бардак.

Внезапно Ольга толкнула меня локтем и кивнула в сторону дверей. В столовую входил кейрим. За правым плечом, как и обычно, с небрежно-высокомерным видом следовал Илайс.

При появлении владыки на обеденный зал опустилась изумленная тишина, а потом поднялся шум. Народ, стуча стульями по дубовому полу, начал подниматься со своих мест. Мы тоже встали, как студенты перед началом лекции.

— Продолжайте трапезу, — подняв руки в успокоительном жесте, призвал Эсхард. — Не обращайтесь на меня внимания.

Когда он направился к нашему столу, Ольга вытащила из кармана баночку с нюхательной солью. Видимо, побоялась, что упадет в

обморок, но сознание у землячки оказалось невероятно крепко. Она не пропустила неловкий момент знакомства и в полной мере ощутила на себе обаяние владыки южных драконов.

Узнав, что преподавательница прибыла прямиком из Родолесса, он бросил на меня насмешливый взгляд, словно спрашивал, не очередную ли кандидатку в жены представляет ему госпожа сваха. Вообще, госпожа сваха не планировала заниматься сватовством, но вспомнила, что за спрос денег не берут... Хотя мы же говорим о драконах! Вполне вероятно, заплатить придется потом.

Столовая усиленно делала вид, что владыки в обеденном зале нет. Получалось, прямо сказать, не очень. Подавальщица, ставя перед Эсхардом глубокую тарелку с острым супом, проворковала:

— Что-то вы к нам зачастили, кейрим.

— Воздух у вас свежий, — отшутился он. — И суп вкусный.

Думала, не притронется к пище простых драконов, но Эсхард взял ложку и снял пробу.

— Господин Лунецкий... — обратился он к Яну.

— Да! Я напишу портрет Данри! — выпалил тот, оглядел нас и смущенно пробормотал: — Простите, владыка... Вы продолжайте.

— Госпожа Егорьева дает вам два свободных дня, — пропустил тот вопрос, в котором уточняет, сколько свободных дней я готова дать художнику. — Виталия будет занята.

— Чем же? — искренне заинтересовалась я.

— Налаживанием дипломатических связей.

— Неужели? Каким образом? — хмыкнула я.

— Сегодня я попросил организовать поездку по острову, — заявил Эсхард и повернулся к Ольге, украдкой его разглядывающей: — Госпожа Рогова, составите нам компанию?

— Ох, это будет неловко! — пробормотала она.

— Виталия в любом случае вас пригласит, — спокойно предположил он. — Я заметил, что ей нравятся большие компании.

— Надеюсь, вы хорошо проведете время, — улыбнулась я. — В мои планы не входила прогулка. Завтра я хочу отправиться в леса.

Со стороны Илайса донесся странный звук, словно он подавился острым супом, отлично помогающим при похмелье.

— Не отказывайте мне, госпожа Егорьева, — вкрадчиво предостерег Эсхард.

— Раз вы просите, — протянула я, хотя, как и всегда, он не просил, а *повелевал*.

Илайс подавился второй раз. Подозреваю, просто смеялся в суп.

Через час, когда мы с Ольгой спустились по длинной каменной лестнице к повозке, он больше не смеялся и с трудом скрывал уныние. В поездке владыка решил до конца придерживаться принципа многолюдности, и любимого помощника прихватил с собой. Данри с художником, правда, не осчастливил и позволил заниматься портретом.

Провожал нас лично ректор Эфрим. Судя по тому, с каким энтузиазмом он желал доброй дороги и хорошей прогулки, втайне надеялся, что обратно мы не вернемся. В смысле, не в полном составе. Преподаватель-то родолесского ему был по-прежнему нужен, а владыка с приближенным пусть воспарят на своих двоих и отправятся напрямик во дворец заниматься архиважными делами. Родолесского бестиолога поволокут с собой в лапах.

Выказывая идеальные манеры, Эсхард помог забраться в повозку мне, потом повернулся к Ольге и протянул руку:

— Поднимайтесь, госпожа Рогова, — низкий голос звучал мягко и дружелюбно.

— Благодарю, кейрим Нордвей, — премило покраснев, выдохнула та на драконьем языке и тонкими пальцами едва прикоснулась к его большой ладони.

Наконец, разместились и тронулись. Не успели минуть полигон, на котором занимались студенты, Эсхард склонился и шепнул мне на ухо:

— Сейчас самое время. Начинай нахваливать.

— Тебя? — уточнила я, с трудом удерживая на лице серьезное выражение.

— Мне, — подсказал он и внезапно сватовство начал сам: — Госпожа Рогова, давно вы живете в южных землях?

Вопрос владыки привел Ольгу в замешательство, но ответила она с достоинством:

— Я прибыла на Вариби за неделю до начала занятий, кейрим.

— У вас прекрасное произношение, — галантно заметил он. — Где вы изучали рамейн?

— В Родолессе, — польщенно пояснила она и, выдавая легкое волнение, поправила очки. — У меня были чудесные учителя. Я

преподаватель изящной словесности...

Владыка Нордвей взял дело в свои руки и, источая обаяние, принялся демонстрировать высший класс в искусстве сватовства. Непонятно, правда, кому сватал. Самому себе, получается.

Они говорили, Илайс тоскливо смотрел на носы своих ботинок, я с интересом рассматривала окрестности. Неделю провела на Вариби, а в эту часть острова ни разу не заглядывала. Тропинки здесь были исхожены, леса облагорожены, везде попадались указатели. Ближе к морскому берегу размещалась пара гостевых дворов и несколько поселений, где студенты любили проводить время. Понятно, что бестии выходили сюда крайне редко, обитали в густых лесах и на скалистых уступах в глубине острова.

— Госпожа Егорьева? — внезапно обратился ко мне Эсхард.

— О чем мы говорим? — уточнила я.

— О водопадах, — подсказал он.

— Что вы о них хотите узнать? — любезно спросила я.

— Мы их едем смотреть.

— Владыка Нордвей рассказал, что с водопадом Вариби связана любопытная легенда. Если незамужняя девушка искупается в заводи, то вскоре непременно выйдет замуж.

— Холодновато для купания, — заметила я.

— А вы хотите окунуться, госпожа Егорьева? Подумываете о замужестве? — мгновенно спросил Эсхард, и уголки его губ дрогнули от улыбки.

Какой, право слово, неловкий вопрос!

— Природа женщины такова, что она стремится стать хранительницей очага и матерью, — с жаром высказалась Ольга, пока я придумывала дипломатичный ответ. — Согласны со мной, кейрим?

— Полностью, — серьезно кивнул он.

— Ольга, я никогда не спрашивала... Ты ведь умеешь вышивать? — не удержалась я, решив сразу определить наличие главного плюса владыческой невесты — умение украшать платочки.

Она смущенно нас оглядела и покачала головой.

— Жаль, — вздохнула я и добавила: — Но взгляды-то у вас с владыкой похожие.

К водопаду пришлось подниматься по укатанной дорожке с тонкой лентой деревянных ступенек по краю и высокими перилами

для тех, у кого от подъема кружилась голова. Повозка со стражем осталась внизу, а мы пошагали. Путь оказался свободным, никого не встретили. Возможно, специально, как во дворце, к прогулке властителя всех разогнали.

— Я сейчас издохну, — пробормотала мне Ольга, с трудом дыша и наплевав на изящную словесность.

— Дамы, все в порядке? — уточнил Эсхард.

— Мы наслаждаемся прогулкой, — улыbnулась она. — Вокруг так красиво! Может, постоим? Полюбуеться?

— Мы почти на месте, — уверил владыка.

Ольга крепко схватила меня под локоть, готовая покорить холм и не полечь на подъеме.

— Он нас на выносливость проверяет? — процедила она сквозь зубы. — Всегда знала, что у драконов отвратительные манеры!

— Он самый воспитанный мужчина из всех, кого я знаю, — зашпорил я, вдруг почувствовав, как внутри неприятно царапнуло, что Эсхарда надумали ругать.

— У него ужасная борода!

— Ему идет борода, — парировала я. — Подчеркивает маскулинность.

— Он не говорит, а как будто все время насмехается, — не унималась она. — Очень неловко.

— Если всерьез воспринимать все, что несут его подданные, рехнешься, — проворчала я.

— Ужасное чувство юмора!

— Да он ни разу не пошутил! — возмутилась я, начиная задыхаться не от движения вверх, а от негодования.

Мы замолчали. Я тащила Ольгу, как на прицепе.

— Давно ты влюблена во владыку, Виталия? — послед долгой паузы вдруг спросила она.

Вопрос словно прошил меня насквозь.

— По каким внешним признакам ты это определила? — Я посмотрела на эту доку человеческих душ, как на блаженную. Может, в воздухе витала какая-нибудь пыльца и сейчас нас всех также славно накроет.

— Ты рьяно его защищаешь, — ответила она и, поправив сползшие очки, менторским тоном заявила: — А должна была

поддержать меня ради женской солидарности и назвать какой-нибудь неприятный недостаток!

— Он возмутительно властный! — немедленно высказала я давно накипевшее, даже долго думать не пришлось.

— Согласна, — вздохнула Ольга. — Пожалуй, это единственная привлекательная черта в Эсхарде Нордвее.

До водопада я добралась в глубокой задумчивости. Место оказалось завораживающе красивым и дышало спокойствием. Как часто случалось в начале сентября, осень лишь беглыми, широкими кляксами отметила деревья. Река, после ливня набравшая силу, скатывалась с высокого скалистого обрыва по ступеням и собиралась в заводи, ограниченной заросшими мхом валунами. В этой естественной чаше она теряла ярость и неторопливо текла по расщелине, мягко оглаживая каменистое дно.

Взгляд остановился на мощной фигуре Эсхарда, уверенной походкой прошагавшего к кромке воды. Он запрокинул голову и сделал глубокий вдох, словно попал в место силы.

— Что он делает? — пробормотала Ольга.

— Дыхательную гимнастику, — пошутила я, устремив взгляд на владыку. Мне нравилось за ним наблюдать.

— Кейрим Нордвей! — с фальшивым восторгом воскликнула Ольга, направляясь к мужчинам. — Искренне благодарю, что вы показали это удивительное место! Здесь такая чудесная атмосфера.

— Аккуратнее, госпожа Рогова, — предупредил Эсхард. — Камни скользкие...

Договорить не успел: Ольга оступилась и болезненно вскрикнула. Шляпка слетела с головы и бухнулась на влажную землю, смесь глины, камней и песка.

— Кажется, я потянула лодыжку! — простонала Ольга, и стало очевидным, что на этой печальной ноте прогулка по острову завершилась.

Идти она решительно не могла и морщилась от любого движения. Проверить ногу не позволила, зато не отказалась от услуг носильщика. Владыке тащить девицу было не к лицу, за дело взялся Илайс. Он подхватил ее на руки. Возле волшебного водопада, приносящего невестам на выданье добрых мужей, мы не провели и десяти минут.

С холма я спускалась в компании Эсхарда. Илайс тащил пострадавшую, а она изредка охала, крепко-накрепко держась за его шею.

— Господин Илайс, давайте лучше я поеду у вас на спине!

— Лучше — это собственными ногами, госпожа Рогова, — недовольно отвечал он. — Сидите смирно!

Наблюдая за ними, я только покачала головой.

— Сватовство не задалось, — заметил Эсхард. — Но ты по-прежнему можешь описать все достоинства своей подруги.

Пока я видела одно достоинство: она была удобопереносима, раз носильщик еще не сдался и вполне бодро тащил ее под гору, прижимая к груди, как молодую супругу после венчания.

— Скажу тебе честно, — вздохнула я, — Ольга действительно стремится к замужеству с драконом, но в твоём случае сватовство бессмысленно.

— Искренне рад, что ты это поняла, — хмыкнул он.

— У тебя нет никаких шансов, — со смешком пояснила я. — Ты не в ее вкусе.

Увидеть, как озадаченно изогнулась густая рыжая бровь у всегда уверенного в себе драконьего владыки, оказалось прекрасной компенсацией за день, потраченный на покатушки.

Следующим утром, когда академия спала, я спустилась в кабинке воздушной дороги к воротам в бестиарий. Повозка была уже готова, но ни стражей, ни знакомо недовольного Илайса, ненавидевшего просыпаться раньше завтрака, не обнаружила. Меня дожидался Эсхард, одетый в амуницию. Надо сказать, кожаные портки ему шли. Полюбовалась бы, если бы не одно обстоятельство...

— У меня появилось много вопросов, владыка Нордвей, — призналась я.

— И вам доброе утро, госпожа бестиолог, — улыбнулся он, забирая из моих рук окованный сундучок с ловчими артефактами.

— Вопросов не стало меньше, — сухо произнесла я. — Почему здесь ты?

— Еду с тобой, — ответил он.

— Нет, — отказалась я от сопровождения владыки. — Ты распугаешь всех бестий, Эсхард. Стражей они не воспринимают всерьез. Проще никуда не ехать, все равно день пройдет впустую.

— Я буду принимающим, — уверил он, что останется возле повозки. — Единственный способ, госпожа бестиолог, побыть с вами вдвоем — это отправиться на охоту за бестиями. Невест ты в лес не таскаешь.

— Справедливо, — не найдя чем парировать, фыркнула я. — Другими словами, ты решил устроить второе свидание?

— Виталия... — Он покачал головой и неодобрительно поцокал языком. — Не думал, что ты любитель смешать работу и личную жизнь.

Как он ловко вывернул! Я указала в него пальцем и предупредила:

— Принимающий!

[\[1\]](#) Отсылка к витражу «готическая роза»

Глава 8. Сокровище владыки

Эсхард остался возле повозки и дипломатично отошел в сторону, пока я последний раз проверяла ловчие амулеты и настраивала порталы.

— Доброй охоты и удачи, госпожа бестиолог, — проговорил он на прощанье по-родолесски.

— Теплого ветра твоим крыльям, кейрим, — ответила я на рамейне.

— Виталия! — окликнул он, когда я почти добралась до кромки леса. — Сигнальный артефакт в порядке?

Даже отвечать не стала, просто мрачно вошла в лес. Однако, зная феноменальное умение драконов передвигаться тише любых бестий, я была уверена, что поисковый маячок непременно покажет на дракона, но Эсхард сдержал слово и остался возле повозки.

Когда яркая искра поднялась над макушками вековых деревьев и развернулась невидимой сетью, впервые за несколько дней стрелка магического компаса, вживленного в широкий кожаный браслет, ожила: сделала полный оборот и замерла, указывая вглубь леса.

Незаметная тропинка сначала вилась между мшистыми стволами и влажными папоротниками, пряталась в жидком тумане. Постепенно расширившись, дорожка начала подниматься в гору, огибать покрытые изумрудным мхом валуны. Деревья мельчали. Землю покрыл слой пожухлого многолетнего опада, местами припорошенного желтыми мелкими листьями.

Выросли темные скалистые стены, печально изъеденные временем и дождями. Тропинка ныряла под их нависающие уступы-козырьки, уводила в сторону от направления, упрямо указанного магическим компасом, и вновь виляла.

Внезапно стрелка хаотично закрутилась. Замерев, я прислушалась, осторожно осмотрелась, пытаюсь обнаружить хоть какое-то движение. Лес молчал, в тишине разносилось лишь шуршание ветра в жидких, местами посеченных осенью кронах деревьев. Но бестия была близко!

Выбрать удобное место для ловли оказалось сложно, но такое нашлось. Плоская площадка с высунутым из почвы валуном, за которым можно спрятаться. Спуск рядом выглядел не особенно крутым, если скатишься вниз, то не расшибешься о камни. Я расставила энергетические силки и вытащила призывающий свисток. Неслышный человеческому уху зов разлетелся по окрестностям.

Лес по-прежнему оставался безмолвным. Потрескивали от магии круглые вершины амулетов, готовые раскрыть крепкую ловчую сеть. Больше четверти часа ничего не происходило. В напряжении я ждала, аккуратно осматривалась по сторонам...

Он напал со спины. Я ощутила движение воздуха и резко нырнула вниз, уйдя от удара длинным хвостом с острыми шипами. Огромное крылатое чудовище почти бесшумно спрыгнуло на землю. Кейроб во второй ипостаси с костяными наростами на холке и шипастым гребнем по хребтине вовсе не походил на элегантную крупную пантеру в загоне бестиария. С бешеным рыком, обнажившим клыкастую пасть, он расставил перепончатые крылья. И я ударила ослепляющим заклятьем. В воздухе взорвалась вспышка света...

Говорят, прежде, чем уйти на покой, бестиолог должен поймать истинное чудовище. Отца его чудовище растерзало, и покой стал вечным. Мое первое чудовище три года назад оставило мне отметины на спине и отправилось к праотцам. Зарубцевавшиеся шрамы каждый день напоминали, что я фактически ушла на покой, не поймав последнюю бестию... С первой минуты кейроб захватил мысли. Сейчас я боролась, чтобы пленить его и уйти, как истинный ловец за нечистью.

Схватка словно растянулась во времени. Дыхание сбилось, мышцы горели. Казалось, черный демон впитывал заклятья, и каждый удар приводил его в большую ярость. Заклятья не всегда достигали цели: магия плавила листья на деревьях и мхи, ломала тонкие стволы. Черные кляксы пятнали каменистую землю, на которую постоянно приходилось падать, чтобы увернуться от очередной атаки. Все же не стоило после скандала с ректорским сыном забрасывать тренировки и объедаться пирожками нашей кухарки. Сейчас тело напоминало, как наплевательски к нему относились. Однако за ленивое лето я потеряла скорость, но не умения.

Одно крыло у кейроба повисло. Он сделал резкий выпад вперед и хвостом сбил меня с ног. Я упала спиной на валун, даже через плотный кожаный доспех почувствовав, как раскалился камень. Разинутая пасть чудовища оказалась в опасной близости, в натянутых черной глянцевой пленкой глазах отражалось мое искривленное лицо. Казалось, кейроб хотел откусить мне голову. В кулаке собралась магия, я была готова вlepить заклятье в морду демона...

Секундой позже нечеловеческая сила отбросила чудовище в центр ловушки, в которую мне так и не удалось его загнать. Обзор закрыла мощная мужская фигура. Почти неуловимым движением Эсхард развернулся и точно перетек к камню. Сильные руки, шею и скулы покрывали мелкие медные чешуйки, зрачок вытянулся, в чертах — почти ничего человеческого. Владыка словно на глазах принимал вторую ипостась. Стремительным движением он сдернул с моего пояса порталный амулет.

— Эсхард, не смей!

Я еще успела увидеть, как крепко и надежно энергетическая сеть опутала тело попавшего в силки чудовища. Стремительно приобретая вид крупной черной пантеры, оно осело на землю. И нас с Эсхардом с неумолимой силой вытолкнуло в пространственный провал.

Мы рухнули на дорогу возле повозки. Оглушенная боем и грубым перемещением, некоторое время я валялась на земле и таращилась в серое небо. Дыхание перехватало, сердце отчаянно колотилось в груди. Там, в горах, осталось пойманное чудовище!

Эсхард давно поднялся на ноги и нервно ходил возле повозки туда-сюда. В конечном итоге он склонился надо мной и спросил:

— Встать можешь?

— Да, — отозвалась я и, отказываясь принимать его помощь, поднялась сама.

После схватки с кейробом в крови по-прежнему играло возбуждение и пульсировала боевая магия. Владыка резко схватил меня за подбородок, заставил повернуть голову и присмотрелся к щеке.

— У тебя кровь.

— Поранилась о камни. — Я освободилась и отошла на шаг. — Спасибо, владыка, что помог.

— Пожалуйста, госпожа бестиолог, — процедил он. — Тебя не было больше двух часов, я пошел на магический зов.

— Хорошо... — Я пожевала губу, стараясь проглотить грубость, но все равно не сумела сказать хладнокровно: — Но как ты посмел решить за ловца, когда пробуждать портал? Это была моя охота! Я его поймала!

— Что? Ты сказала «посмел»? — вкрадчиво переспросил он, словно действительно не верил собственным ушам, и вдруг яростно рывкнул с трубным перекатом: — Сядь в повозку! Мы возвращаемся.

От изумления я оцепенела. Думала, что Эсхард Нордвей в принципе никогда не выходит из себя.

— Портал разряжен, и я не смогу перетащить свое чудовище к повозке, — зло проговорила я. — Магической сети хватит максимум на три часа, но я искренне верю, что твои стражи вернутся в горы и привезут кейроба в бестиарий.

Одарив его хмурым взглядом, я вытащила из земли потухший четырехгранный стилет персонального портала и забралась в кузов. Наверное, кейриму южных драконов впервые в жизни пришлось строить из себя возницу, но я была слишком зла, чтобы изображать хорошие манеры и преодолевать дорогу до академии, сидя рядом с ним.

— Пересядь, пожалуйста, — сухо проговорил Эсхард.

— Нет, — не глядя на него, отказалась я и принялась раздраженно складывать ловчие артефакты в сундучок.

— Иначе тебе придется идти до академии пешком, — предупредил он.

— Может, это и неплохая идея, — пробормотала я.

Эсхард ничего не ответил, а потом, через паузу, вдруг в сердцах высказался:

— Не в моих правилах спорить с женщиной, но с тобой просто невозможно не спорить, Виталия!

Он соскочил на дорогу. Недолго думая, я последовала его примеру и тоже выбралась из повозки. Мы снова оказались лицом к лицу, страшно недовольные друг другом. Внезапно Эсхард заговорил на незнакомом мне диалекте. Он рубил фразы, сильные и резкие, словно что-то доказывая. Негодование владыки можно было почувствовать на

физическом уровне. Так же неожиданно замолчав, он расставил руки и призвал меня к ответу. Очевидно, задал какой-то вопрос.

Повисла тяжелая пауза, и лес как будто притих...

— Не поняла ни слова, — отозвалась я, не пытаясь избежать ответного прямого взора. — Такому рамейну меня не учили.

Он перевел дыхание.

— Ты должна была сразу пробудить портал и перенестись сюда! — Владыка ткнул пальцем нам под ноги, словно указывая место, куда следовало приземлится зад после резкого перемещения порталным амулетом.

— Эсхард, когда ты вмешался, у меня все было под контролем!

— Он тебя почти растерзал! — процедил тот.

— Да на мне ни одной царапины от когтей кейроба! — взвилась я.

— Виталия, я сказал, что черный демон опасен и велел за ним не гоняться. Но ты все равно попыталась его поймать!

— Не попыталась, а поймала! Это моя работа, если ты забываешь. — Я вновь начала выходить из себя. — Помню, ты хотел секрет на втором свидании, Эсхард. Я сомневаюсь, что мы доберемся до второго свидания, поэтому давай скажу сейчас. Так вот, я не выношу мужчин, которые не спрашивают моего мнения, а навязывают свою волю. Если бы я хотела, чтобы за меня решали, то вышла бы замуж лет в восемнадцать, как настаивала мать, и не сунулась в бестиологию! Пойдет тебе такой секрет?

— Да почему ты такая сложная, женщина? — выругался он.

Мы стояли на расстоянии шага. Казалось, что воздух между нами трещал от напряжения. Зажги кто-нибудь магическую искру — раскидывает в разные стороны и подбросит в повозку вместе с лошадью над макушками сосен. Честное слово, еще чуть-чуть и подеремся.

— Ох, как же ты меня злишь! — рявкнула я.

— Наконец-то наши чувства взаимны! — не сводя с меня яростного взгляда, в сердцах признался Эсхард.

Секундой позже его большая ладонь легла на мой взлохмаченный затылок. Он стремительно склонился, его губы завладели моими губами. Я ответила на поцелуй инстинктивно, наверное, этим удивив Эсхарда. Внутри словно рухнула плотина, и меня затопило эмоциями,

долго хранимыми в уголке подсознания: я уже увлеклась этим мужчиной.

Мир притаился, пока мы целовались без стеснения и бессмысленной целомудренности. Руки Эсхарда крепко меня сжимали, а я цеплялась за его рубашку, стараясь сохранить точку опоры.

Поцелуй осушил ярость и оборвался. Я чувствовала себя оглушенной, остро хотелось продолжения. Пришлось отступить на шаг. Владыка предложил отличный способ примирения, но, к сожалению, он не заменял слова и не сглаживал углы, разве что на некоторое время притуплял разногласия.

Эсхард словно чего-то ждал.

— Ты меня не ударишь? — наконец спросил он. — Я не буду уворачиваться.

Стало смешно.

— Умоляю, не вынуждай строить из себя недотрогу, — ответила я. — Грешно бить мужчину, который целуется, как ты. Но объяснить, почему ты так сильно разозлился, Эсхард, тебе стоит. Я умею слышать и понимать. Пожалуйста, на родолесском, твой древний драконий язык мне неведом.

— Понятия не имею, почему заговорил на эсхире. Не вспоминал его лет десять, — со смешком признался он и, сжав мои плечи, заглянул в лицо. — Ты кажешься мне очень хрупкой, Виталия. Я испытываю потребность тебя оберегать и забываю, что не играешь в боевого мага, ты и есть такая.

— Ладно. — Я помолчала. — Ясно. Драконьи инстинкты. Это я могу понять.

Эсхард посмотрел на меня странно, как на юродивую, и отпустил плечи.

— Госпожа Егорьева, слышать вы, может, способны, но с пониманием у вас явно не заладилось, — прокомментировал он. — Но мне в вас нравится все, даже драконья слепота.

— Вообще, в Родолессе говорят «куриная слепота», — намекнула я, что расслышала иронию в «трепетном» признании.

— В Родолессе живут мудрые люди, — хмыкнул он. — Если ты жаждешь получить свою бестию, то надо возвращаться. Но мы можем остаться и еще порассуждать, чем друг друга злим.

Поругаемся и опять помиримся. Повторять можно бесконечно, по кругу, как с подарками. Мне понравился способ примирения Эсхарда Нордвея.

Кейроба привезли на закате, и в бестиарии внезапно наступила тишина, плененные в загонах звери примолкли. Магическая клетка, стоящая на открытой повозке, ходила ходуном. Вспыхивали опутанные защитными заклятьями прутья.

— Твоя кошка, госпожа бестиолог, — с иронией прокомментировал Илайс.

Стоило приблизиться к повозке, как кейроб замер и поменял ипостась. Черная кошка с раненым крылом стихла и легла, по всей видимости, признавая во мне сильнейшего хищника.

— Что-то я тоже начинаю тебя бояться, — не удержался от ехидного замечания дракон.

***

Ректор Эфрим налил из пузатого чайничка в стакан травяной чай и протянул мне. Поблагодарив за неожиданное гостеприимство, я сделала глоток. Крепкий отвар оказался безнадежно остывшим и горчиал.

Ректор откинулся в кресле, прихлебнул из своего стакана и торжественно поздравил меня с пленением кейроба, который, без сомнения, станет главным достоянием бестиария Залесской академии. И наверняка подарит мне профессорский значок. Об этом мы, правда, говорить не стали.

— Слышал, что сегодня у вас на семь вечера запланирован порталный переход в Хайдес, — ректор начал издалека, но явно устремился к цели нашего разговора.

Вчера днем владыка довел до трясучки главного академического лекаря, вынужденного проверять мои синяки и ссадины, а потом вернулся во дворец. Данри как будто случайно забыл, чем привел в неописуемый восторг художника.

— Какие у тебя планы на завтрашний вечер? Не против приехать ко мне? — предложил Эсхард, когда мы прощались в порталной башне.

Впервые с момента знакомства Эсхард Нордвей не повелевал, а спрашивал согласия. Видимо, его проняла пламенная речь возле

повозки. Я настолько изумилась, что не сразу осознала, о чем идет речь, точно разучилась понимать родолесский язык...

— Госпожа Егорьева? — вернул меня в реальность ректор.

— Да?

Внезапно я поймала себя на том, что, предвкушая свидание во дворце, улыбаюсь. Ректору Эфриму. Уважаемый дракон явно почувствовал себя не в своей тарелке.

— Вы хотели что-то передать кейриму? — прочистив горло, спросила у него.

— Вас!

— В каком смысле?

— Позвольте мне быть откровенным, — начал он самым располагающим тоном. — Я, конечно, счастлив, что нашей академии выпала честь работать с Родолессом, но до вашего появления Эсхард возникал на острове раз в пять лет. Понимаете?

У меня начали гореть уши, словно кто-то отчаянно ругал. Видимо, ректор и ругал. Мысленно.

— Возможно, ему нравится остров Вариби? — выдвинула я нелепое со всех сторон предположение.

— Нет, — покачал головой он. — Не нравится. Эсхард всегда ненавидел влажный климат и холод. Мы с вами знаем, что кейрим приезжает исключительно по одной причине: здесь вы, госпожа Егорьева. Академия больше не может каждую неделю встречать кейрима. У нас встает учебный процесс!

Щеки тоже запылали.

— Господин Эфрим, кейроба можно будет переправлять в Родолесс только через пару недель, когда раны... — начала я.

— Навешайте свою бестию! — с жаром перебил ректор. — Для вас порталная башня будет свободна в любое время! Но окажите дружескую услугу: возвращайтесь во дворец.

Не глядя друг на друга, в страшнейшем конфузе мы синхронно прихлебнули из стаканов остывший чай и скривились от горечи.

— Раз вы просите... — пробормотала я, проглотив размякший лепесток.

— Ради учебного процесса! — напомнил ректор.

— Только ради него, — поспешно согласилась я.

Оставалось собрать внезапно большую компанию по академии и объявить светлую новость, что мы все дружно переселяемся в Хайдес. Для начала решила всполошить творца, но с наскока осчастливить его не удалось. Студия оказалась заперта на замок. На стук донесся недовольный голос, чтобы все, кто стоит в коридоре, проваливали и поскорее.

— Лучше открой, — посоветовала я.

Январин отворил с недовольной миной. На лестницу выплеснулся дневной свет, повеяло особым запахом художественной студии: масляных красок и алхимического растворителя.

— Я занят, — с большим апломбом заявил Ян, вновь заворачиваясь в образ Янгеля Подлунного. Осталось только костюмчики вернуть, соорудить на голове начес и поменять обычную сережку в ухе на бриллиантовую из драконьей сокровищницы.

— Господин Лунецкий...

— Подлунный, я бы попросил, — важно поправил он.

— Попросишь у своих фанаток, — осадила я. — Начинай упаковываться. Мы переезжаем во дворец. Портальный переход в семь вечера.

— Совершенно невозможно, — внезапно отказался Ян, словно у него был выбор. — Во дворце будет другое освещение.

Не успела я задать вопрос, есть ли разница, при каком освещении доделывать рисунки для альбома, посвященного кейробу, как из студии донесся капризный голос Данри:

— Янгель, вы где? Я полностью готова.

— Ну ты договорись, что мы переедем в другой день, — попрощался он, торопясь вернуться к обожаемой музе.

Я ловко подставила ногу, не позволяя ему захлопнуть у меня перед носом дверь, и вломилась в студию. Данри сидела напротив окна, а вокруг нее сустились горничные: поправляли лежащие идеальной волной волосы, подкрашивали губы нежной помадой.

— Как хорошо, что вы здесь! — воскликнула она, отогнав девушек рукой, как надоедливых мух. — Мы с господином Подлунным говорили, что было бы неплохо добавить к портрету какую-нибудь зверушку. Я думала про пересмешника.

— Кому неплохо? — въедливо уточнила я, отказываясь жертвовать мелким хулиганом.

Пересмешнику и без портретов нормально: ест, спит, изредка наводит шороху и передразнивает всех, кого планирует в будущем сожрать. В списке был целый замок студентов, пара преподавателей и художник.

— Пересмешник мне отлично подойдет! — пояснила Данри.

— Он вас сожрет, — предрекла я и повернулась к Яну, смотревшему на свою музу влюбленными глазами. — А тебя я сама скормлю кейробу, если к семи вечера не обнаружу в порталльной башне с вещами, господин Лунецкий.

— Мое имя Янгель Подлунный! — фальцетом крикнул мне в спину художник, когда я выходила из студии.

Отправляли нас одним рейсом с сундуками, служанками и мелкой бестией в переноске. Напоследок в башне появилась Ольга и вручила Илайсу томик стихов в благодарность за спасение на водопаде. Дескать, она долго раздумывала, чем удивить дракона, и решила, что тонко чувствующий мужчина непременно проникнется поэзией.

Тонко чувствующий мужчина прочувствовал размер проблемы и замер, разглядывая томик с таким лицом, словно ему всучили брачный браслет. Я дернула глазом, понимая, что беднягу случайно или нарочно втягивают в круговорот обмена дарами, и ничем хорошим для холостого дракона аттракцион щедрости не закончится. Сам не просечет, как окажется окольцованным.

— Какое коварство, — пробормотал он, когда закрылись ворота и загудел портал. — Что безопасного мне отправить ей в ответ?

— Мазь от растяжений, — фыркнула я.

Мы переместились в величественный зал драконьего дворца. Тускло светились стены, эхо подхватывало любые шорохи. Судорожный вздох придавленного порталным переходом художника тоже красиво вознесся к потолку.

Широкие, высокие двери торжественно отворились, и вошел Эсхард. Он выглядел великолепно в дорогой одежде, с аккуратно подстриженной бородой, блестящими медными волосами, полностью готовый ко второму свиданию. И замер, окинув нас задумчивым взглядом.

Данри окружали служанки, художник висел на Илайсе, у меня в руках истерично тряслась переноска, а вокруг лежал кое-как пристроенный багаж. В возникшей тишине вдруг раздался громкий

щелчок, и крышка одного сундука резко открылась, явив миру разноцветные женские наряды.

— Все настолько соскучились по Хайдесу? — тактично уточнил владыка.

— Нас попросили на выход, — честно призналась я. — С вещами и бестиями.

— По какой причине? — спросил он, останавливая взгляд на своем приближенном, а тот вообще был ни при чем.

— Частые приезды кейрима в академию, — с насмешкой ответила я.

Илайс тихо фыркнул, художник охнул, Данри вздохнула. Пересмешник повторил за ними каждый звук и еще неразборчиво крикнул. По всей видимости, от себя.

— Добро пожаловать во дворец, — развел Эсхард руками.

Заселение прошло суматошно. Горничные едва не попадали в обморок при виде расцарапанной щеки, словно не досчитались у меня руки или ноги. Предложила бы им нюхательные соли, но дежурной баночки не завела. Обморокам я не была подвержена — не люблю пропускать все самое интересное, когда вокруг кипят страсти и жизнь бурлит, как на магическом пламени.

Пока девушки охали и страдали, занесли мои сундуки. Комната для переодеваний выглядела голой, с плечиков уныло свисало розовое бальное безобразие, отстиранное в прачечной от завядших цветов. В уголке притулился синий наряд.

Напрасно я вернула домой сундук с одеждой сестры! Не зря маменька отправила, как чувствовала, что в дочери проснется непреодолимое желание принарядиться для вечера с привлекательным мужчиной. Придется действовать по уже отработанной схеме и отправить горничных в волшебную гладильную, способную превратить мою неказистую одежду в женственные наряды.

— Девушки, — откашлявшись, обратилась я к горничным, — если вы отнесете отпарить бальное платье, есть ли шанс, что мне вернут что-нибудь изящное, шелковое и... менее розовое?

— С вышивкой? — любезно поинтересовалась Иридия.

— Какого цвета? — деловито уточнила Лавиния.

— А я выбрать, что ли, могу? — удивилась я.

Горничные переглянулись и вдруг так счастливо друг другу заулыбались, словно только и ждали, чтобы ради хозяйки обокрасть какую-нибудь благородную драконистую гостью.

— Перед вашим приездом владыка приказал подготовить красивые платья, — пояснила Лавиния. — Как уж мы старались!

— А вы все время в мужских штанах, — укорила Иридия.

— Другими словами, синее платье... — Я указала пальцем на праздничный наряд.

— Сшито по вашим меркам, — согласились девушки.

Полагаю, что спрашивать, откуда у властителя взялись мои мерки, было бессмысленно. Все равно не скажет. Этот мужчина знал обо мне фактически все. Возможно, даже то, что я сама напрочь забыла.

— Нести платья? — поинтересовались горничные.

Сдаваясь, я махнула рукой. Буду считать, что одежду обменяли на самые дорогие в мире соленые патиссоны. Но когда я вышла из ванной, стало ясно, что ни одни патиссоны, если они не закатаны в банки из голубого хрусталя с золотой каемкой, не стоят объемного сундука с одеждой.

— Похоже, я недооценила щедрость вашего кейрима, — задумчиво протянула я, понимая, что сразу после приезда этот сундук заставил бы меня зажать под мышкой непромокаемые сапоги из кожи питоновой бестии и без оглядки сбежать обратно в Родолесс.

— Щедрость нашего кейрима не знает границ! — воскликнула Иридия.

— И здравого смысла, — добавила я, и девушки как будто обиделись за владыку. — А если бы ему дали неправильные мерки? Что тогда делать с этим барахлом?

— Отдать на перешивку? — ответила Лавиния.

— Логично, — пришлось согласиться мне с практичным подходом.

На встречу с властителем я шла взволнованная, втайне желая его удивить. Эсхард ждал меня на балконе. Заложив руки за спину, он смотрел на озаренный ночными огнями город, в густой горной темноте похожий на расшитый золотыми узорами ковер.

— Эсхард, — позвала я.

Он обернулся. Я знала, что царапины на щеке выглядят отвратительно, синяк, перетекший на шею, тоже не красит, но в глазах

Эсхарда вспыхнуло восхищение. У меня засосало под ложечкой. Всегда считала себя симпатичной девушкой, но по-настоящему красивой почувствовала только сейчас, под пронзительным взглядом владыки Хайдеса.

— Ты потрясающе выглядишь, — проговорил он низким, завораживающим голосом.

— Это платье подарил мне ты, — улыбнулась я, невольно огладив мягкую ткань с тончайшей вышивкой. — У тебя отличный вкус.

— Почему мне кажется, что сейчас ты ругаешься? — уточнил он.

— Тебе не кажется, — кивнула я. — И какой у нас сегодня план, владыка Нордвей?

Честно говоря, такого я не ожидала. Да никто бы не ожидал! Мы с Эсхардом поднялись к нему в башню. Слуга нас встретил со словами:

— Мой кейрим, лекари собрались.

— Какие лекари? — сдавленным шепотом потребовала я объясниться и замерла на пороге, обнаружив в полукруглой комнате троих мужчин. Они синхронно обернулись и отвесили поклоны.

— Ты боролась с черным демоном, — переходя на родолесский язык, тихо напомнил Эсхард.

— И со мной полный порядок, — процедила я. — Меня уже осматривал лекарь!

— Хочу услышать второе мнение, — невозмутимо отозвался он, мягко, но настойчиво подталкивая меня в спину.

— Их здесь трое! — пробормотала я.

— Три вторых мнения, — заключил Эсхард и громко поприветствовал приглашенных эскулапов: — Простите, уважаемые рейнины, госпожа Егорьева только вернулась во дворец.

В общем, я наряжалась, причесывалась и в принципе прихорашивалась, чтобы пройти медицинский осмотр!

— Хоть бы предупредил, — не скрывая раздражения, проворчала владыке. — Я бы платье не надевала, сразу пришла в халате.

Впервые в жизни на свидании мне измеряли пульс и оглядывали царапины с таким пристрастием, словно страшнее ранения эти лекари не видали. Эсхард, демонстрируя невиданную деликатность, дожидался окончания мероприятий за дверью. После осмотра слуга тихим голосом, как к умирающей, позвал его обратно. Эскулапы встроились рядом и начали важно докладывать, что с госпожой

бестиологом в принципе все в порядке. Четкость зрения присутствует, все конечности на месте и царапина, пусть глубокая, но не смертельная.

— Но я бы посоветовал постельный режим, — объявил седовласый лекарь с бородкой, на осмотре настырно водивший у меня перед носом крючковатым пальцем. Три раза переспрашивал, сколько их мелькает, словно сам не верил, что показывал один.

— Зачем? — спросили мы с Эсхардом в один голос. Я-то недоумевала, а он неожиданно нахмурился и пронзил меня таким взглядом, словно уже представлял уложенной на перину и прикрытой одеялом.

— Не пугайтесь! — поспешно успокоил лекарь. — Никаких страшных проявлений я не наблюдал, но девушкам в нелегком возрасте госпожи Егорьевой после потрясений показан покой.

В «нелегком возрасте»? Это он деликатно намекнул, что я девушка не первой свежести и в принципе давно не девушка? Четвертый десяток фактически стоит на пороге и с укоризной смотрит на мои синяки. Пора заводить нюхательные соли для благородных обмороков.

— Никакого постельного режима! — заспорил второй и, прямо сказать, меня немного отпустило, что можно не заказывать расшитый саван. — Движение — жизнь. Госпоже бестиологу надо больше двигаться, заниматься гимнастикой, разминать суставы...

— Извините, — перебила я, пока он не распалился, и обратилась по-родолесски к Эсхарду: — У тебя чудесные лекари. Они сейчас предложат мне отползать на кладбище.

Внезапно у того вырвался издевательский смешок, и недостойный владыки звук привел эскулапов в замешательство. Откашлявшись, Эсхард спросил у третьего лекаря:

— Что вы скажете?

— Я солидарен с уважаемыми знахарями, мой кейрим.

Возникла пауза. Мы ждали продолжения, но эскулап, похоже, уже все сказал.

— Моей гостье лежать или бежать? — уточнил Эсхард.

— Вести привычный образ жизни, — развел руками лекарь. — Вайрити бестиолог в отличном физическом состоянии, раз смогла скрутить черного демона. Любой позавидует. А что до синяков?

Пройдут без магического вмешательства, достаточно заживляющих мазей.

— Возьми его дворцовым лекарем! — вырвалось у меня породолесски.

— Он уже, — невозмутимо отозвался Эсхард.

В конечном итоге они пришли к выводу, что мне можно все: лежать, бежать, есть и пить. Читать научные трактаты и думать над ними тоже не возбранялось. Охотиться на кейроров, правда, не рекомендовали. Не могла не согласиться с уважаемыми лекарями. Свое чудовище, которым бредила почти с момента приезда, я уже поймала, можно спокойно составлять атлас драконьей нечисти.

— Если мы выяснили, что я жива и здорова, то пойду, — заявила я Эсхарду, когда мы остались в комнате одни, и поднялась с полукруглого дивана. — Это было самое необычное свидание в моей жизни. Благодарю за новый опыт.

К огромной досаде, спорить он не стал и подозрительно легко согласился проводить меня до покоев. Повисло молчание.

— Поужинаем вместе? — наконец вымолвил владыка.

— Думала, не предложишь, — проворчала я, вызвав в нем улыбку.

— На южном балконе, — добавил Эсхард.

— Все предусмотрел?

— Надеюсь, что ты не откажешься, — мягко поправил он.

Разговор за вкусной едой и легким ужином тек плавный, без пауз и иронии. Эсхард с большим интересом слушал о том, как продвигается работа над атласом бестий. Я собиралась приступить к бестиарию той части Хайдеса, которую драконы называли «землями теплого течения». Потом предстояло возвращение в Родолесс, и мне не хотелось думать, отчего эта мысль, согревавшая еще неделю назад, внезапно больно царапнула.

— Надеюсь, что успею закончить за два месяца, — вымолвила я.

— Я не хочу, чтобы ты уезжала, Виталия, — устремив в меня прямой взгляд, внезапно произнес Эсхард, и внутри как будто обожгло. — Останься здесь. Со мной.

— В качестве кого? — спросила я. — Супруги кейрима Эсхарда Нордвея?

— В качестве придворного бестиолога, — внезапно предложил он, заставив меня замереть с недонесенным до рта бокалом. — В

качестве гостыи и друга.

Он поднялся с кресла, прихватил тонкий плед, лежащий на приставном табурете, и обошел стол.

— Выбор за тобой, Виталия. — Эсхард накрыл мои плечи мягким пледом и, склонившись, добавил: — Но я хочу, чтобы ты осталась здесь как моя возлюбленная невеста.

По спине и рукам побежали мурашки. После таких слов мужчина непременно целовал женщину. Губы сами собой приоткрылись, дыхание оборвалось. Эсхард был так близко, пах до головокружения чувственно...

Он выпрямился и вернулся на свое место. Нас снова разделил круглый стол, лампы с дрожащим светом, бутылка и тонкий фарфор. Я облизала губы и сделала глоток вина.

— Ты так и не назвал причину, почему я, — напомнила ему.

— А ты так и не рассказала секрет, о котором мне неизвестно.

— У меня есть родинка, — взмахнув бокалом, запросто ответила я. — В форме сердца.

После признания возникла пауза. Эсхард бросил такой пронзительный взгляд из-под ресниц, что под пледом вдруг стало жарко.

— Где?

— Под платьем, — улыбнулась я. Вообще-то, на бедре, но говорить об этом вслух не собиралась.

— И я должен поверить тебе на слово, Виталия?

Я пожала плечами, намекая, что возможности выяснить у него все равно не предвидится.

— Выходит, кое о чем ты все-таки не знаешь, Эсхард. Твоя очередь. Секрет за секрет.

Он взял почти нетронутый бокал, откинулся на спинку кресла и мягко произнес:

— Мне тебя предрекли.

— Кхм. — Я сощурилась, пытаюсь подобрать слова, но ничего достойного в голову не приходило. — Хочешь сказать, что сделал мне предложение, потому что гадалка нагадала? В этом есть смысл?

— Осторожно, госпожа Егорьева. — Он поцокал языком. — Драконы крайне серьезно относятся к пророчествам. Особенно, когда речь идет о благословении кейрима.

— Извини. — Я смущенно поправила на плечах плед. — Но я сторонница официально признанной магической науки.

— Справедливости ради: я решил, что пророчица заговорила, — признался Эсхард и задумчиво усмехнулся: — Но она... действительно видела будущее.

Как бы то ни было, драконы жили традициями и во многом подчинялись инстинктам. Собирали сокровищницы, воровали женщин и верили в предсказания. Варвары, которые просто притворяются цивилизованными.

— Ты в замешательстве, — заключил Эсхард.

— Я верю, что будущее зависит от человека и его решений. Следовать пророчеству — это так...

— По-варварски? — подсказал он с ироничной улыбкой, словно прочитал мои мысли, и перешел на рамеин: — Сокровище придет к тебе в розовом облаке. Ты поделишь с ним традиции, захочешь разрушить камень, его поранивший, и уйти ради него в камень.

— Ничего конкретного, — заметила я. — Просто набор фраз.

— Находишь? — хмыкнул он.

Внезапно перед мысленным взором встал балкон в королевском дворце. Я стояла в розовом пышном платье и вместе с гостем из Хайдеса пыталась пить традиционный северный морс. По спине побежали мурашки. Кажется, я начинала верить в предсказания и тоже становилась немножко варваром.

— Ты мог просто выйти с балкона, — заметила я.

— Да, но было любопытно. — Эсхард развел руками. — Ты оказалась собой, и мне стало интересно. Жениться на женщине, которая вызывает интерес? Я рассчитывал на меньшее, а ты... мне отказала.

— Конечно, я тебя задела, — вздохнула я.

— Нет, Виталия. — Он тихо рассмеялся и покачал головой. — Ты действительно не понимаешь нашу природу, но непременно разберешься, госпожа бестиолог. Своим отказом, ты вызвала желание тебя украсть.

Отчего-то вспомнилась шпилька, которую он вытащил у меня из волос и забрал в качестве сувенира. Возможно, старался справиться с инстинктивным желанием закинуть девицу на плечо, превратиться в дракона и улететь напрямик в сторону Хайдеса.

— Я благодарен, что предсказание все-таки было, — добавил Эсхард. — Оно оставило меня на том балконе. И сейчас мне не хочется разрушать камень, о который ты поранилась. Я хочу сровнять с землей всю гору.

Признание растворилось в тишине. Кажется, даже ветер перестал шелестеть листьями растений, расставленных на балконе. В теплом, мягком свете магических ламп Эсхард выглядел до дрожи красивым. Я влюблялась в него...

До самых покоев мы не проронили ни слова. Абсолютно все, после сказанного владыкой, казалось мелким и незначительным, но за мной был следующий шаг. Его ладонь уверенно лежала у меня между лопатками, я ощущала жар через тонкую ткань.

— Доброй ночи, Виталия, — мягко произнес он, когда мы остановились возле дверей, и опустил руку.

— И тебе хороших снов, Эсхард, — пожелала я, по-прежнему ощущая фантомное прикосновение.

Ни один из нас не сдвинулся с места. Он дал мне много времени на раздумья. Два месяца. Кто угодно разберется в желаниях и чувствах. Я осознала, что выбрала еще там, на балконе, когда вокруг нас в неземной тишине клубилось признание...

— Зайдешь на бренди? — очертя голову спросила я.

Эсхард замер на мгновение. Видимо, решил, что ослышался.

— У тебя есть бренди?

— Нет, — покачала я головой.

— Не искушай меня, Виталия, — вкрадчиво попросил он. — Потому что мне действительно хочется оказаться в твоих покоях.

— Тогда почему мы все еще стоим в коридоре?

Эсхард качнулся ко мне всем телом, обнял горячими ладонями лицо и накрыл губами мои губы. Подавшись к нему, я без смущения ответила на глубокий, чувственный поцелуй. Голова кружилась, дыхание обрывалось, в голове не осталось ни одной мысли.

Не размыкая объятий, владыка толкнул одной рукой дверь. Мы не вошли, а ввалились в покои... и замерли на пороге в абсолютном обалдении.

На диване, сложив ногу на ногу, в компании моего пересмешника восседал Январин Лунецкий! С ополовиненной бутылкой бренди в руке. На полу валялись изорванные листы бумаги.

— Виталия, ты где была? — заплетающимся языком протянул он и сощурился в нашу сторону. — Ты мужика, что ли, притащила? А я ждал тебя, чтобы душу излить!

И Январин был в доску пьян.

— Излить! — восторженно встопорщив уши, передразнил пересмешник.

— Твой художник, — прокомментировал Эсхард и вкрадчиво натянул мне на оголенное плечо сползший рукав.

— С бренди, — со вздохом согласилась я.

— Ох, да ты с владыкой! — наконец рассмотрел этот самый художник и махнул рукой. — Владыка, ты вовремя! Поговорим о бренности бытия и жестокости женщин! Прекраснейшая Данри меня вообще всего отвергла. Полностью! А Илайс, зараза, перешел на чай! Даже бренди разделить в этот черный час не с кем.

— Не с кем! — жалобно протянула маленькая бестия.

— Понимаешь, брат? — Ткнул в его сторону художник бутылкой.

— Брат, — согласился пересмешник.

— Ты меня понимаешь, — всхлипнул Ян, вытирая глаза тыльной стороной ладони.

— Давно вы ведете этот содержательный диалог? — скрестив руки на груди, сухо поинтересовалась я.

— Сначала мы сочиняли грустные стихи, — пояснил он.

— Ты же художник! — напомнила я.

— А художники, что ли, не могут писать стихов? — возмутился он, поднял бутылку над головой, видимо, пытаясь продекламировать что-нибудь из собственных сочинений, но не нарыл в голове ни строчки. — Нет, не помню. Хорошо там написал...

Он свесился с дивана, потянулся за одним из разодранных клочков бумаги и навернулся на пол. Бутылка откатилась на пару шагов, из голышка выплеснулось бренди. Ян затих.

— Он шею свернул? — Я бросилась к художнику.

Доскакать не успела. С пола понесся громкий храп. Пересмешник прижал уши к башке и обвернулся хвостом, словно пытаясь спрятаться.

— Теперь у нас есть пьяный художник, — вздохнула я и посмотрела на растянутого штабелем Яна, представляющего собой храпящее худое тело.

— И неплохой бренди, — приняхавшись к поднятой бутылке, прокомментировал Эсхард.

Вручив ее мне, он легко поднял Яна, позволив бессознательному страдальцу повиснуть на крепком драконьем плече.

— Я сейчас вызову слуг, они его отведут... отнесут в комнату, — быстро проговорила я. — Ты не должен его куда-то тащить.

Эсхард одарил меня таким выразительным взглядом, что спорить перехотелось.

— Куда его поселили? — спросил он, продвигаясь к двери.

Художник что-то бубнил под нос, с трудом передвигая нетвердые ноги. Пожалуй, ничего нелепее, чем владыка, бортующий пьяного парня в кровать, со мной в жизни не происходило. Клянусь, Ян переплюнул даже ректорского сына!

— Понятия не имею, — призналась я и возмутилась, когда Эсхард неодобрительно покачал головой: — Я к нему ни разу не ходила. Ты ведь его не потащишь к себе в башню?

— Спокойной ночи, Виталия, — отозвался он, выволакивая Яна в коридор, и хмыкнул: — Бренди припрячь.

— Ты еще шутить можешь! — проворчала я.

Сегодняшней ночью я спала в компании пересмешника. Мелкий развалился на подушке. Уши от радости светились так ярко, словно горел ночник.

— Потуши фонарь! — цыкнула я и накинула на него одеяло.

Ранним утром, пока дворец только-только просыпался от дремы, я вышла на балкон. Ночные огни уже погасили слуги, но снаружи по-прежнему царили полупрозрачные сумерки. Воздух был прохладным. На острове Вариби, куда не доходило теплое подводное течение Тихого моря, природа мгновенно сдалась осеннему увяданию. Никакой стойкости! Впитала угасание, как ядовитое снадобье, и величественно погружалась в неизбежный летаргический сон.

В Хайдесе осень по-прежнему кралась на цыпочках едва слышно, почти незаметно, осторожно изменяя пейзажи. Вкрадчивыми мазками желтого цвета она разукрашивала морщины на горных склонах. Намакала о своем присутствии острым холодом ночью, сизой дымкой — в предрассветные часы, пожухлыми листьями, незнамо откуда принесенными на балкон. Легкий ветер гонял их по полу, пока я приближалась к балюстраде.

Вчера горничные рассказали радостную весть: утро во дворце снова светлое, доброе и дивное. Парней вернули на внутренний двор! И я вовсе не на них собиралась глазеть, а вдохновляться прекрасным.

Посреди двора, скрестив руки на груди, стоял Эсхард в удобной одежде, определенно предназначенной для активного движения. Тонкая ткань натянулась на сильных плечах. Медные волосы были небрежно завязаны на макушке. Вид и впрямь радовал.

Словно услышав мои шаги, а может, действительно их различив, он поднял голову. Мы встретились глазами, и под ложечкой засосало. Думала, что лучше отряда атлетически сложенных парней по утрам ничего лучше еще не придумали, но мне просто не предлагали полюбоваться на владыку.

— Занимаешься дыхательной гимнастикой? — спросила я, и голос прозвучал в тишине так, словно мы сидели в колодце.

— Тебя жду. — Он улыбнулся.

— Хотел пожелать доброго утра?

— Когда ты в последний раз тренировалась, госпожа бестиолог? — спросил он.

В точку попал!

— Планирую начать с понедельника, — отказалась я.

— Хорошее решение, — согласился он и кивнул: — Спускайся. Сегодня понедельник.

— Точно, — едва слышно пробормотала я.

Вниз вела узкая винтовая лестница, по раннему часу утопленная в полумрак. Пришлось преодолеть множество высоких ступенек и выйти под широкую арку. Я впервые оказалась на внутреннем дворе, выложенном мелкими плитками. Эсхард ждал меня с двумя тренировочными шестами в руках.

— Мне просто любопытно, что ты делал бы, не приди я сегодня насладиться видами Хайдеса? — с насмешкой спросила я, забирая у него шест.

Тренировочное оружие, несмотря на небольшую длину, неожиданно оказалось тяжелым.

— Мы оба знаем, что по утрам ты сюда приходила не ради горных видов, — усмехнулся владыка.

— Было крайне невежливо сознательно лишить меня этого развлечения, — пожурела я и повела плечами. — Надо бы сначала

размяться...

Секундой позже неувловимым движением он шлепнул меня шестом по месту чуть пониже поясницы. Удара я не ожидала и, прямо сказать, возмутилась:

— Ты что, меня шлепнул? Без предупреждения? Где твои манеры, владыка?

Эсхард ухмыльнулся и отошел на некоторое расстояние.

— Разминаюсь, как ты посоветовала.

— Владыка Нордвей, ты будешь выглядеть нелепо, когда окажешься на лопатках, — предупредила я, мысленно прикидывая, как лучше начать атаку.

— Докажи, — подначил он.

Я сделала выпад, цепляясь ему живот, стараясь примериться к скорости. Удар Эсхард легко блокировал. И мы запорхали по плиткам под ногами. Он вел поединок даже не в полсилы, двигался плавно и элегантно. У него не сбилось дыхание, я глотала воздух ртом, а в висках стучала кровь. Моя коса давно растрепалась, из его перевязи не выпало ни одной пряди.

На самом деле бестиологов учат не нападать, а по большей части защищаться и уходить от лап магических тварей. Не позволить себя ранить, заманить в ловушку, на расстоянии использовать разящую магию. В общем-то, уворачивалась от шеста я мастерски. Ни разу не задел!

— Так и будешь бегать? — с иронией спросил он.

— Но поймать ты меня не можешь, — с азартом фыркнула я.

Неувловимым движением он схватился за мой шест и дернул к себе. Я попыталась увернуться, но оказалась прижата к твердому торсу. Большая горячая ладонь забралась под одежду и легла мне на поясницу. От этого по-хозяйски нахального прикосновения в животе запылало. Я выгнулась, прижимаясь к Эсхарду теснее. Слабеющие пальцы с трудом удерживали тренировочный шест. Почти опьянев, я вдохнула терпкий и пряный аромат мужского тела. Голова шла кругом.

— Смотри-ка, попалась, — протянул он.

— Просто поддалась, — промурлыкала я и, встав на цыпочки, прижалась губами к его шее.

Эсхард замер и пробормотал:

— Нечестный прием, госпожа бестиолог...

— Ты не предупредил, что мы боремся честно, — пробормотала я и без зазрения совести легонько провела языком по его губам.

Внезапно владыка разжал пальцы и уронил шест на каменные плитки, признавая поражение. С облегчением я тоже выпустила из рук тренировочное оружие. Оно с грохотом упало нам под ноги.

— Напрасно ты сдался, — прошептала на выдохе. — Я все еще мечтаю увидеть тебя лежащим на лопатках.

— Я тоже... — хрипловато пробормотал он, крепко сжимая мою талию, — не против лечь на лопатки.

— Тогда завтра надо повторить, — отозвалась я, поднимая взгляд к его лицу.

Оказалось, что глаза у владыки потеряли человеческий вид: посветлели, а зрачок вытянулся.

— Мы сегодня еще не закончили, — пробормотал он, накрывая мои губы поцелуем.

Глава 9. Традиции варваров

Подданные не смели беспокоить кейрима, и мы без стеснения пользовались этой привилегией. Эсхард с легкостью подхватил меня на руки. Чувствуя себя отчаянно раскованной, я обхватила его ногами за пояс и прижалась к широкой груди. Разница в росте, казавшаяся значительной, теперь была стерта. Губы находились рядом, а между телами не осталось ни капли воздуха.

Поцелуй был горячим, влажным и настойчивым. Мы оба словно лишились рассудка, и оторваться друг от друга оказалось мучительно. Дрожащими пальцами я провела по скулам Эсхарда, погладила мягкую растительность на щеках. В этом мужчине мне нравилось все, даже борода.

— Доброе утро, Виталия, — хриловатым голосом произнес он.

— И тебе доброе утро, Эсхард, — с улыбкой ответила я. — Тренировка закончена. Мы позавтракаем вместе?

— Не отказался бы...

Он мягко опустил меня на ноги и аккуратно застегнул пуговицу на моей рубашке, прикрыв расползшийся ворот.

— Но? — подняв брови, уточнила я.

— Некрасиво не встретить послов из Авиона.

— Не поспоришь, — со вздохом согласилась я.

Пришло время возвращаться в реальность и начинать новый день. По дороге к покоям выяснилось, что вчера Эсхард действительно притащил художника к себе. Ян едва волочил ноги, рыдал, что драконова аристократка не приняла его пылких чувств, и требовал совет, как жить дальше. Теперь он счастливо храпел на диване в башне владыки, не реагируя на осторожные попытки слуг вернуть его в бренный мир.

— Я приставлю к твоему художнику стража, — объявил Эсхард.

— Зачем? — не поняла я.

— Сегодня во дворец вернется Ярран Элори. Он крайне категоричен в отношении сестры. Мы же не хотим дипломатического скандала? — уточнил он.

— Под «мы» ты кого имеешь в виду? — хмыкнула я. — Лично мне хочется придушить художника. Скажи, это тоже повлечет скандал?

— Однозначно.

— Тогда оставим до Родолесса... — Тут я поняла, что именно ляпнула, и просто махнула рукой, заминая спорную тему: — Приставь охранника. От меня тоже посторожит.

В покоях моего возвращения дожидались служанки, пересмешник, приукрашенный тоненьким ошейником из мягкой кожи, и шкатулка с мазями в баночках из малахита, переданная дворцовым лекарем. Горничные от бестии были в восторге, называли мелкого «вейри»^[1] и без особого пиетета чесали между прижатых к башке ушей.

— Вейри нравится наряжаться, — улыбнулась Иридия, заплетая мне волосы в сложную косу.

Пересмешник между тем яростно, но безрезультатно пытался стянуть ошейник.

— Вижу, — с иронией согласилась я.

С нелегкой жизнью домашнего питомца мелкий начал смиряться, получив за завтраком кусок ветчины. Он громко чавкал, от удовольствия светились уши. Судя по всему, в ветчину бельведер, обреченный называться Вейри, влюбился сразу и навсегда.

Внезапно в покои вломился еще один тяжело влюбленный. Заполошно дыша, взлохмаченный, помятый Ян прижался спиной к двери и просипел севшим голосом:

— Я спрячусь у тебя! За мной гоняется стража владыки!

И пересмешник с радостью повторил за ним слово «владыка». Два раза. Видимо, чтобы не забывали, что Эсхард существует и встречает посланников из Авиона.

— В каком смысле? — искренне удивилась я, не донеся до рта чашку с чаем.

— Хочет меня бросить в темницу! — пояснил Ян.

Широкими шагами он пересек комнату, схватил со стола графин с лимонной водой и большими глотками начал хлебать прямо из горла. Ян выудил двумя заметно дрожащими пальцами лимонный ломтик, обсосал и бросил обратно в воду. Пересмешник от наглости потенциального корма выронил из лап ветчину. Я просто уронила челюсть.

— Виталия, я должен признаться, что попал в крупные неприятности! — с серьезной миной объявил художник. — Сегодня я проснулся в покоях владыки.

— Да неужели? — Отставив чашку с чаем, я откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди.

— Понятия не имею, как там оказался. Проснулся, а комната незнакомая! Думал тихонечко уйти, но этот бугай поджидал! Он меня преследовал и что-то кричал. Я же по их, по-драконьи, толком не научился. Еле ноги унес!

— Другими словами, ты сбежал от собственного охранника, — заключила я.

Возникла долгая пауза. От напряженной работы мысли у Яна дернулся карий глаз.

— У меня теперь есть охранник?

— Личный, — согласилась я.

— Похоже, я забыл больше, чем мне кажется, — начал догадываться он, что вчера страдал всей творческой натурой. — Зачем мне охрана?

— Ну как же... — протянула я и взяла верхний лист из лежащей на столе пожеванной пачки вчерашних стихов. — Прекрасная Данри, улыбку сотри! Сердце не рви... Подожди, что-то не могу расшифровать, что дальше. Ах! На месте замри! Чудесная поэзия. Почерк, правда, отвратительный.

— Это мое? — фальцетом спросил Ян и кашлянул в кулак.

— Ты сказал, что художники имеют право писать стихи, — хмыкнула я. — Специально сохранила для твоих потомков. Здесь еще много прекрасного...

— Остановись, — перебил он и плюхнулся на стул. — Кажется, я должен спросить, как попал в покои владыки.

— На его закорках, — без особого участия подсказала я.

— Нет, я передумал спрашивать, — отказался Ян от подробностей вчерашнего пьяного демарша. — А зачем мне страж?

— Ярран Элори вернулся во дворец, — развела я руками. — Ты пытался соблазнить его сестру.

— Я ее не соблазнял! — поперхнулся воздухом Январин. — Да как можно? Она же моя муза! Невинное, прекрасное создание!

— Но владыка посчитал, что охрана тебе не помешает.

— Может, мне того... — через паузу проговорил он и подозрительно дернул подбородком в сторону окна, словно всерьез подумывал из него выйти вместо двери. — В портал и в Родолесс?

— Увы, господин Лунецкий. — Я пожала плечами. — Деньги за работу от Залесской академии ты уже получил. Придется остаться здесь. Кстати, начинаем через час.

— Какая работа?! — воскликнул он. — У меня сердце болит, жизнь рушится, голова...

— Тоже, я так понимаю, болит, — подсказала я. — Слышала, что с разбитым сердцем прекрасно выходят мрачные картины, а тебе как раз рисовать бестий. Буду ждать в библиотеке.

Я поднялась из-за стола и оставила похмельного Яна переваривать последние новости, а заодно и завтрак, если еда в него влезет. Пересмешник, недолго думая, рванул следом, в мгновение ока взобрался на плечо, наделав зацепок на мягкой ткани у нового платья, и отправился исследовать новый ареал обитания верхом на сильнейшем хищнике.

С Ярраном Элори мы встретились раньше, чем я желала бы. Вернее, я в принципе не хотела с ним видаться, но широкий дворцовый коридор оказался глух к чужим планам. С послом, возвращенным в Хайдес по случаю приезда соседей, мы столкнулись на повороте.

Сопровождали Яррана четверо драконов, поклонившихся мне так низко, что стало неловко. От неожиданности я тоже слегка склонилась в качестве приветствия, чем привела в страшный трепет всех четверых, а заодно пересмешника, вцепившегося в мою косу, чтобы не сверзится на гладкий каменный пол. Внезапно квартет поклонился еще раз. Видимо, у этих мужчин были исключительно крепкие поясницы. Понимая, что сейчас мы так и продолжим заниматься утренней разминкой, пока голова не закружится, я сконфуженно помахала руками.

— Виталия, — растянул Ярран узкие губы в неприятной улыбке, — чудесно выглядите.

Учитывая, что одна щека у меня по-прежнему была расцарапана, прозвучал комплимент насмешкой.

— Как и вы, господин Элори, — отозвалась я. — Свежий воздух родного острова вам явно пошел на пользу.

Выглядел он действительно представительно. Правда, тонкая косица, в последнюю нашу встречу горевшая красным колером, побледнела до грязно-розового цвета. Казалось, ее пытались отмыть алхимическим эликсиром, но разве что вывели яркий пигмент.

— А слухи-то ходили, будто вы поймали кейроба, госпожа бестиолог, — протянул Ярран на рамейне, видимо, чтобы сопровождающие поняли, что господин посол изволит язвить.

— Да, но кейроба на плече не поносишь, — заметила я.

— Значит, работа продвигается успешно, — заключил он. — Времени до отъезда осталось всего-ничего... Бельведера тоже пленили? Премилое создание. Уже дали ему кличку?

— Вейри, — подсказала я.

— Какой у вас тонкий вкус, — похвалил он, покачав головой.

— Горничные назвали.

Пересмешник между тем заметно напрягся и едва слышно зарычал мне на ухо. Я и не догадывалась, что мелкий умеет выдавать такие угрожающие звуки, достойные большой бестии. Ярран предупреждающего сигнала не заметил и с улыбкой потянулся к бестии холеной рукой. Щелкнули клыки, дракон отшатнулся. Остальные отшатнулись за компанию.

— Вы правы, — улыбнулась я, закрыв мелкому ощеренную морду ладонью, чтобы захлопнул пасть, — премилое создание, но проснулось в дурном настроении.

В общем-то, стало очевидным, что пора расходиться, иначе обычно дружелюбный бельведер попытается отодрать у кого-нибудь пальцы. Ярран заявил, что послы прибудут с минуту на минуту, и вместе с сопровождающими ретировался.

Через два часа, когда я уже успела наметить план работы и даже за нее взялась, а пересмешник развлекался поеданием орешков, дверь в библиотеку раскрылась. Думала, что наконец-то Ян пожаловал, но художник своим появлением не осчастливил. В библиотеку вошел Илайс в расшитом кафтане, с идеально гладкими волосами, достающими почти до пояса. Видимо, принарядился специально для встречи с гостями из Авиона.

— Я снова почтарь, — объявил он и, протянув сложенный листок, уселся на стул.

— Читал? — хмыкнула я.

— Конечно, — отозвался он. — Эсхард просит список бестий, которых ты планируешь изучить.

— Он разве не встречает послов? — удивилась я, развернув записку.

— Видимо, послы ему не настолько интересны, — ухмыльнулся Илайс.

Обратно я отправила список из двух десятков бестий, мелких и покрупнее, которых не видела в бестиарии острова Вариби. Через десять минут блондин вернулся с новым посланием.

«Каких бестий тебе интересно отправить в Родолесс?» — подписал Эсхард под перечнем.

Недолго думая, я обвела кружочками особенно интересную нечисть и уточнила:

«Планируешь подарить?»

«Если ты не захочешь на них охотиться», — согласился Эсхард.

— Слушайте, — рыкнул Илайс, плюхнувшись на стул, — я все понимаю, но уже убегался быть вашим почтовым голубем! Может, вы попытаетесь как-нибудь собраться в одной комнате и обсудить все вопросы? Если ты не в курсе, госпожа бестиолог, это называется разговором!

— Почему ты злишься на меня, если гоняет тебя Эсхард? — искренне возмутилась я.

Выпустив пар, он растер лицо ладонями.

— Вообще, я понимаю, почему он тебе записочки шлет. Кейрим Авиона женится. Эсхарду привезли приглашение на брачный обряд.

— Надеялся обзавестись женой первым и теперь недоволен, что его опередили? — хмыкнула я.

— С Эсхарда напряженные отношения с кейримом Риардом, — согласился Илайс. — Три года назад Риард-младший стащил в Хайдесе девицу и женился. Скандал вышел отменный. А пару недель назад в Талуссии он своровал еще одну невесту. Отправился с визитом, вернулся с женщиной.

— В смысле, украл принцессу Талусскую? — охнула я.

— Да если бы! — ехидно хохотнул Илайс. — Он промахнулся и забрал ее учительницу рамейна. Старшему брату приходится жениться вместо младшего.

— Девушка согласилась выйти замуж?

— Кто откажется выйти замуж за кейрима? — вернул мне вопрос Илайс.

Возникла долгая пауза. Мы обменялись выразительными взглядами.

— Видимо, поэтому он не своровал тебя с балкона, мой драгоценный друг, а захотел приручить, — с довольной миной протянул он. — Следить за вашими брачными танцами — сплошное удовольствие. Давно я так не развлекался.

— Господин Илайс, вам пора на выход, — отрезала я.

— Ты со мной даже не посплетничаешь? — фальшиво возмутился дракон.

— Иди. — Я кивнула на дверь. — По тебе послы скучают.

Весь день слова Илайса не выходили у меня из головы. Я работала с книгами, следила за тихим и хмурым Яном, делающим первые наброски бестий, и возвращалась к мысли, что «драгоценный друг» прав. Владыка терпеливо приручал меня, родолесского бестиолога во втором поколении... А в ответ я незаметно приручала его, драконову бестию в таком поколении, что в огромную пещеру едва-едва помещались статуи его предков.

Однако прирученный Эсхард не появился даже в тот час, когда Хайдес накрыла густая темнота. Вместо себя прислал слугу с плоским ящичком. Внутри лежали оранжевые мясистые плоды и записка. Вообще, думала, что владыка решил мне пожелать доброй ночи, но он написал: *«Без танцовщиц»*.

В большом недоумении я разглядывала записку. Отдаляла ее от носа и приближала, пытаюсь уловить тайный смысл послания. Отыскать его не удавалось.

— Послы задержались, — расставляя на столе расписные плошки с острыми закусками, вдохновенно передавала последние новости из жизни владыки и его гостей Лавиния. — Отдыхают с кейримом в дворцовых парных. Наверное, танцорок...

Я перевела на горничную острый взгляд, и она прикусила язык.

— Договаривай.

Набрав в грудь побольше воздуха, Лавиния замерла на мгновение и протараторила:

— Не пригласили. Крыльями клянусь!

— Хорошо, — кивнула я и добавила: — Дыши.

Потом целый час в компании пересмешника вышивала шмелей, с наслаждением тыча иголкой в натянутую на пальцы ткань. Низкий поклон матушке, что запихнула в багаж этот тренажер для успокоения нервов. Целую полосатую кляксу наковыряла, удивляясь вслух, как хитро этот драконов владыка решил себе подстелить соломки! На втором шмеле от азарта ткнула себе в палец иглой.

Когда стало ясно, что пора закругляться с приступом рукоделия, в комнату без стука ворвался Январин. Охранника он оставил бдеть в коридоре, а с собой притащил черную костяную шкатулку, украшенную необычной резьбой.

— Вышиваешь? — произнес он с таким видом, словно мои дивные полосатые кляксы его глубоко оскорбляли.

— Входишь без стука? — буркнула я.

— Мне нужна твоя помощь, с драконами не смог договориться, — объявил художник. — Как только видят шкатулку, начинают вести себя странно.

Отложив пальцы, я забрала протянутую вещицу и подняла резную крышку. В воздух выпорхнуло облако мелкого черного пепла. Помахав перед носом ладонью, я с вопросом посмотрела на Яна.

— Ты все-таки отправил Данри пачку своих стихов, и поэзию спалили?

— Портрет, — признался он. — Я дописал портрет и передал Данри с полчаса назад, а в ответ мне принесли это. Думаешь, она драконьим пламенем в камине сожгла?

— И собрала совочком пепел, — с иронией добавила я и осторожно растерла пепел между пальцами. — Вообще, похоже на прах.

С лица Яна схлынули краски, в разноцветных глазах появилась паника.

— Мне что, угрожают? Ты знаешь, чей это прах? — тонким голосом спросил он и бросил испуганный взгляд на пересмешника, словно проверив, на месте ли мелкая бестия.

Тот в позе звездочки дрых на кровати и не проявлял к художнику никакого гастрономического интереса. В смысле, не передразнивал с видом оголодавшей сиротки. После знакомства с ветчиной Вейри в принципе перестал копировать окружающих. Похоже, решил, что его и так превосходно кормят.

— Видимо, это прах наших спокойных дней, — проворчала я, поднимаясь с дивана, и пошла к дверям.

— Ты куда? — воскликнул Январин.

— Обратимся к справочнику по традициям варваров.

Я выглянула в коридор и застала охранника, рослого, бородатого здоровяка, энергично зевающим от скуки. Бедняга подавился этим самым зевком, когда в его сторону был протянут миниатюрный черный саркофаг.

— Уверена, это не простой дар, — заявила я.

Послание дракон расшифровывал. Оказалось, что моего худосочного художника, умеющего писать нелепые стихи и размахивать кисточками, сегодня в полночь вызвали на поединок. Во имя оскорбленной чести и униженного достоинства невинной девицы! И я едва не подавилась возмущением, немедленно догадавшись, кто именно решил под шумок, пока властитель развлекал послов из Авиона, потрепать нервы моему помощнику. В парилки, что ли, Яррана Элори не пустили, и он не знает, чем развлечься?

— А если он откажется? — уточнила я.

— Покроет себя несмываемым позором, — торжественно объявил здоровяк. — Такой воин никогда не найдет себе достойную пару.

Я скептически посмотрела через плечо на побледневшего Яна.

— Что-то мне подсказывает, что наш воин прекрасно позор переживет.

— Никто не подаст ему руки, никто с ним не заговорит, — страдал страж.

— Собственно, ничего не поменяется, — рассудила я.

— Ему придется покинуть драконовы земли, — словно басовитая, бородатая кликуша продолжал пророчить несчастья парень. — Вашего друга не пустят на порог, перед ним начнут закрывать двери...

— В общих чертах я поняла, — перебила увлекшегося «предсказателя». — Кто-нибудь может заменить его в этом вашем... избиении младенцев?

— Старший брат, — охотно ответил тот. — А если таковым боги ветра не одарили, то отец. Или наставник.

Он был не против еще обсудить тему варварских традиций и какие последуют страшные кары, если Ян не даст себя поколотить, но я уже узнала все, что хотела. Отпустила беднягу отдыхать, иначе

научится спать стоя и с открытыми глазами. Или свернет челюсть от зевоты на опасной службе.

— Что он сказал? — бросился ко мне Ян.

— Ярран Элори вызвал тебя на поединок, — пояснила я. — Можно расслабиться. Владыка отправит послов и приведет подданных в чувство.

— Он вызвал меня на поединок? — Художник словно не слышал, что его вообще-то успокаивали. — Из-за Данри? Я не сделал ничего, что задело бы гордость его сестры! Или он считает меня подлым соблазнителем?! Какое чудовищное оскорбление! Отдай шкатулку, Виталия!

На худой шее выступили красные пятна, на скулах вспыхнул румянец, разноцветные глаза загорелись от ярости. В большом недоумении, наблюдая, как внезапно художник воспылал праведным гневом, я вернула ему костяной саркофаг с пеплом.

— Ты чего раздухарился-то?

— Я принимаю вызов! — заявил Январин, погрозив кулаком. — Хочет поединок? Он его получит! Никто не имеет права обвинять меня в том, чего я не делал!

— И Эсхард ему об этом скажет, — попыталась я утихомирить разбушевавшегося художника. — Ты хочешь дипломатического скандала, господин Лунецкий?

— Защитить мужскую честь и достоинство! — отрезал он. — Кстати, где у меня поединок?

— Если ты не знаешь, где именно тебя планируют избить, то успокойся и выдохни, — посоветовала я. — Выпей бренди и напиши пару стихов. Лучше порисуй! Выплесни гнев на холст!

Возможно, в нем и вспыхнула бы резко потухшая искра разума, но в покои влетела всполошенные горничные. При виде Яна они замерли на пороге и испуганно переглянулись.

— Вы уже знаете, что рейнин посол вызвал вашего художника на поединок, — заключила Лавиния. — Мы случайно услышали, как служанки вайрити Элори шептались.

— Что она говорит? — потребовал перевода этот самый художник.

— Где именно должен пройти поединок? — спросила я у девушек. — Место сбора осталось для нас тайной.

— Так ведь во внутреннем дворе, — растерялись они.

— Ян, — обратилась я к художнику, — тебя ждут во внутреннем дворе.

— Сейчас? — Внезапно защитник собственной чести и поправленного мужского достоинства вновь побледнел. — Немедленно?!

— Готов постоять за себя? — деятельно уточнила я и похлопала его по плечу.

Январин съежился и сглотнул. На худой шее дернулся кадык.

— Полностью.

— Тогда принеси мне шаль из комнаты для переодеваний.

— Зачем? — не понял он.

Запру тебя там, господин Лунецкий. Мне художник нужен целенький и способный завтра сесть за рисунки.

— Побуду судьей, а на улице прохладно, — соврала я.

— А горничные тебе на кой? — возмутился он.

— Для красоты!

Видимо, от страха перед поединком Ян действительно туго соображал. Без лишних уговоров, не чуя подвоха, он вошел в комнату для переодеваний. Я закрыла за ним дверь, повернула в замке торчащий снаружи ключ, а заодно наложила заклятье, чтобы преисполненный жажды мщения художник не смог выбраться.

— Ты в своем уме? — Он принялся долбиться, пытаясь выйти. — Немедленно выпусти меня наружу!

Отряхнув руки от остатков магии, я посмотрела на притихших горничных:

— Последите, чтобы он не выбрался. Пойду спрошу, не случилось ли у рейнина посла помутнение рассудка? Может, его тоже нужно в шкаф запереть.

Главная виновница беспорядка Данри маячила туда-сюда перед балконной аркой и нервно грызла ноготь. Возле колонны со скорбными лицами стояли две служанки. В одиночку благородная девица никогда не ходила, обязательно появлялась окруженная дуэньями, готовыми (по обстоятельствам) жарко поддакнуть или в унисон всхлипнуть. Все трое были одеты в черное, словно заранее приготовились к поминкам известного художника. В тусклом свете магических камней, мерцающих в плосках, выглядело трагично.

— Госпожа Егорьева! — бросилась ко мне Данри. — Вы должны их обоих вразумить!

— А вы почему не вразумили своего брата? — уточнила я.

— Ярран узнал о признании и вышел из себя. Он настроен решительно и меня не слушает! — воскликнула она.

— То есть вы даже не попытались, — заключила я.

— Просто не пускайте туда господина Подлунного! — Она с неожиданной силой схватила меня за локоть. — Лучше умереть в позоре, но в глубокой старости, чем умереть молодым! А где, кстати, господин Подлунный?

Она устремила зоркий взгляд в коридор за моей спиной, словно ожидала, что сейчас облаченный в доспех из этюдника и вооруженный кисточками Ян примчится на битву с ее озверевшим братом.

— Господин Подлунный решил, что лучше вообще не умирать. Ни сегодня, ни в позоре, ни в принципе, — аккуратно освобождаясь от ее руки, проговорила я. — У меня только один вопрос: каким образом ваш брат узнал, что Ян перепутал вдохновение с любовью?

Данри выразительно моргнула.

— Что, простите, перепутал?

— Он художник. Творческая натура! Его постоянно чем-нибудь накрывает. В порыве вдохновения и не такое привидится, — без зазрения совести соврала я. — Зачем Яррану было знать, что с Яном случилась неловкость?

Она передернула плечами и с оскорбленным видом заявила:

— Но я всем делюсь с братом.

— Плохая привычка. — Я указала в нее пальцем. — Просто отвратительная! Пойдемте вместе вразумлять вашего брата.

Практически в потемках я преодолела спуск по высоким ступенькам, неровным и с щербатыми краями. Данри потерялась где-то по дороге. Возможно, только для вида шагала следом, но потом дернула обратно на балкон и предпочла следить за безобразием с безопасного расстояния.

Внутренний двор встречал порывами холодного ветра. Подол тонкого шелкового платья пеленал ноги, не позволяя шагать решительно и широко. Приходилось через раз семенить. Ярран Элори, сложив руки на груди и склонив голову набок, наблюдал за моим приближением. Внушительный и агрессивный, облаченный в одежды

мрачного графитового цвета, дракон ждал появления художника. А дождался меня.

— Он прислал тебя в качестве отступного дара? — со смешком уточнил он.

— Придержи фантазию, я глас разума, — заявила я, останавливаясь на расстоянии двух шагов. — Давай мы сейчас сделаем вид, что вышли полюбоваться на звезды и обсудить особенности драконьих традиций. Вызывать на поединок моего художника столь же нелепо, как потом оказаться размазанным по земле женщиной. В отличие от господина Лунецкого, я владею магией.

— И ни разу ее не показывала, — усмехнулся Ярран, не сводя с меня пристального взгляда. — Эту свою хваленую магию.

— Не соблазняй, — покачала я головой. — Боюсь, потом твоей репутации ничего не поможет. Народ до сих пор вспоминает, как ты повис на шпиле башни.

— Тогда все узнают, из чьего окна я вылетел.

— Очень на это надеюсь! — Я прижала к груди руку. — По древней драконьей традиции я вызову тебя на поединок, чтобы защитить свою честь и гордость. И мы снова приходим к тому, что ты окажешься побитым женщиной.

Возникла долгая пауза.

— Твой художник должен принести извинения, — проговорил Ярран, вняв гласу... откровенного шантажа.

— В ответ ты извинишься перед ним за нелепые обвинения, — предложила я.

Мы обменялись многозначительными взглядами.

— Не надо извинений, но в качестве отступных к свадьбе Данри он распишет своды в тронном зале моего замка, — потребовал жадный дракон.

— Попахивает мошенничеством, — заметила я. — Если я скажу, что ты перепутал мой бассейн с общественными купальнями, в качестве отступных можно потребовать от тебя ловить бестий на южных островах? Ты же разбираешься в местной нечисти...

От негодования у Яррана расширились ноздри, а глаза сузились.

— Пусть он не приближается к моей сестре, — процедил он. — Никаких разговоров!

— Легко! — щелкнув пальцами, согласилась я. — Справедливое требование. Лично прослежу за его исполнением.

И только мы скрепили рукопожатием прекрасную сделку, как сверху заорали голосом Яна, по идее, надежно запертого в гардеробной, как в сейфе:

— Виталия, отходи!

В искреннем изумлении я подняла голову. Перегнувшийся через балюстраду художник с видом безумца вытряхнул из шкатулки прах. В воздухе разлетелось серое облако.

Время словно замедлило бег. Плавно опускались клубы пепла. Ошеломленный Ярран уронил мою руку. Отпрянув на шаг, я подняла раскрытые ладони и спряталась под невидимым куполом, похожим на зонтик.

Секунду спустя наваждение схлынуло, время вновь вернуло привычный ход. Дракона окатило прахом с головы до ног. По магическому куполу надо мной стекали тонкие серые струйки и пачкали подол шелкового платья. Плиточный пол под нашими ногами покрылся тонким слоем мелкой пыли, способной забиться в любую трещину.

Наступила монументальная тишина. Ярран поднял веки и поморгал. Серая пудра осыпалась. На лице появились две дырочки и в них светились желтые змеиные глаза с вертикальным зрачком.

— Я принимаю твой вызов, дракон! — выкрикнул Ян.

Сверху на плитки шарахнулась черная костяная шкатулка и от удара раскололась на мелкие черепки. У меня вырвался неуместный смешок.

Обтерев лицо ладонью, Ярран недобро посмотрел на обнаглевшего противника и оскалился. Мгновением позже он оттолкнулся от земли и, оставляя за собой хвост из праха, подскочил на немыслимую для человека высоту.

— Дракон меня раздери, вы и так умеете... — вырвалось у меня.

Но пока этот самый дракон собирался голыми руками разодрать моего обалдевшего от смелости художника!

Глазом не успела моргнуть, как Ярран схватился за перила. Недолго думая, я смяла купол и швырнула в посла, потерявшего во всех отношениях человеческий облик. Дракон показал удивительное проворство! Мелькнули пятки, Ярран скрылся за балюстрадой, а

заклятье впечаталось в ограждение, оставив заметный след и выбив каменную крошку.

По двору разлетелся хоровой женский визг. Хотелось верить, что Данри в лучших традициях аристократических девиц свалилась в обморок и отвлекла разъяренного брата.

— Не смейте друг друга убивать! Дождитесь меня! — крикнула я и, подхватив длинный подол, рванула в сторону арки.

Винтовая лестница в узкой башне показалась немыслимо длинной. В потемках на последней ступеньке я споткнулась и вылетела из дверей озверевшая не хуже Яррана. Его сестрица и впрямь пыталась лишиться чувств, но как-то бесцельно: она висела на руках у служанки. Вторая горничная энергично размахивала веером, пытаясь привести госпожу в чувство.

— Виталия, они дерутся! — Слабой рукой Данри указала в сторону балкона.

— А ты думала, будут мириться? — выругалась я, пытаюсь перевести дыхание после стремительного бега по проклятуей лестнице.

На широком балконе происходила эпичная хватка! Ян выхватывал из ламп световые камни и швырял в противника, не позволяя тому приблизиться ни на шаг. Правда, меткость у художника хромала, а дракон по-прежнему оставался проворным. Ярран ловко уходил от ударов камнями: крутился вправо и влево, незаметно пытаясь приблизиться.

Яркими вспышками световые голыши проносились в воздухе, перелетали через балюстраду, падали под ноги Яррана. Осколки, отбрасывая тусклое марево, усеивали пол.

Внезапно дракон поймал камень и швырнул обратно. В ответ в его сторону, раскручиваясь вокруг своей оси, пронеслась латунная площадка и врезалась прямоком в живот.

— Дерись как мужчина! — сгибаясь пополам, прохрипел он.

Вообще, я была согласна со взлохмаченным, перепачканным копотью Яном, что от дракона лучше отбиваться сподручными средствами. И художник с этим прекрасно справлялся.

— Господа! — громко проговорила я, заставив обоих повернуть ко мне головы. — Теперь давайте успокоимся и поговорим как цивилизованные люди!

Те переглянулись. Секундой позже Ярран бросился в сторону будущего трупа. Художник, понятно, трупом становиться не планировал. Схватив металлическую подставку с крюком на конце, он выставил оружие вперед и, как бодучий бык, рванул на противника.

— Стоять! — рявкнула я и со сноровкой, вбитой годами охоты на бестий, выбросила вперед чары окостенения.

Воздух дрогнул, световые камни под ногами рассыпались на мелкие фрагменты, волосы обоих дуэлянтов взметнулись. Скандалисты замерли в нелепых позах. Один в выставленной стойкой, похожей на короткое копьё. Второй с вытянутыми руками и растопыренными пальцами, увенчанными черными звериными когтями. Лохмы у обоих торчали вверх, лица скорчились, глаза выпучились. Оно и понятно: заклятье окостенения дышать полной грудью не позволяло.

— Теперь вам полегчало?! — рявкнула я.

В ответ Ян замычал. Подозреваю, нецензурно выбранился. Ярран подать голос не рискнул.

— А я ведь по-хорошему вас попросила, — проворчала я, раздраженно отряхивая с испачканного платья пепел. — Ведь как нормальным людям сказала: давайте вести себя цивилизованно! Нет, пока магией не шарахнешь, никто не успокоится...

— Даже возразить не получается, — прозвучал за спиной низкий насмешливый голос.

Я оглянулась через плечо. Скрестив руки на груди, в дверях стоял Эсхард. Главная злодейка сегодняшнего вечера, просто камень преткновения и хурма раздора, испуганно переминалась за могучим владыческим плечом и громко всхлипывала.

— Владыка Нордвей, неужели вы отвлеклись от банных дел и пришли остановить дипломатическое безобразие? — с неприятной улыбкой спросила я. — Угмоните своих подданных!

— Да вы и без меня с этим неплохо справились, госпожа Егорьева, — ответил он, и показалось, будто между слов прозвучало «угмонитесь уже сама». — Благодарю вас. Объявлять поединок чести, когда во дворце гости из соседних земель — оскорбление для дворца и кейрима.

— А в другое время, выходит, нормально? — едва не поперхнувшись от возмущения, воскликнула я. — Если бы твой... ваш

посол под шумок не устроил этот nepотpeбный цирк в драконьей манере, никто не узнал бы, что у его сестры появился поклонник! А ты... вы не одобряете выбранное время?

— Как кейрим этих земель, я обязан хранить традиции и не противиться, когда им следуют мои подданные, — невозмутимо наблюдая, как я начинаю закипать, ответил он.

— Не пойму, я здесь единственный разумный человек? — ни к кому конкретно не обращаясь, задала я риторический вопрос. — В Родолессе за поединок можно надолго загромоздить застенки!

— Но мы в Хайдесе, — напомнил владыка.

— Прости, что вмешиваюсь, кейрим Эсхард, — влезла в принципиальный спор Данри. — Можно ли вернуть Яррану подвижность?

— Не сейчас! — в один голос рявкнул мы, заставив ее не только примолкнуть, но и попятиться.

— Виталия, согласно нашим варварским традициям, так сильно тебя возмущающим, ты заменила в поединке своего художника и победила, — ровным голосом объявил Эсхард. — Тебе решать, как поступить с проигравшим.

Теперь и Ярран замычал, видимо, пытаясь спорить с владыкой.

— Справедливо говоря, весь поединок я пробегала, — резко поумерив пыл, призналась я.

— Опустим частности, — тихонечко посоветовал Эсхард.

— Чудесно! Я хочу, чтобы господин Элори покинул дворец, — без колебаний решила я и посмотрела на посла, окостеневшего с жутковатым оскалом на перепачканном прахом лице. — Очевидно, что вдвоем с господином Лунецким ему во дворце тесно, а мой художник по-прежнему должен закончить работу над атласом бестий.

— Я принимаю твое решение, — невозмутимо согласился владыка отправить посла в очередную ссылку. — Верни проигравшему подвижность.

— А Яна ты предлагаешь оставить в позе статуи? — недовольно уточнила я.

— Этой ночью он должен подумать о вечном.

Безжалостности, с какой владыка захотел наказать обоих дебоширов, можно было аплодировать. И все моими руками! Какое драконье коварство.

— Подумает о вечном за работой, — отказалась я мучить беднягу.

— Я сказал свое слово, — предупреждающим тоном заметил Эсхард.

— Мне нужен художник, способный рисовать, говорить и ходить, — возразила я. — Ян выпадет из работы на пару недель, а горящие сроки сильно портят мой характер. Сама с собой не могу ужиться.

Мы обменялись многозначительными взглядами.

— Размораживай, — с истинно королевским величием кивнул он, по всей видимости, оценив безрадостные перспективы.

Я аккуратно сняла чары с Яна. Спутанные волосы упали ему на плечи идеально расчесанным шелковым водопадом, стойка выпала из затекшей руки. Он пошатнулся и охнул, с трудом удержав равновесие. За недолгое время тело в неудобной позе затекло.

— Идемте, господин Лунецкий, — позвала я.

— Госпожа Егорьева, — сдержанно позвал меня Эсхард.

— Вы что-то еще хотели? — изогнув брови, уточнила я.

— Расколдуйте моего посла, — со смеющимися глазами напомнил он.

— Совершенно забыла! Такая неловкость! — фальшиво охнула я и резко, без деликатности сорвала с Яррана магические путы.

Из одежды дракона, как из пыльного ковра, вылетело облако праха. Волосы волной упали на спину, звериные когти втянулись в пальцы, глаза вновь обратились человеческими. Он с достоинством выпрямился, но затекшее тело вновь легонько скосило.

— Идите, — обманчиво мягким тоном приказал Эсхард нам покинуть балкон. По всей видимости, посла ждала моральная порка.

С балкона Ян выходил уверенной походкой, по-королевски подняв подбородок. Он остановился возле заплаканной Данри и вкрадчивым голосом, копируя интонации владыки, умеющего сказать так, чтобы любое слово звучало значительно, произнес:

— Госпожа Элори, верните написанный мной портрет. Я его уничтожу лично.

— Как скажете, господин Лунецкий, — передернув плечами, холодно согласилась она.

До самого поворота Ян держался молодцом, но едва мы скрылись от чужих глаз, как он громко охнул, схватился за стену и принялся встряхивать ноги. Одну, другую.

— Как же ноги сводит! — проскрежетал он. — Что за демонские заклятия ты практикуешь?

— Такими ловят нечисть, — спокойно пояснила я. — Зачем ты вылез из шкафа?

— Тесно стало, — буркнул он и добавил: — Я могу за себя постоять... Но спасибо, что вмешалась.

— Пожалуйста, — сухо бросила я. — Надеюсь, на этом твои любовные приключения, господин Лунецкий, закончились, и ты подлечил сердечко, когда бросал в дракона световые камни.

— Ты напишешь об этом инциденте ректору Залесской академии? — осторожно спросил он.

— В отличие от тебя, я в своем уме. И по-прежнему хочу профессорский значок.

Ян вздохнул с облегчением и обтер трясущейся рукой лицо. Теперь ото лба до подбородка тянулась черная полоса, словно он раскрасил себя для маскировки на охоте за нечистью.

— Послушай, Виталия... — позвал он.

— Что еще? — сердито спросила я.

— Можно я за тебя подержусь? — Художник попытался схватить меня за плечо.

— Продемонстрируй силу духа и стойкость, охотник на драконов! — уворачиваясь, отказалась я тащить на себе мужика. — Спокойной ночи.

— Ты оставляешь меня одного? — возмутился он, когда я легкой походкой зашагала по направлению к гостевым покоем. — Даже не проконтролируешь, чтобы я нормально добрался до комнаты?

Я не потрудились ни обернуться, ни притормозить. Вряд ли после разговора с владыкой Ярран позволит себе еще раз напасть на родолесского гостя.

Горничные меня дожидались в покоем. На перебой они принялись объяснять, что запертый пленник вырвался на свободу не по их вине. Замок осыпался песком! Они никогда такого не видели. Нахмурившись, я покосилась на дверь в комнату для переодеваний. Вместо замка зияла неровная дыра, словно проеденная термитами. Заклятье сточило металл и дерево насквозь. Пришлось девушек успокоить, что обошлось без жертв.

Они отправились отдыхать, а я отмылась от пепла. Думала, бесконечно долгий вечер подошел к концу и можно расслабиться. Рано радовалась! Только успела завернуться в халат и просушить полотенцем волосы, как в спальне раздался грохот. Секундой позже в ванную комнату ввалился рычащий Ярран с пересмешником, яростно дерущим его за лохмы.

— Отцепи свою тварь! — с драконьим раскатом проревел он и полетел в бассейн.

Мелкая бестия оттолкнулась от его башки и длинным прыжком, не намочив хвоста, вскочила на раскрытое оконце. Ярран, подняв фонтан брызг, плашмя плюхнулся в воду. Перемахнув через борта, на плитки накатила волна.

Отплевываясь, неожиданный (во всех отношениях) гость вынырнул на поверхность и протер лицо пятерней. Мокрые волосы облепили голову. Вода потемнела от грязи, смытой с его одежды.

— Ярран, я сама ни разу в этот бассейн не залезала, а ты уже дважды выкупался, — складывая руки на груди, проговорила я. — Что тебя привело в середине ночи в мой бассейн?

— Твоя тварь на меня напала и украла родовой кулон.

Я бросила взгляд на бестию. Из захлопнутой пасти у той свисала длинная золотая цепочка. Недолго думая, Вейри вылез на карниз.

— Это не объясняет, почему ты заявился, — заметила я.

— Хотел принести извинения и попросить изменить решение, — проговорил Ярран. — Владыка услышит слова победителя.

— Вон, — сухо прокомментировала я.

— Ты должна выслушать меня! — возмутился дракон.

— Не должна. Я в дипломатии плохо понимаю, но уверена, что переговоры не ведут из бассейнов в женских покоех, — отказалась я от разговора. — Тебе стоило прийти завтра в библиотеку.

— На рассвете я обязан покинуть дворец.

— Ты за это охотно сражался. Вылезай и уходи. — Я сорвала с напольной вешалки сухое полотенце и, приблизившись к краю бассейна, протянула незваному гостю: — Вытрешься и на выход или привычно через окно?

Лицо Яррана изменилось. Глаза стали змеиными, в чертах проявилась резкость.

— Я долго боролся, чтобы связать род Элори с Нордвееми, и ни одна девка не помешает... — проговорил он, но вдруг осекся. Во взгляде на мгновение мелькнула паника.

Понимание, что Эсхард стоит за спиной, прошло насквозь. Я резко развернулась и вдруг почувствовала, как мокрый пол уходит из-под ног. Владыка был в нескольких шагах, но бросился вперед и успел схватить меня за талию. В бассейн мы свалились вдвоем.

Вода оказалась горько-соленой, неприятно холодной и щипала глаза. Наглоталась от всей души, чуть не захлебнулась. Эсхард вытащил меня на поверхность. Я кашляла и не понимала, за что хвататься, кроме него. В смысле, пытаться приструнить подло всплывающий халат или убрать налипшие на лицо волосы. В итоге ни в чем толком не преуспела.

— Поднимись из воды, Виталия, — вкрадчиво произнес Эсхард и стало ясно, что он взбешен. Да просто полыхает от гнева и лучше выскочить в окно, если он начнет плевать огнем. Какое счастье, что в человеческой ипостаси драконы на пламенные фокусы не способны.

— Ты посмел войти в эти покои? — вкрадчиво вымолвил владыка, наступая на Яррана, отчего тот впечатался спиной в ботик. — Посмел плавать в этом бассейне?

Пока я поднималась по ступеням, он дернул посла за грудки. Понять их путанный рамейн уже не удавалось.

— Мой род предан тебе! — внезапно вскричал Ярран.

— Не считай меня слепым! Ты думаешь только о своем возвышении.

Тот что-то еще сказал, за что Эсхард без колебаний его притопил, а, вытащив на поверхность, произнес ледяным голосом:

— Ты лишен права пользоваться порталом и покинешь дворец немедленно.

Озвучивая приговор, он разделял слова и говорил достаточно медленно. Было несложно понять, что в новую ссылку морского дракона отправили по воздуху. Крыльями. Понятия не имею, что тот ляпнул.

Ярран перевалился через бортик и двинулся по краю бассейна. С одежды стекла вода. На сумасшедшую секунду показалось, что он выскочит из окна, как в прошлый раз, но дракон направился напрямик к двери. Когда стало ясно, что затылком владыка его не видит, он

бросил на меня нехороший взгляд. Узкие губы дернулись в злой усмешке. Дверь осталась открытой.

Мы остались одни. Презрев ступени, Эсхард подтянулся на руках и гибко вылез из бассейна. Вокруг немедленно натекла лужа. Не глядя на меня, он начал расстегивать длинный жилет и произнес напряженным голосом:

— Переоденься, Виталия.

Спорить со взбешенным мужчиной — себе дороже. Придерживая мокрый халат на груди, я улизнула из ванной комнаты. Двери в покои Ярран тоже оставил распахнутыми. Думала, что он поджидает меня в коридоре, чтобы шепнуть какую-нибудь гадость, но вокруг было пусто. Позже мне объяснили, что открытая дверь означала обещание вернуться, но тогда я не придала значения этому жесту. Мало ли, может, Ярран боялся не сдержаться и шарахнуть дверьми так, что весь дворец проснется.

Владыка вошел в комнату для переодеваний без спроса и стука. Мокрые вещи валялись на полу, я только успела натянуть белье и оглянулась через плечо. Эсхард был почти обнажен, бедра скрывало длинное полотенце. Просто догадываться, как он хорош под одеждой, насколько четки его рельефы, не равно, как увидеть его вживую.

— Сколько раз он был в твоих покоях? — тихо спросил он, приближаясь ко мне.

— Дважды, — не стала лгать я.

— Ты его приглашала?

— Ни разу. — Я отвернулась и вытащила из ящика комода ночную сорочку. — Ты ревнуешь?

— Нет, — проговорил он и, заключив меня в ловушку, уперся ладонями в край комода. — Я тебе верю.

— Но ты зол.

— Очень, — коротко вымолвил он, едва-едва касаясь губами изгиба между шеей и плечом. От невесомой, почти неосязаемой ласки у меня по спине побежали мурашки, а во рту пересохло. — Позволь мне остаться сегодня.

— А ты собираешься уйти? — прошептала я.

— Нет, — пробормотал Эсхард и внезапно оставил горячий поцелуй у меня между лопатками.

[\[1\]](#) Вейри (рамейн) — в Хайдесе общепринятое обращение взрослых к детям

Глава 10. На краю географии

Мягко собрав пальцами мои влажные волосы, Эсхард обнажил отметины на спине и вкрадчиво спустил с плеча бретельку лифа. Время замерло. Ни один мужчина не видел моих шрамов, никто и никогда к ним не прикасался. Я не лгала, когда говорила, что не стесняюсь этого напоминания о схватке с бестией. Неровные рубцы давно стали частью меня, но некому было показывать. И не хотелось.

— Они совершенны, — прошептал Эсхард.

Сначала я ощутила его дыхание на спине и легкую щекотку от аккуратно подстриженной бороды, когда он прижался губами к шраму. Отметины давно перестали болеть и, казалось, потеряли чувствительность, но кожа вспыхнула. По телу прокатилась волна жара. Ночная сорочка выпала из ослабевших рук. Я судорожно втянула ртом воздух, казавшийся неожиданно плотным и густым.

— Я тебе помогу. Не против? — отведя волосы мне на плечо, прошептал Эсхард на ухо.

Секундой позже он ловко справился с застежкой на лифе. Ненужная вещь упала следом за ночной сорочкой. Эсхард медленно провел ладонями по моим бокам, изучая изгибы тела, а потом резко повернул меня к себе лицом. Мы замерли, с жадностью разглядывая друг друга. Глаза Эсхарда казались шальными, а полотенце не скрывало его желания. Воздуха не хватало, я утопала в жажде обладать этим сильным мужчиной.

— Покажи, где та родинка в форме сердца, — севшим голосом потребовал он.

— Тебе стоит ее найти самому, — предложила я.

Второго приглашения он не ждал: притянул меня ближе и накрыл губы глубоким, лишаящим рассудка поцелуем. Тело охватила лихорадочная дрожь, пульс бился с бешеной скоростью. Эсхард подхватил меня на руки и, толкнув плечом дверь, вышел из комнаты для переодеваний.

Воздух в спальне был прохладным, тем горячее казалось почти обнаженное тело Эсхарда. Он опустил меня на кровать, покрывало приятно холодило спину, но это лишь подчеркивало жар от ладоней

владыки. Полотенце бесшумно полетело на пол, я тоже избавилась последнего клочка одежды.

На мгновение Эсхард замер, посмотрел напряженно и внимательно, словно спрашивая разрешения не осторожничать. В ответ я выгнулась в поясице, призывая его не медлить, и момент соития ощутила так остро, что с губ сорвался стон. Впитывая драгоценные эмоции друг друга, мы не разрывали зрительного контакта. Я не удержалась и закрыла глаза в тот момент, когда без остатка погрузилась в чувственное наслаждение.

Одновременно достигнув финала, мы замерли в последнем объятии. Эсхард сладко поцеловал мои губы и лишь потом, тяжело дыша, опустился рядом. Каждый мой мускул наполняла тягучая истома, я чувствовала себя пресыщенной и счастливой.

Наверное, странно осознать, что влюблена на пике острого удовольствия, но именно так случилось со мной. Я была готова принять прошлое и будущее Эсхарда, хотела остаться с ним навсегда и вместе уйти в камень...

— На бедре, — вдруг произнес он.

— Что?

— Родинка на бедре. — Подтверждая, что успешно отыскал крошечную фигурную родинку, он провел по моей ноге горячей ладонью.

У меня вырвался смешок.

— Когда только успел рассмотреть?

Щекоча дыханием, Эсхард оставил у меня на плече короткий поцелуй.

— Знал бы раньше, что будет именно так, давно бы тебя соблазнил.

— А что ты до этого делал? — не без иронии уточнила я.

— Покорял, — прошептал он, накрывая меня сверху. — И сам покорялся.

Впервые за долгое время я не встала на рассвете, а заснула. Пробудилась, когда покой заливал яркий солнечный свет. Щурясь, проверила Эсхарда. Он спал на животе. Спутанные темные-медные волосы торчали в беспорядке. Сползшая простыня прикрывала обнаженные бедра и ноги. На широкой спине, раскинувшись в позе морской звезды, дрых пересмешник.

Видимо, когда мы все-таки провалились в сон, мелкий воришка чужих кулонов забрался в спальню и инстинктивно выбрал в защитники самого сильного хищника. Этот хищник так крепко спал, что не заметил подселенца.

Ванная комната выглядела так, словно накануне случился потоп. Разве что стены оставались сухими, и в раскрытое окно струилась свежесть.

Едва я зашла в глубокую нишу и встала под горячие струи воды, текущие из лейки в стене, как появился Эсхард. Он не стеснялся своей наготы и при свете дня казался еще привлекательнее.

— А если кто-то войдет? — всполошилась я. — У меня не женские покои, а проходной двор.

— Я заметил, — с иронией согласился Эсхард, оттесняя меня к стене. — Поверьте, госпожа бестиолог, сейчас эта комната самая неприступная во всем дворце.

Новый способ взбодриться вдвоем мне понравился гораздо больше тренировки на внутреннем дворе. В какой-то момент мы так увлеклись, что задели магические символы на стене, и сверху полилась холодная вода. Заметили эту неловкость, когда все было закончено.

— Доброе утро, — с расслабленной улыбкой вымолвил Эсхард, тесно прижимая меня к груди.

— Согласна, отличное утро, — пробормотала я. — Владыка, сделай воду погорячее.

— Слушаюсь, — хмыкнул он. И едва не окатил нас кипятком.

В общем, отличное вышло купание. Я была не прочь начинать с него каждый день.

***

Через неделю Эсхард отправлялся на венчальный обряд кейрима Авиона. По драконьей традиции владыку сопровождала толпа народа: советники с женами, их сыновья, достигшие брачного возраста, и дочери, успевшие обзавестись добрачным портретом. Дворец превратился в шумное место, как в первые дни моего появления в Хайдесе. Сейчас мне было очевидно, что таким образом владыка демонстрировал большое расположение к гостям из соседнего королевства, тогда никто из нас этого не понял.

Между тем я готовилась к отъезду на дальние острова, где водились виверны — бестии, похожие на миниатюрных драконов в

звериной ипостаси. Они плевались огнем! Этот факт приводил меня в неописуемый восторг... Видимо, поэтому Эсхард попросил поклясться на святых банках с матушкиными патиссонами, что я не буду гонять виверн по островам, а с большой благодарностью приму огнедышащую тварь в дар. Сразу готовенькую: с подрезанными крыльями и запертую в клетке.

Заниматься со мной отловом бестий традиционно отправляли «драгоценного друга» Илайса. Он крайне обрадовался приказу владыки, завуалированному под просьбу, и четыре дня делал вид, что мы незнакомы.

— Ты планируешь отправиться на остров Итар? — спросил Эсхард после ужина накануне своего отъезда в Авион.

Забравшись с ногами на диван, я прижималась к нему, ощущала тяжесть руки на плече и чувствовала себя в башне владыки до невозможности уютно. Как дома.

— Академия Итар подтвердила, что ждет нас, — согласилась я.

— Лучше Сарват, — посоветовал владыка.

— Там богаче бестиарий, чем в Итаре? — удивилась я.

— Нет, — коротко ответил он.

— Чаше встречаются виверны?

— На следующей неделе в академии Сарват праздник огня. Мне не придется искать предлог для визита, — проговорил Эсхард.

Я посмотрела на него с недоумением:

— С каких пор владыке нужен предлог?

— Ректор Итара был моим наставником во время учебы, а на Сарвате сейчас твои коллеги, — ответил он. — Я не смогу запросто приехать к своей женщине, если не надел ей обручальный венец.

— На острове Вариби это тебя не смущало.

— На острове Вариби мы не делили спальню, Виталия. Я заботился о безопасности своей гостьи, — схитрил он.

Недавно от своих горничных я узнала, что в южных землях во время ритуала обручения, если таковой проводили, было принято надевать невестам изящный обруч из драгоценного металла. Вообще, девушки поссорились, какой бы именно выбрали, а я пыталась их рассудить. И расцепить, будем честны. Пригрозила отвесить магии, а заодно выяснила особенности драконьей помолвки.

— Эсхард, — я с трудом сдержала улыбку, веселясь из-за его хитрости, — ты снова делаешь мне предложение? Мои планы не поменялись.

Его глаза смеялись.

— Я не прошу менять своих устремлений, но буду счастлив, когда ты согласишься стать супругой мне и матерью нашим будущим детям.

Что ж, он долго наблюдал за мной, чтобы подобрать убедительные слова.

— Я по-прежнему ничего не смыслю в ваших запутанных традициях, — заметила я.

— Ты их успешно осваиваешь, — с тихим смехом ответил он. — На практике.

Не выдержав, я уткнулась носом ему в грудь и рассмеялась от воспоминания об окаменевших противниках: художнике, вымазанном в копоту, и Ярране, вываленном в прахе неведомого животного.

— У тебя есть ответ на все? — хмыкнула я.

— Не сомневайся. И ты можешь снова отказаться, Виталия. — Эсхард легонько поцеловал меня в висок и прошептал: — Но зачем?

С его отъездом огромный дворец словно опустел. Днем Илайс внезапно принес мне послание от ректора академии Сарват. Я еще ничего не успела сделать: написать ему и попросить разрешения приехать, а нам уже согласовали порталный переход.

На следующее утро горничные помогали мне собираться. Я складывала в ручной дорожный сундучок мелочи и все время отбирала у пересмешника то одну вещьцу, то другую. Бестия, как чувствовала, что остается во дворце под присмотром сюсюкающих нянек.

— Вайрити, — позвала меня Иридия, — я нашла в комнате для переодеваний украшение.

— Украшение, — протянул пересмешник, копируя горничную.

Она протянула мне отделанный рубинами шарообразный кулон на длинной цепочке. Внезапно стало ясно, что нашлось родовое украшение Элори, стащенное пересмешником. Передала бы его Данри, но она покинула дворец следом за братом.

Со вздохом я подняла кулон на вытянутой цепочке. Сквозь просветы между драгоценными камнями было видно, что он полый и внутри хранится какой-то эликсир. Нахмурившись, я проверила наверхие. Крышка с петелькой легко открывалась. Снадобье оказалась

темно-красного цвета, без запаха. Налъешь такое в вино, никто не заметит.

Растерев пару капель между пальцами, я покосилась на пересмешника. Он хозяйственно вытаскивал из ручного сундучка баночки с косметическими средствами.

После нападения на Яррана мелкая бестия продрыхла больше двух суток, словно впала в зимнюю спячку, хотя это противоречило всем описаниям в манускриптах о бельведерах. Проснулся пересмешник резко, слегка одичалым и снова начал воинственно копировать горничных. Складывалось впечатление, что он присматривал еду на голодную зиму...

— Убрать кулон в шкатулку? — предложила Иридия.

— Не стоит. Возьму с собой.

Я спрятала украшение на дно ручного сундучка, а когда выходила в коридор, девушки не позволили мне закрыть дверь.

— Вы же еще собираетесь вернуться, — пояснила Лавиния.

В порталную башню я отправилась в большой задумчивости, невольно вспоминая вечер поединка. Ярран якобы пришел мириться, а сам, похоже, хотел подлить в вино сонное зелье и проснуться со мной в одной кровати. Очевидно, что от совместной ночевки мне было не отмыться. И оказавшись изгнанным, напоследок он оставил мрачное обещание вернуться...

Все уже собрались в огромном зале с мраморными стенами и дожидались моего появления. Илайс с художником друг друга подчеркнуто игнорировали. В центре зала стояли дорожные сундуки и завернутый в плотную бумагу, перевязанный бечевкой портрет Данри.

— Ты с ним расстаться, что ли, не можешь? — проворчала я.

— Сожгу, — буркнул Ян.

Они с Илайсом посмотрели друг на друга и отвернулись. Дракон с каменным лицом прихлебнул из термоса травяной чай.

Перед отъездом Элори-младшая вернула портрет. Ян решил символично уничтожить работу в драконьем пламени и подвалил к Илайсу. Без колебаний тот послал «драгоценного друга» жечь картину в камине. Они вдрабадан разругались.

— Может, просто отправишь на остров Элори? — предложила я.
— Пусть сами сжигают.

— Вот еще, — передернул он худыми плечами.

Смотритель объявил, что все готово к переходу. Стражи незаметно с двух сторон прижали Яна мощными плечами. Началось перемещение. От неприятного ощущения невесомости желудок подскочил к горлу. Я прикрыла глаза, стараясь перебороть тошноту.

Через секунду в лицо пахнуло тяжелой, влажной духотой. Мы переместились на остров Сарват, самый жаркий остров южных земель, омываемый теплым течением.

— А ведь сейчас я мог быть в Авионе, — вздохнул Илайс и прихлебнул из термоса травяной чай. — Там чудесная дождливая осень.

В одном из манускриптов о вивернах я читала, что первые двуликие люди, умеющие превращаться в огнедышащих драконов, появились именно на Сарвате. Попав сюда впервые, я была готова подписаться под каждым словом того древнего текста: в такой духоте кто угодно озвереет и начнет плевать огнем. Через полчаса после прибытия нам всем захотелось оказаться в дождливом Авионе.

Солнце пряталось за туманной влажной завесой, нависающей над островом. Из-за сумрачного света погода казалась паршивой, но ни намек на дождь не было. Портальная башня стояла в самом центре академии, разделенной на четыре факультета. Территория утопала в зелени. Сильные текомы опутывали стены невысоких зданий густыми цветущими лианами.

Яна, как и всегда, после портального путешествия тихонечко отбортывали в преподавательский пансион приходить в себя. Воздух в помещениях казался студеным, и его хотелось пить большими глотками. На охлаждающих камнях здесь не экономили, щедро насыпали в широкие площадки, свисающие с крюков в стенах.

Встречу ректор назначил только на вечер. Я успела познакомиться с маленьким скудным бестиарием и его смотрителем. С большой гордостью он показал живущих парами виверн. Передние лапы у этих удивительных бестий были короткими, в остальном они действительно походили на драконов, разве что уступали им размером. А потом смотритель предложил взять у ректора заказ на отлов еще одного кэйроба на острове Вариби.

— Вайрити бестиолог, — обратился он ко мне на рамейне центрального Хайдеса, потому как местный диалект я даже не

силилась понять, — до нас доходили слухи, что вы поймали черного демона.

Я согласилась, что слухи не врут.

— Давайте меняться! — огорошил меня хитрый дракон. — Мы вам пару виверн, а вы нам одного кэйроба. Рейнин ректор одобрит. Правым крылом клянусь!

Он смачно мне подмигнул, скривившись всем загорелым лицом.

— Кейроба отправили в Родолесс, — слегка опешив, почти не соврала я. Черную крылатую кошку готовили к перемещению на следующей неделе.

— Может, нового себе поймаете? — немедленно спросил смотритель. — На Вариби они, говорят, целыми стаями водятся!

Еле отвязалась. За кейроба он едва не посулил мне весь бестиарий, который вообще-то называл своей гордостью. Вместе с местными птицами, случайно залетевшими в вольеры.

С коллегами из Родолесса мы увиделись во время обеда. Встретились как старые друзья, хотя до поездки в драконовы земли друг с друга не знали, да и в Хайдесе ни разу не заговорили.

Профессор истории приехал на остров изучать древнюю цивилизацию и собирал материал для книги. Второй, преподаватель боевой магии, занимался со студентами. Настоящие маги среди двуликих встречались редко, и сила в них просыпалась особенная: огненная. Обычные люди, лишённые второй ипостаси, такой не владели. Он увлеченно рассказал о наставничестве.

— А как у тебя продвигается работа, госпожа бестиолог? — спросили они у меня.

— За месяц основное закончу, — кивнула я.

— Говорят, ты мантикору поймала, — одобрительно заметил историк.

— Кэйроба, — поправила я. — Но похоже на мантикору. Слухи и сюда добрались?

— Мы, конечно, на краю географии, но почта здесь тоже исправно работает, — подколот он. — Приехала за вивернами?

— Планирую отправить пару в Залесский бестиарий, — согласилась я.

— Потом останешься у драконов? — спросил маг.

Замерев с недонесенным до рта стаканом с ледяным травяным чаем, я посмотрела на коллег.

— Да. — Губы сами собой растянулись в улыбке. — Останусь в Хайдесе.

— Не всех бестий поймала? — пошутил профессор.

— Отнюдь, — хмыкнула я. — Уже всех.

Вечером мы встретились с ректором академии. Он оказался в том почтенном возрасте, когда человеческая ипостась уже не скрывала драконью. Зрачки были вытянутыми, над седыми бровями поблескивали золотистые чешуйки. Ни словом, ни жестом ректор не намекнул, что получил приказ от Эсхарда принять нас в академии. Напоследок вручил мне шкатулку, украшенную необычной росписью, видимо, традиционной для Сорвата.

— Владыка Нордвей просил, чтобы я передал вам в руки, — пояснил он. — Сказал, вы интересуетесь.

Поблагодарив, я приняла дар и подняла крышку. На дне шкатулки лежала книга в обложке из золотой кожи с тиснением из геометрических фигур. В самом центре черными литерами красовалось название на рамейне. Сдержать смехок вышло только нечеловеческим усилием воли... Эсхард подарил мне сборник с описаниями традиций южных драконьих земель.

Следующая неделя до праздника огня пролетела незаметно, но спокойной назвать ее не поворачивался язык. Ян заболел! Целые сутки после перемещения он страдал от порталной болезни, а потом подцепил какой-то местный недуг.

Он слег с жаром и собрался помирать. Я попросила Илайса привести лекаря, а сама намочила салфетку в плошке с водой и аккуратно положила на горячий лоб больного. Ян схватил меня за запястье с внезапной для издыхающего силой и пробормотал:

— Так и знал, что умру на чужбине.

— Ян, сейчас придет лекарь и осмотрит тебя, — кое-как освобождаясь от его руки, нравоучительно проговорила я.

— Виталия, я хочу объявить последнюю волю, — просипел Ян.

— Ты серьезно собрался оставить завещание? — вздохнула я и сдалась: — Говори.

— Ты должна выполнить все, до последнего слова! — Он указал слабой рукой на упакованную картину, прислоненную к стене. —

Сожги этот портрет. Непременно! Иначе моя душа не упокоится. Я буду до конца жизни приходить к тебе в кошмарах!

— Давай без драмы, — поморщилась я. — Сжечь портрет. Что-то еще?

— Мои деньги, — отозвался он.

— Ты хочешь, чтобы я стала твоим душеприказчиком? — поморщилась я.

— Верни мои деньги, Виталия! — воскликнул Ян, внезапно подзабыв, что должен изображать предсмертные сипы. — Двадцать родолесских золотых за два рисунка!

После отъезда Данри художник впал в наимрачнейшее настроение. Сутки без еды и сна он выплескивал обиду на бумагу. Заперся в комнате наедине со злосчастным портретом и ожесточенно рисовал виверн и прочую драконью нечисть. Выйдя к белому свету, с большим пафосом он швырнул мне на стол пачку иллюстраций.

— Не надо восхищения. Я просто сделал свою работу, — заявил с высокомерным видом.

Восхищаться оказалось нечем. Во время художественного приступа в нем опять проснулся творец Янгель Подлунный и натворил дюжину бестий, в которых неуловимо угадывались женские черты. Двухголовая ящерица зайфир, скрещенная с «прекраснейшей Данри», выглядела особенно колоритно.

Пару сочных шедевров я решила сохранить для потомков.

— Хорошо будут тебе деньги, — согласилась я. — Только не нервничай, иначе жар сильнее поднимется.

— Сейчас!

— Продам рисунки с аукциона и немедленно все верну.

— И когда это случится? — спросил он и, сдернув со лба влажную салфетку, потряс ею в мою сторону. — Мне уже немного осталось!

— Значит, продам очень скоро. — Я развела руками. — Говорят, после смерти художника рисунки всегда взлетают в цене. Заодно и проверю: врут или нет.

Возникла странная пауза.

— Знаешь, Виталия... — притихнув, Ян снова улегся на подушку, кривовато водрузил салфетку обратно и вытянул руки по швам. —

Лучше на эти деньги каждую неделю покупай свежие цветы и приноси на мою могилу.

— Может, я тебе куплю пару замагиченных гладиолусов в горшках? — предложила я. — Они никогда не завянут. Или хвойное дерево в кадке. Красиво будет смотреться.

— Нет! — с трагизмом в голосе пробормотал он. — Только живые цветы. Ярко-алые розы в цвет моего разбитого сердца.

— Надолго денег не хватит, — заметила я. — Максимум на пару месяцев.

— Продай еще с аукциона портрет, — немедленно предложил он.

— То есть не надо его сжигать? Уверен? Мне несложно выполнить последнюю волю умирающего.

— Да не надо ничего жечь! — снова вызверился хворый, как вполне здоровый.

— Договорились, — согласилась я. — Ничего не палим, все художества сбываем с молотка.

На этой позитивной ноте Илайс привел лекаря. Тот сочувственно покачал головой, заставил Яна задрать рубашку и послушал через трубку впалую грудь. Пощупал что-то на шее и заключил:

— Обыкновенная простуда. На Сарвате с непривычки одноликие часто начинают болеть. На улице жарко, в помещениях холодно, напитки ледяные. Теплое питье, жаропонижающее снадобье и ополовиньте плоски с охлаждающими камнями. Через пару дней вообще забудет, что болел.

— Что он сказал? — Художник испуганно приподнялся на локтях и поймал сползшую на глаз тряпицу.

Между тем я поблагодарила лекаря. Тот пообещал прислать в преподавательский пансион флакон с лекарством и раскланялся.

— Почему он уходит? — От паники у Яна подозрительно заблестели разноцветные глаза, может, собрался порыдать за загубленное на чужбине здоровье. — Почему вы все молчите? Илайс, друг мой драгоценный, не щади меня и ответь! Это все-таки смертельно? Сколько мне осталось? Говори как есть!

— Лет пятьдесят, — хмыкнул тот и, склонив голову к плечу, внимательно присмотрелся к приятелю. — Но скорее поменьше.

— В каком смысле? — не понял Ян и повернулся ко мне. — Я чего, не умираю?

— Господин Лунецкий, у вас банальная простуда, — сухо пояснила я. — Не знаю ни одного человека, который умер бы от насморка.

— Но это драконьи сопли! — воскликнул он. — Они крайне опасны для обычных людей.

— Мы не страдаем простудами, — фыркнул Илайс, так сильно расстроив страдальца, что тот швырнул салфетку в миску с водой, повернулся набок и резко закрылся одеялом с головой. Потом передумал и голову высунул. Видимо, задохнулся.

— Сожгите потрет, — промычал он в подушку. — Выполните последнюю волю умирающего.

— Ты не умираешь, — напомнила я.

— Но умирал, когда озвучивал последнюю волю, — буркнул Ян. — С жизнью прощался!

— Но ты сказал, что сжигать портрет не надо.

Художник подскочил на кровати, резко сел и указал пальцем в дверь:

— Оставьте меня, жестокие люди... и драконы!

Мы с Илайсом охотно согласились дать ему передохнуть и гуськом направились на выход. Утром нам предстояла поездка к старым развалинам в двух часах пути от академии. Возле разрушенного храма видели стаю виверн. Охотиться я, как и обещала Эсхарду, не планировала, но отправляться в леса без привычных ловчих артефактов не хотела. Кропотливые сборы обычно занимали много времени.

— Вы серьезно уходите? — обиделся Ян.

— Открой, когда принесут снадобье, — велела я и кивнула в сторону подноса, прикрытого салфеткой. — И поешь уже. Бульон почти остыл.

Отбывали мы в предрассветных сумерках. Академию накрывала влажная дымка, в тишине разносились скребущие звуки метел. За порядком на территории следили студенты младших курсов и каждое утро подметали потемневшие от влажности дорожки. Вещи до повозки мне тоже помогли донести парни из дежурных. Когда все было готово к отъезду, из туманной дымки выступил бледный как смерть Ян с деревянным этюдником на плече.

— Порисую с натуры, — буркнул он сипловатым голосом.

— Ты вчера с миром прощался, — напомнила я.

Художник одарил меня хмурым взглядом и признался:

— Историк вечером приходил, предложил за деньги порисовать развалины. Набросков сделаю, пока вы за бестиями следите.

— Никогда не подумала бы, что ты воскреснешь ради денег, — искренне удивилась я.

Ян одарил меня выразительным взглядом, закинул в кузов этюдник и забрался сам.

— Что происходит? — уточнил Илайс на рамейне.

— Художник едет с нами, — пояснила я настороженной охране.

Дракон упер руки в бока и склонил голову набок, всем своим выразительным видом намекая, что в их походе даже бестиолог, желающий контролировать охоту, не самый желанный гость, а уж художник и вовсе элемент лишний. И даже вредительский, учитывая, что за ним в дикой природе, в отличие от бестиолога, все-таки надо приглядывать хотя бы одним глазом.

— Я посторожу, пока гений будет творить, — взяла я ответственность за помощника. — Лучше пусть рисует, чем помирает.

— Вы меня, что ли, обсуждаете? — Ян высунулся из повозки и оглядел нас с большим подозрением.

Мы оставили его без ответа и молча забрались в кузов. Добравшись до места, я раздала драконам ценные указания и выдала флакон, чтобы обработали одежду средством, отбивающим запахи. Парни покивали. Илайс похлопал меня по плечу, сказав, чтобы я расслабилась, но не до зевоты, а то надо за художником следить. Сильные взрослые драконы из отборного отряда стражей самого владыки все сделают в наилучшем виде. Волноваться не за что! И начали скидывать одежду.

Один принялся разуваться, второй вылез из рубашки, продемонстрировав татуировку из двух драконьих крыльев на лопатках и четыре шрама от когтей какого-то зверя. Илайс с невозмутимым видом расстегивал многочисленные ремешки на кожаном жилете.

— Вы что делаете? — сухо спросила я, складывая руки на груди.

— Раздеваемся, — подсказал Илайс.

— Это я заметила. Вы в драконов, что ли, собрались превращаться?

— Сейчас шустренько наловим тебе виверн, как кроликов, — самодовольно заявил Илайс и подмигнул мне.

— Охота пройдет впустую, — недовольно заявила я. — Виверны разбегутся.

— Это драконьи бестии, — упрямо заспорил Илайс. — Они всегда выбирают схватку. Готов поспорить, госпожа бестиолог.

— Спорим. — Я протянула руку, требуя закрепить спор по всем правилам.

— На услугу, — не пожелал пойти на попятный дракон.

Мы заключили честное пари. Молча я следила, как трое здоровяков прячутся в кустах. Через некоторое время раздался хруст веток, закачались деревья и вверх один за другим взмыли три дракона, а мне-то почему-то всегда казалось, что для старта им необходим как минимум обрыв. Шелестом крыльев, громким треском деревьев и рыканьем (для меня плохо объяснимым) они заранее обрекли нас на возвращение с пустыми руками.

Два часа я следила за тем, как они бесполезно кружили в небе, ныряли к земле и снова поднимались на высоту, пытаясь высмотреть внизу виверн. Ян между тем с самым серьезным видом, отрешившись от происходящего вокруг, покрывал быстрыми штрихами листы бумаги. Наброски полуразрушенных стен и, видимо, в прошлом высокой, а теперь фактически рухнувшей башни выглядели удивительно реалистичными.

Ничего не предвещало беды. Драконы красиво летали, художник талантливо рисовал. Я широко зевала от скуки.

— Виталия, — внезапно напряженным голосом позвал Ян. — Кажется, у нас проблема.

— У нас три проблемы, — поправила я, неотрывно наблюдая за разномастными неудачниками в небе. — И все три сейчас летают.

— Эта тоже летает, но не сейчас... — голос художника сорвался.

Я оглянулась через плечо и замерла, обнаружив, что из зарослей высовывается дракон, в смысле, подобие дракона размером с ослика. Передние лапы были продолжением крыльев. Бестия выбралась на мощных задних лапах из зарослей, и за ней потянулся длинный хвост.

— Она нас попытается съесть? — спросил Ян.

— Вряд ли, — отозвалась я и плавным движением содрала с пояса металлический шарик с ловчей сетью. — Скорее спалить. Не делай

резких движений, никаких громких звуков...

— Я хочу чихнуть, — промычал художник.

— Потерпи, — негромко скомандовала я, аккуратно перемещаясь.

Схватка вышла короткая. Виверна открыла пасть и выдохнула из глотки басовитый громоподобный рык, взорвавший окрестности. Следом в нашу сторону вылетел шар пламени. Я бросилась к Яну, чтобы сбить его с ног, но он без лишней помощи проявил большое желание выжить и отскочил в сторону. Этюдник растворился в огне, окрестные кусты вспыхнули, листва на деревьях оплавилась.

Сверху прокатился драконий рев. Должно быть, трое бравых парней заметили с воздуха виверну и рванули на помощь. Тварь осознала, что горелым запахло во всех смыслах, и попыталась скрыться в зарослях. Я едва успела швырнуть ловчий артефакт.

Сеть раскрылась, захватывая бестию. Бестия еще успела втянуться в кусты и свалилась, с треском приминая побеги. Чем яростнее она сопротивлялась магии, тем сильнее сдавливало заклятье. Кончик длинного хвоста перестал трепыхаться. Виверна сдалась.

— Ян, можно чихать, — повернулась я художнику.

Тот успел подняться на ноги. Одежда была перепачкана, с волос упала перевязь. Зато Январин выглядел мрачным и решительным, словно собирался затащить виверну в повозку на собственной хребтине.

— Больше не хочется, — сухо отозвался он и отряхнул испачканную рубашку.

— А ты меня поразил, господин Лунецкий, — искренне восхитилась я. — Думала, что в обморок упадешь. Посмотрим, кого мы поймали?

С неустрашимым видом, как настоящий ловец, Ян устремил взгляд в сторону примятых обездвиженной виверной кустов, закатил глаза и без сознания свалился на почерневшую траву.

— Но можно, конечно, и не смотреть, — вздохнула я.

Доставленная по воздуху бестия от заточения сходила с ума и не думала покоряться. Она пыталась выбраться из вольера, бесилась из-за колючей магии, отделяющей ее от свободы, и плевалась пламенем. Огненные клубы барьер тоже гасил. Проведав будущий дар Родолессу, я направилась к выходу из бестиария.

Солнце село и остров накрыли ранние сумерки. Под стеклянными колпаками в фонарях постепенно разгорались световые камни. В потемках они ярко сияли и перегорали к рассвету, а ранним утром их меняли.

Эсхард возник на аллее как будто из ниоткуда. Я глазам своим не поверила! Он появился на острове раньше, чем планировал, сейчас был в полном одиночестве и направлялся мне навстречу. Невольно притормозив, я широко улыбнулась и не поняла, как сорвалась с места. Подбежав вплотную, запрыгнула ему на руки и крепко обняла за шею. Надеюсь, никто не видел, с каким удовольствием мы целовались.

— Как ваши дела, госпожа бестиолог? — протянул он.

— Теперь превосходно, — промурлыкала я.

Кейрима и остальных гостей ждали только следующим утром, но с рассвета академия готовилась к празднику. Как и было принято на Сарвате, территория вспыхнула оранжевыми, в цвет пламени, стягами и красными резными фонариками. На маленькой площади перед ректоратом установили широкую и глубокую чашу для огненного ритуала. Как объяснил профессор истории, в магический огонь бросали записки с желаниями, соломенных куколок для избавления от болезней, а на удачу сжигали всевозможную мелочовку.

— Есть еще одна любопытная традиция, — вдохновенно продолжал он, пока мы неторопливо направлялись в преподавательскую столовую. — В древности во время праздника огня драконы часто воровали невест. И никто их за это не осуждал! Говорили, что ради замужества на остров свозили невест.

— Владыка Авиона женился на украденной его братом женщине, — заметила я.

— В каком веке это случилось? — искренне заинтересовался профессор.

— С неделю назад, — со смешком отозвалась я.

Обед историк жевал с задумчивым видом, словно пытался переварить новость, что цивилизованные драконы по-прежнему следуют варварским традициям.

В общем, принаряженная академия планировала утром торжественно встречать кейрима и прочих гостей из других академий, зажигать ритуальный огонь в чаше, проводить магические состязания. Насколько я слышала, подготовили большую программу по

чувствованию дорогого гостя! А он явился накануне вечером. Страшно представить, какой случился переполох.

— Когда ты приехал? — спросила я.

— Около часа назад. — Он со смешком вытащил шпильку из моего сползшего на ухо пучка и протянул мне. — По-дружески попросил ректора сегодня не устраивать шумиху. Хочу провести с тобой спокойный вечер. Велел накрыть нам ужин в гостевом доме.

Незаметно сгустилась темнота и загорелись алые фонарики. Казалось, будто в воздухе от прохладного ветра колыхались огненные всполохи. Пространство наполнилось фигурными тенями в виде драконов. Мы неторопливо вышли из бестиария и окунулись в густую тень аллеи, ведущей к учебным зданиям. Людные места, где обычно любили по вечерам собираться студенты, пришлось обходить.

— Кстати, тебя ждут новости из Родолесса, — заявил Эсхард.

— От ректора Крована? — удивилась я.

На последний отчет, отправленный уже с острова Сарват, он честно ответил, что не понимает, почему все бестии запретных южных земель дышат пламенем.

— От него, — согласился Эсхард с довольной улыбкой. — Как виверна, которую вы поймали, госпожа бестиолог?

— Дикая и злобная. Видимо, мне попался местный кейрим, — пошутила я. — Поездка в Авион прошла благополучно?

— Искренне сожалел, что не мог взять тебя с собой, — ответил Эсхард. — Мне тебя не доставало.

— Зато я почитала на ночь интересную книгу о драконьих традициях. Познавательное чтение, но кое-то мне осталось непонятным.

— Знания хранителя наших традиций в твоём распоряжении, — подыграв мне, кивнул владыка.

Вообще, больше всего меня развеселило, что он проштудировал собственный фолиант и аккуратно подчеркнул некоторые строки. Видно, что корпел не один час. Традиции, которые Эсхард отметил, оказались свадебными.

— У драконов во время брачного ритуала принято совершать совместный полет, так? — неторопливо шагая по направлению к гостевому дому, одноэтажному зданию с черепичной крышей и ярко

горящими в темноте окнами, принялась рассуждать я. — Если невеста однолика, как вы выкручиваетесь?

— Виталия, — вдруг мягко позвал Эсхард, и я удивленно оглянулась, обнаружив, что он притормозил, — ты говоришь о свадьбе?

— Да, — согласилась я.

— Традиционной свадьбе.

— Разве свадьба по-родолесскому канону возможна?

— Невозможна, — согласился он.

Возникла пауза. Губы Эсхарда тронула улыбка. Глаза в алом свете огненных фонариков отчего-то казались рыжими. Он сделал пару шагов, остановился и велел:

— Подойди ко мне.

Нас разделяло незначительное расстояние. Владыка уже ступил мне навстречу. Сумел бы он сделать эти два шага летом, когда мы только-только познакомились на балконе королевского дворца? Вряд ли.

Я приблизилась.

— Ты просишь на тебе жениться? — спросила он.

— Да, — легко согласилась я. — Предлагаю забрать мои руку и сердце.

Эсхард протянул раскрытую ладонь:

— Дай мне свой носовой платок.

Внезапный финал.

— Рука и сердце не нужны?

— Ты нужна мне вся, но сначала платок.

В легком замешательстве я сунула руку в карман брюк и вытащила мятый, как пожеванный, лоскут с полосатым шмелем в каждом уголке. Три дня самозабвенно вышивала, пока сидела в родовом поместье и успокаивала нервишки.

— Он чистый, просто измятый. — Я встряхнула свое произведение рукодельного искусства и сложила аккуратным квадратиком. — А зачем он тебе?

— Когда женщина дарит мужчине платок, она дает понять, что готова на брак, — пояснил Эсхард, забирая у меня платок.

Невольно вспомнилось, как Данри скромно всучила владыке шкатулку с вышитым безобразием, в смысле, с красиво вышитой

шелковой тряпицей. Какое драконье коварство!

— Ты будешь его хранить? — наивно уточнила я, мысленно умилившись такой поистине трогательной традиции.

— Сожгу, — объявил Эсхард.

— Ты собираешься спалить платок со шмелями, вышитыми вот этими моими руками?! — Я даже потрясла перед ним руками, выражая крайнюю степень возмущения.

— Хочешь сказать, что это и есть твои знаменитые шмели? — удивился Эсхард, присмотревшись к вышивке. — Почему они напоминают полосатые пятна?

— Владыка Нордвей, вам не хватает воображения! — рассердилась я. — И такта! Верните немедленно!

— Когда дракон сжигает в ритуальном огне подаренной женщиной платок, он заявляет, что нашел себе пару, — спокойно пояснил Эсхард.

Возникла странная пауза.

— Хорошо, жги, — милостиво согласилась я. — Но дай мне свою сорочку.

— В Родолессе тоже жгут вещи, когда соглашаются выйти замуж? — озадачился Эсхард.

— Шмелей на манжетах вышью! — проворчала я. — Платок — самый первый эксперимент. Сейчас уже рука набита. Мои шмели больше не похожи на полосатые пятна... Теперь они похожи на кляксы.

— Я с благодарностью приму твой дар и буду носить рубаху в полосатых кляксах, — серьезно кивнул он.

— И с усиками!

— В полосатых, усатых кляксах, — согласился Эсхард, и меня разобрал смех.

Перешучиваясь, мы дошли до гостевого дома. С самого утра возле каждой входной двери на территории академии на высоких металлических подставках установили плошки с угольками. Днем они источали розоватый дым, а с приходом темноты по горячим головешкам затанцевали ласковые язычки замагиченного пламени. По словам всезнающего профессора истории, этот огонь отпугивал злых духов и дарил дому счастье.

Возле каменных ступенек Эсхард подхватил меня на руки. Удивленно охнув, я обняла его за шею и вопросительно посмотрела в лицо.

— Спасибо, — вымолвил он.

— За что? — улыбнулась я. — Ты мне даже еще рубаху не дал.

— Ты спрашивала о брачном танце драконов во время свадебного ритуала? — напомнил владыка. — Обещаю, что мы непременно будем летать вдвоем. Всегда. И ни дня не станем об этом жалеть.

— Даже если тебе до конца жизни придется ходить в рубахах с полосатыми кляксами? — пошутила я.

— Я буду носить их с гордостью, — поднимаясь по ступеням, пообещал он.

Секундой позже дверь перед нами сама собой отворилась. Из большой, просторной комнаты выплеснулся яркий свет. Сквозь дверной проем на нас смотрело торжественное собрание из седовласого ректора, преподавателей и Илайса, волосы которого после полета за вивернами окрасились синими прядями.

Изумленные встречей, мы дружно замерли. Похоже, просьбу организовать трапезу ректор воспринял как приказ быстренько собрать ужин для административного состава... Тихий, непритязательный ужин всего-то на дюжину человек.

Эсхард невозмутимо опустил меня на ступеньки и произнес:

— Госпожа Егорьева, на завтрашнем празднике будьте моим особым гостем.

— С удовольствием, владыка Нордвей, — согласилась я.

От неловкого вечера в большой компании удалось отказаться. По почти незаметному кивку владыки Илайс отправился меня провожать. По дороге он лениво поинтересовался:

— Эсхард взял у тебя платок?

— Ты за нами подсматривал, что ли? — хмыкнула я.

— Нет, у него из кармана торчала тряпка с полосатыми пятнами.

Я слышал, что ты недавно терзала вышивку.

— Много ты понимаешь в родолесских узорах, — проворчала я.

Через час в комнату постучались. Один из стражей, сопровождавших меня в путешествии на Сарват, принес записку: «Освобожусь через полчаса». Вскоре парень появился вновь с очередным посланием: «Придется подождать».

Ближе к одиннадцати вечера умотанный охранник опять возник на пороге. «Будь мы женаты, поселились бы вместе!» — ругался Эсхард, и в каждом слове словно звучал возмущенный драконий рык. Видимо, поток визитеров не иссякал и, несмотря на поздний час, владыку продолжали чествовать.

— Аргумент, — согласилась я и отправила со стражем ответную записку, в которой пожелала Эсхарду доброй ночи.

Разбудил меня тихий, но уверенный стук в дверь. Приподнявшись на кровати, я нащупала на тумбочке карманные часы и поднесла к глазам. Шел второй час ночи. Время для визитов или даже записок было несколько неурочное. Преподавательский пансион давно погрузился в тишину. В ночнике практически заснул и еле-еле теплился огонек.

Открывая дверь, я ожидала увидеть стража с выражением «понять и простить» в несчастных драконьих глазах, но за порогом стоял не посланец с письмом, а Эсхард. Выглядел он хмурым и измотанным. Видимо, совсем умаяли благодарные подданные.

— Ты что здесь делаешь? — с искренним удивлением прошептала я, пропуская его в комнату.

— Пришел к тебе спать, — объявил он и действительно начал расстегивать расшитый серебряной нитью жилет. — Нам не дали провести вместе вечер, но заснуть вдвоем никто не помешает.

— Как ты это объяснишь...

— Кому? — спросил Эсхард, бросив на меня снисходительный взгляд, и стянул через голову рубашку.

— Да действительно, — пробормотала я, наблюдая, как он небрежно повесил одежду из дорогого полотна на крючок в стене. — Зачем тебе что-то объяснять? А чтобы приехать на Сарват искал предлог. Признайся, что хотел попраздновать вместе.

— Разгадала, — усмехнулся владыка.

— У меня очень узкая кровать, — предупредила я.

— Идеально, — отозвался он. — Теснее прижмемся.

— И скрипучая.

— Еще лучше, — вымолвил Эсхард. — У меня был долгий день. Мы прижмемся и не будем шевелиться.

Как ни странно, я спала, как младенец. На рассвете, пока академия не проснулась, заставила его уйти со словами:

— Если ты выйдешь из этой комнаты, и кто-то увидит, получится неловко...

По сумрачному коридору, похожий на призрак сто лет назад умершего безумца, с красными от недосыпа глазами брел Ян. Деньги с профессора истории он взял заранее, а теперь двое суток рисовал по памяти старые развалины. Память художника, по всей видимости, сильно подводила, иначе давно бы закончил.

— Доброе утро, господин Лунецкий, — с достоинством поздоровался Эсхард и спокойно направился к выходу.

— Владыка приехал и в такую рань сразу пришел к тебе? — удивленно спросил Ян, когда мягко закрылась входная дверь и мы остались одни в утренней тишине. — Что-то случилось?

Последние пару недель он так упивался страданиями, что единственный остался не в курсе наших отношений с кейримом, хотя во дворце мы даже не пытались скрываться.

— Или он здесь ночевал? — недоверчиво уточнил художник. — Ему нормальной комнаты, что ли, не досталось?

— Тебе стоит лечь спать, Ян. — Я похлопала его по плечу. — Начало праздника в полдень, ты успеешь выспаться.

Делегации из других академий начали появляться в Сарвате с раннего утра. Портальная башня гудела от переходов, над ее куполом висело розоватое марево. Народ прибывал, и обеденный зал в преподавательской столовой был непривычно переполнен.

— Виталия, ты определенно должна это увидеть! — воскликнул профессор истории, едва я уселась за стол. — Статья стоит внимания.

Он протянул мне газетный лист «Новости Родолесса». На последней полосе рядом с ежедневным гороскопом было размещено крупное объявление в жирной черной рамке, отчего складывалось впечатление, что опубликовали некролог.

Если подумать, и впрямь некролог! О похороненной репутации ректора Залесской академии. Крован приносил глубочайшие извинения некой «госпоже преподавательнице» за все доставленные его сыном Евгением неприятности.

Три раза перечитала и едва не попросила у историка лекторские очки. Однако крупные литеры можно было разглядеть, даже если держать газетный лист на вытянутой руке. Я подозревала, кто именно настоял, чтобы ректор сдержал обещание и извинился публично.

Наверняка об этом ему вежливо напомнили со звучащим между строк драконьим рыком.

— Ты в курсе, о ком идет речь? — искренне заинтересовались коллеги.

— Нет, — с трудом подавив ухмылку, заверила я. — Но зная Крована-младшего, могу с уверенностью сказать, что его отец легко отделался. Я заберу газету, не против?

Делиться профессор, похоже, не хотел и вчетверо сложенный газетный лист, спрятанный в мою сумочку на поясе, проводил печальным взглядом.

***

К назначенному часу студенты, преподаватели и гости академии начали собираться на площади перед ректоратом. Добудиться Яна не удалось, Илайс не явился, видимо, оставался с владыкой, и из преподавательского пансиона я вышла одна.

Эсхард преспокойно стоял на дорожке, заложив руки за спину, и даже бровью не вел, когда верноподданные начинали ему низко кланяться. Всех встречал сдержанным кивком. Охрана стояла в сторонке с самым грозным видом, словно владыке могла угрожать опасность. Полагаю, взял-то просто для вида.

— Надеюсь с тобой позавтракать, — вымолвил он, когда мы неторопливо зашагали к площади, приводя в трепет окружающих.

— Тебя чествовали, — напомнила я, что владыка был крайне занят. — К слову, увидела последние новости из Родолесса.

— Добрые? — с иронией в голосе уточнил он, прекрасно понимая, о чем именно идет речь.

— Скорее поразительные. Не думала, что ректор Крован окажется человеком слова, — со смешком прокомментировала я. — Представляю, с каким удовольствием он подпишет мое второе прошение об отставке.

— Вряд ли он надолго останется на своем посту, — невозмутимо предположил Эсхард.

— А я-то думаю, почему его ответ на последнее письмо был на редкость корректен, — пошутила я.

— Заниматься воспитанием студентов должны достойные люди, — добавил владыка.

Через некоторое время на балконе ректората мы наблюдали, как два достойнейших ректора драконьих академий, Сарвата и Вариби, ненавидели друг друга с таким старанием, что становилось неловко. Про дипломатию эти двое явно не слышали. С дружелюбными улыбками, сразу видно, что сто лет знакомы, они беспрестанно обменивались гадостями.

Дэйрат Эфрим между делом похвалил стяги, но заметил, что они свисают точно застиранные полотенца. На что ректор академии Сарват в подробностях рассказал всем присутствующим, как в прошлом году на Вариби во время какого-то островного праздника хлынул ливень, и из-за шторма водные состязания пришлось отменить. В общем, они с удовольствием припоминали все случившиеся в прошлом провалы.

— Вайрити Егорьева, я еще не говорил, но вы сегодня чудесно выглядите, — по-драконьи улыбнулся Эфрим.

— Воздух Сарвата живителен, — вставил противник. — У нас в последнее время стоит чудесная погода! И бестии ходят табунами.

Я слабо улыбнулась, промолчав, что ношу в кармане мешочек с каменной охлаждающей крошкой. Маленькая хитрость, которой меня научил смотритель бестиария, помогла переживать тяжелую духоту.

— Что происходит? — едва слышно спросила я у Эсхарда, позволявшего этим двоим с аппетитом друг друга грызть.

— Соперничают, — пробормотал он.

О легендарном противостоянии мне с большой охотой тихонечко рассказал Илайс. Длилась борьба за звание лучшей академии южных драконовых земель много лет, неприязнь передавалась каждому следующему поколению студентов, и руководство от подопечных не отставало. Если находили повод поспорить, то непременно устраивали перепалку. Если такового не было, то обязательно отыскивали и все равно грызлись.

— Почему они обсуждают меня? — возмущенно шептала я, когда ректоры принялись хвастать присутствующим, как лихо родолесский бестиолог пополнила бестиарий Залесской академии парочкой страшных чудовищ.

— Они не слепые, — с ухмылкой отозвался он. — Выслуживаются.

Эсхард объявил, что пора начинать праздник. Разговоры мигом потухли. Когда он приблизился к балюстраде, толпа внизу тоже

постепенно смокла: волной прокатился гул голосов и наступила тишина. Владыка говорил спокойно и размеренно, площадь с благоговением ловила каждое слово. Я поймала себя на том, что не могу отвести от него взгляда и, возможно, со стороны выгляжу зачарованной.

— Теплого ветра нашим крыльям! — в конце добавил он. — Да начнется праздник.

К широкой ритуальной чаше приблизился высокий парень в традиционном костюме. В его длинной светлой шевелюре даже на расстоянии были видны ярко-красные тонкие косички. Я давно заметила, что после обращения во вторую ипостась у драконов появлялись цветные пряди.

— Лучший студент нашей академии, — прокомментировал ректор Сарвата. — Очень талантливый дракон! Из огненного рода Родриков.

— Он тебе внучатый племянник? — немедленно отреагировал Эфрим. — Или двоюродный правнук?

Могу поспорить, змеиное шипение, прозвучавшее в тишине балкона, принадлежало почтенному седовласому дракону, но все сделали вид, что ничего не услышали.

Между тем на раскрытой ладони парня, открывающего праздник, затанцевал огонь. Несмелый язычок выглядел почти прозрачным, но стоило тонкой мерцающей струйке перетечь в чашу, как под одобрительные крики толпы в небо вырвался столб оранжевого пламени. Когда гудящий фонтан достиг балюстрады, Эсхард мягко положил руку мне на поясницу и не позволил отшатнуться.

Огонь замер на уровне перил и резко опал, через край чаши выплеснулись и потекли мерцающие струи. Потоки касались земли, но гасли, не оставляя следов. На дне ритуального сосуда расцвел крупный алый цветок с мягкими лепестками. Пространство взорвалось аплодисментами. Праздник начался!

Внезапно среди ликующей толпы я заметила Яррана Элори. Он держался за спинами студентов, но внимательно наблюдал за тем, что происходит на балконе.

— Посол Элори тоже приглашен на праздник? — спросила я Эсхарда, когда мы скрылись в помещении. — Мне показалось, что я видела его на площади.

— Ярран остается главой семьи. Он имеет право появляться на дальних островах, но лучше ему здесь не задерживаться, — спокойно ответил владыка, но Илайсу что-то шепнуть не забыл.

Весь день я оставалась рядом с Эсхардом и участвовала в традиционных ритуалах: с выпускницами академии бросала в чашу записки с желаниями, открывала магические соревнования между Вариби и Сарватом, сидела во главе стола на шумной трапезе в студенческой столовой. Ни на секунду этого долгого и насыщенного праздника меня не покидало ощущение, что владыка только планировал объявить о женитьбе, а я уже всю выполняла обязанности супруги. И никого из уважаемых драконов, нас окружающих, этот факт не смущал.

Заканчивалось действо в темноте красивым обрядом. Студенты с факелами большим шествием обходили академию. Считалось, что огонь приносит мир, спокойствие и сжигает проклятия. Когда мы все вышли на площадь, я внезапно обнаружила Яна, размахивающего факелом с таким усердием, что диву дашься.

— Ты где был? — спросила я.

— Проспал весь праздник, — обиженно пробормотал художник и сунул факел в кольцо металлической стойки. — Решил, раз пропустил веселье, так хоть удачу призову.

Мы посмотрели друг на друга и примолкли. Оба оказались одеты в голубые одежды традиционного кроя. Я-то на Сарват ради праздника прихватила платье. Оставалось загадкой, откуда драконий костюм взялся у Яна.

— Илайс поделился, — буркнул он и поправил жилетку, трогательно съезжающую с узкого плеча.

К закрытию толпа празднующих заметно поредела. Студенты с факелами стояли широким кольцом вокруг ритуального огня. Наступил момент, когда драконы могли бросить в чашу платки и объявить, что нашли пару.

Никто не выходил, все переглядывались и ждали. Площадь наполнилась тихими разговорами. Когда к чаше с достоинством и непередаваемым внутренним спокойствием шагнул Эсхард, у меня остановилось сердце. Подданные кейрима ошеломленно примолкли.

В благоговейной тишине он бросил знакомый лоскут с полосатыми пятнами, призванными изображать шмелей. Вверх

взметнулись и танцевали искры. Дракони́й народ восторженно охнул. В мою сторону не повернулся только ленивый.

— Почему они все смотрят? — сквозь зубы пробубнил Ян.

— Мы женимся, — ответила я, не сводя взгляда с Эсхарда.

— Мы с тобой? Вы с владыкой?! — охнул художник.

Мгновением позже окрестности сотряс басовитый удар. В черном беззвездном небе расцвел фейерверк. Над академией закружил иллюзорный алый дракон с длинным хвостом. Оставляя огненный шлейф, он сделал круг над площадью и завис над толпой. От светящегося контура в разные стороны вырывались клоки мерцающего магического огня. Через некоторое время, когда зрители успели поохать и достаточно восхититься, змей рассыпался облаком затухающих искр.

Со вторым громоподобным раскатом в небе распустился огненный цветок, похожий на тот, что трепетал в ритуальной чаше. Секундой позже над площадью появился реальный, а не иллюзорный дракон серебристого цвета. Он внезапно вынырнул из пространства и резко сорвался вниз. Кто-то по древней традиции решил украсть с площади невесту!

Я никогда не догадывалась, насколько драконы стремительны. Казалось, он только вынырнул из воздуха, но вдруг оказался совсем близко. От движения мощных крыльев погасли факела, съежился огонь в чаше. Мелькнула хищная морда с желтыми глазами. Дракон выставил когтистые лапы. Я ловко отпрянула в сторону, и под ошеломленные крики сородичей дракон сцапал Яна!

С испуганным воплем художник воспарил над землей. Инстинктивно я схватила его за ноги, пытаюсь вернуть обратно, но дракон тащил жертву в небо. В руках остались только соскочившие сапоги, а я сама едва не плюхнулась на плитки.

Подняться высоко нагруженный дракон не сумел, летел неровно, как во хмелю. Вверх-вниз и снова, точно на мелких кочках. Ян орал и болтался.

— Догнать и вернуть! — раздался над толпой взбешенный рык Эсхарда. — Яррана Элори взять под стражу!

От изумления у меня выпали из рук сапоги. Челюсть тоже отпала.

Площадь мгновенно пришла в движение. Понятно, что в толпе никто в драконов не превращался, но дворцовая стража мгновенно

бросилась выполнять приказ. Эсхард оказался рядом, сжал мои плечи, зачем-то встряхнул.

— Ты в порядке? Он тебя не задел?

Задеть бестиолога? Да я тебя умоляю, владыка! Меня шокировало другое...

— Зачем Ярран украл мужчину? — выпалила я.

— Он вас перепутал.

Серебристый дракон, видимо, где-то скинувший вопящий груз, выскочил из воздуха. Следом за ним возникла грозная тройка. Они словно играли в кошки-мышки и ловким маневром попытались взять похитителя в тиски. Летал водный двуликий действительно дурно: неся, не разбирая дороги. В панике рванул к зданию ректората, потерял высоту и под истошный визг зрителей врезался в балкон. В разные стороны полетели обломки каменной балюстрады.

Секундой позже Эсхард оттолкнул меня, спасая от падающих фрагментов. Я отлетела на плиты, от удара стесав подставленные ладони. Кейрима южных драконьих земель сбил с ног фигурный столбик, а следом накрыли мраморные осколки.

Глава 11. Сад каменных драконов

Эсхард не очнулся ни через час, ни к середине ночи. Срочно вызванный на Сарват дворцовый лекарь уверил, что владыка выйдет из летаргического сна, но человеческое тело не способно к скорому исцелению. Надо ждать.

— Почему он не обратился? — озабоченно спросил он, оглядев скорбное собрание. — Для кейрима Эсхарда секундное дело принять вторую ипостась.

Никто не ответил. Всем, собравшимся в просторной комнате гостевого дома с дощатыми полами и курительницей в углу, была очевидна причина. Владыка не обратился драконом, потому что в этот момент я находилась слишком близко. Он побоялся задеть меня, а теперь неподвижно лежал в летаргическом сне на широкой кровати. И каждая его царапина, порез и рана от острых мраморных осколков покрылась мелкими медными чешуйками. Эсхард исцелялся.

Я испытывала чудовищную беспомощность. Ведь казалось, что этот сильный мужчина, излучающий мощную энергетику, способный голыми руками отбросить двуликого кэйроба, совершенно неуязвим.

Илайс, серьезный и напряженный, бесшумно приблизился ко мне и шепнул на ухо:

— Художника отыскиали в соседней деревне. Он в порядке, скоро привезут.

Невольно я перевела дыхание. Ярран находился в шоке от случившегося хаоса. Возможно, он изображал помутнение рассудка, но вспомнить, где сбросил похищенного Яна — не сумел. Пришлось отправить на поиски студентов. В небо одновременно поднялся десяток разномастных драконов, и в другое время я поразилась бы этому зрелищу.

Вернули художника только на рассвете. Оцепенелую академию окутала грусть. Утро было погружено в горестную тишину: спустили стяги, погасили ритуальные огни, в воздухе печально застыли красные фонарики. Ветер разносил по дорожкам поблескивающий пепел от магического огня и шевелил ленточки,

оставшиеся от хлопушек. Впервые с момента моего приезда, никто не занимался ежедневной уборкой.

Кутаясь в старое, застиранное до проплешин одеяло, Ян шустро выскочил из телеги. Во что он был одет, оставалось непонятным, но из-под одеяла торчали чужие цветастые штаны. Половина лица оказалась расцарапана, а губа заметно опухла.

Одарив меня свирепым взглядом, он прошел мимо и на ходу буркнул:

— Я не готов ничего обсуждать!

Поблагодарив возницу и парней из сопровождения, я направилась следом за возвращенной жертвой драконьей дальноточности. Некоторое время мы шли в молчании.

— Если ты кому-нибудь расскажешь, что меня похитил дракон, я нарисую тебя обнаженной, укажу твое имя и вывешу портрет в королевской галерее! — вдруг принялся грозить Ян, шлепая босыми ногами по мощеной дорожке.

Внезапно ему под пятку что-то попало. Взвыв, он начал прыгать на одной ноге. Одеяло упало и раскрыло короткую женскую фуфайку.

— Не могла сапоги прихватить? — высказался в сердцах он.

Про сапоги я напрочь забыла. Наверное, они по-прежнему валялись на площади. После того как Эсхарда засыпало, было не до мелочей.

— Почему ты одет, как тетушка из драконьей деревни? — спросила я.

— Ты даже не представляешь, что я пережил! — воскликнул Ян, погрозив кулаком с характерно сбитыми костяшками.

Оказалось, что Ярран выронил его, когда пролетал над соседней с академией деревней. Художник упал на коровник и проломил крышу. Потом случилась свора со сторожевым псом. Хозяин тоже не пришел в восторг, обнаружив во дворе патлатого иноземца в изодранной одежде. На пальцах Ян объяснил, что вовсе не вор, а жертва похищения. Договориться удалось, когда над деревней закружился отправленный на поиски отряд.

— А губа почему разбита? — уточнила я.

— Они не понимают языка жестов, — буркнул он. — Что мне теперь делать?

— Переодеться и лечь спать, — от души посоветовала я.

— Что мне делать с драконом? Они же женятся, если кого-то крадут! — воскликнул он.

— Как ты себе это представляешь? — удивилась я и промолчала, что дракон нас перепутал. Ни к чему такой удар по самолюбию, Яна и так сегодня потрепали. В прямом смысле этих слов.

— В том-то и дело, что это невозможно представить! Я же мужчина! — свирепо напомнил Ян и встряхнул патлатой головой. — Как ты считаешь, мне сейчас откроют портал в Родолесс?

— Ян, тебе предложат компенсацию, — предположила я.

— Компенсацию? — искренне заинтересовался тот. — Большую?

— Выясним, когда Эсхард придет в себя.

Художник поменялся в лице и, оглядевшись по сторонам, пробормотал:

— Хочешь сказать, что он вернулся и попытался украсть владыку?!

— Ярран обрушил балкон. — Я вдруг почувствовала себя смертельно усталой. — На Эсхарда...

Через сутки владыка не пробудился. Из расставленных возле каждой двери плошек с углями теперь клубился серый дым — символ скорби. Остров Сарват погрузился в молчание.

Лекарь осматривал Эсхарда с возрастающей тревогой. Слепой бы не заметил, что драконьи чешуйки разрастались. Тыльные стороны ладоней уже покрылись ровным слоем драконьей «кожи» гладкой, теплой и твердой. И в памяти невольно всплывал разговор, когда владыка признался, что ему предрекли уйти в камень.

Я никогда не верила в предсказания, пророчества и в шаманство. В моей картине мира существовала лишь официальная магическая наука: заклятья, формулы, двуликие бестии, тонко настроенные на мага артефакты... А Эсхард словно и впрямь обращался камнем.

— Кейрима следует вернуть во дворец, — заключил лекарь. — В месте силы рода Нордвей он исцелится быстрее.

В Хайдес мы вернулись в глубоких сумерках. Никто не пытался возражать, когда я осталась в полукруглой просторной башне владыки с утопленной в нишу кроватью королевских размеров. Похоже, во дворце уже знали, чей именно платок бросил кейрим в ритуальную чашу за минуту до трагедии. Слуги кланялись мне с таким почтением, что становилось неловко.

С наступлением темноты безмолвный слуга принес ужин, что характерно, на двоих. Я сидела в изножье кровати и коротала время за чтением фолианта о драконьих традициях. Хотелось знать, что ожидала Яррана, сидящего в дворцовых казематах, за нападение на кейрима, пусть и ненамеренное. По обычаю высокородным драконам выносил приговор сам владыка. Или же преступника, согласно закону темных времен огненных войн, сжигали в драконьем пламени.

— Тебе лучше поскорее пробудиться, — строго посоветовала я, посмотрев на Эсхарда, — иначе его сожгут. Честное слово, я не против. Ты не в курсе, но он хотел меня опоить снотворным и оболгать.

Владыка оставался глух: лежал на спине и, казалось, не дышал. Покрытые медными чешуйками руки, обычно сильные и твердые, были вытянуты вдоль тела.

— Если ты не пробудишься, то я вернусь в корпус ловцов за нечистью и снова начну гоняться за бестиями, — проговорила я в тишине. — Возможно, мне повезет не вернуться с охоты, потому что уехать в Родолесс и жить, как прежде... не выйдет. Теперь — нет.

Внезапно глаза закололо. Я никогда не позволяла себя плакать, на похоронах отца не пролила не слезинки — он ушел достойно истинного бестиолога, но сейчас, сидя возле любимого мужчины, вдруг совершенно расклеилась.

До середины ночи я читала книгу о традициях и вслух удивлялась, как можно жить по столь варварским законам, но на одном подробно описанном обряде, принятом в Хайдесе, возмущаться передумала.

Если верить фолианту, раньше жены проводили ритуал возвращения воина, уходящего после битвы в камень. Женщина брала любую вещь из сокровищницы дракона, приносила в качестве подношения в сад каменных драконов, танцевала, терла каменные лапы ушедших владык и просила не забирать главу семьи.

— Какое варварство! — пробормотала я, захлопнув книгу, и решительно отправилась к стражам, чтобы тебе вызвали Илайса.

В кое-как застегнутой одежде, помятый и суровый, он ворвался в гостиную владыки. Увидев меня, стоящую со сложенными на груди руками, замер на пороге и резюмировал:

— Кейрим не проснулся.

— На рассвете мы спустимся в сад каменных драконов, — объявила я. — Хочу потолковать с будущим свекром.

— Ты же помнишь, что он статуя? — уточнил Илайс, по всей видимости, начиная меня подозревать в помутнении рассудка. За последние пару суток я спала всего несколько часов и, судя по его сочувствующему взгляду, выглядела слегка не в себе.

— Я не страдаю провалами в памяти, — сухо заметила я. — Ты что-нибудь знаешь о ритуале возвращения воина?

— Впервые слышу, — отозвался Илайс и широко зевнул, забыв прикрыть рот.

— В любом случае такой существует, — отмахнулась я, догадываясь, что, возможно, единственная во дворце действительно прочитала энциклопедию о драконьих традициях. — Я принесу предыдущему кейриму Нордвею дар и попрошу оставить сына в покое. Если он, конечно, не хочет, чтобы его род прервался.

— Ты ведь не надумала принести в дар себя? — опешил Илайс и, помолчав, заметил: — Мне не нравится твой взгляд, вайрити бестиолог. Возникает ложное впечатление, что в качестве дара ты предложишь меня.

— Как и велела книга, отнесу что-нибудь из сокровищницы Эсхарда, — пояснила я. — Уверена, ты знаешь, где она находится.

— Нет. — Он покачал головой.

— Ты не знаешь, — заключила я.

— Никто в здравом уме не позволит себе разворовать сокровищницу кейрима, — пояснил Илайс. — За это можно в два счета сгореть в драконовом пламени...

— Не думала, что придется так далеко заходить. — Я глубоко вздохнула. — Ты ведь помнишь, что проиграл мне спор и должен услугу? Самое время вернуть долг.

— Похоже, ты в курсе, как серьезно северные драконы относятся к предъявленным долгам.

— Могу только догадываться.

Возникла странная пауза.

— С другой стороны... — Илайс почесал небритый подбородок. — Вряд ли он спалит невесту, если она закроет собой драгоценного друга, которому кейрим доверил тайну сокровищницы.

— Верно рассуждаешь, драгоценный друг, — согласилась я.

Он вел меня знакомыми коридорами с тускло светящимися стенами напрямик в библиотеку. Стоило открыть дверь, как в лампах на потолке вспыхнули огни. В нишах колонн привычно засветились огни. На секунду в голову пришла странная мысль, что все это время я работала в сокровищнице дракона и вообще-то эта сокровищница похожа на проходной двор. Однако Илайс провел меня дальше за книжные шкафы к глухой стене.

— Здесь, — указал он и утопил в толщу кладки один из камней.

Бесшумно открылся черный зев прохода, из него тянуло холодом. Дракон снял с крючка подвесную лампу, встряхнул ее, заставляя разгореться магический камень. Слабый свет озарил узкий проход.

— Добро пожаловать, расхитительница сокровищ. — Приглашающим жестом взмахнул свободной рукой поделщик.

— Не драматизируй, — проворчала я, перешагивая через высокий порог. — Мы не просто грабим, а спасаем Эсхарду жизнь.

— Мне не понравилось, как ты сказала «мы», — заметил Илайс, отказываясь делить на двоих будущий... подвиг.

При мысли о сокровищнице дракона в голову приходили глупые картинки из книг с пещерой, в центре которой лежала гора золотых монет, драгоценностей и сундуков со всевозможным добром. Наверху непременно дремал хозяин богатств в обличие крылатого зверя, свернувшегося уютным клубком, как кот. Я ошибалась.

Закрученные винтом каменные ступени в конце прохода вели не вниз, в толщу горы, а вверх. Сокровищница действительно располагалась в рукотворной пещере, но больше всего та напоминала зал коллекционера.

В идеально гладких стенах были выдолблены ниши, как в библиотечных колоннах. В углублениях стояли вещицы, по какой-то причине дорогие сердцу кейрима: статуэтки, шкатулки с поднятыми крышками... банка соленых патиссонов. Она занимала место между миниатюрным замком из золота и цветком из драгоценных камней, спрятанным под стеклянным колпаком. Знать бы, в какую компанию попадут позапрошлогодние соленья, повязала бы на банку красную ленточку.

Испытывая двойственные чувства, словно без спроса читала личный дневник Эсхарда, я медленно прошла по кругу. Взгляд упал на открытую шкатулку с трепетно уложенной на красную подушечку

знакомой деревянной шпилькой. Неказистая безделица стоила дешевле куска бархатной ткани, на которой возлежала. В соседней нише в похожем ларце хранилась дверная ручка, отломанная в королевском дворце при первом нашем знакомстве.

Похоже, нелепые напоминания о наших первых встречах, владыка хранил как драгоценные сокровища. И даже банку с патиссонами! Через двадцать лет, наверное, в мумифицированные превратятся.

— Говорят, Сайрос Нордвей любил золотишко, — заметил Илайс, наблюдая за тем, как с задумчивым видом я изучаю драконьи богатства.

Окажись посреди зала гора золота, вытащила бы корону поуродливее, но как выбрать из личных и, очевидно, дорогих сердцу вещей ненужную — не имела представления. Вытащила из ниши у самого пола золотой слиток, крикнула от тяжести и решила, что утопить в ледяной воде возле изваяния будущего свекра такую кучу денег просто рука не поднимется. В итоге выбрала небольшую статуэтку стройной женщины в традиционных одеждах. Маленькую, но увесистую.

— Надеюсь, он за нее не отдал какой-нибудь остров, — прокомментировала я.

— Нет, но миниатюру делали по образу его матери, — заметил Илайс.

— Значит, воссоединим свекра со свекровью, — решила я, придирчиво приглядевшись к статуэтке, но у той было сглажено лицо, и попыталась ее вручить драгоценному другу. Однако тот поступил, как паршивец, и заявил, что своими руками из сокровищницы владыки ничего не вынесет. Пришлось тащить самой.

По дороге к саду каменных драконов Илайс предупредил, что каждое утро на восходе солнце обрядница проводит ритуал на счастливый день, а сегодня наверняка будет молиться за здоровье кейрима. Решив душевно поговорить с каменным свекром, о многолюдности я не задумывалась.

К пещере мы добрались в прозрачных сумерках, знаменующих скорый восход солнца. В центре площади стояла широкая ритуальная чаша, от нее лентой вился серый дым. Перед входом в пещеру толпился народ. Вились тихие разговоры, а из огромного пещерного зева звучали басовитые, равномерные удары в гонг.

При появлении женщины, окруженной дворцовой стражей, толпа расступилась. Мы прошли по живому коридору под клубящиеся со всех стороны шепотки к местным служителям. Объяснялся с ними Илайс. До меня лишь доносились отдельные слова, но готова поспорить, он говорил, что приехала невеста кейрима провести ритуал и попросить милости у предков Нордвеев.

— Сначала нужно к обряднице, — прошептал он, приблизившись ко мне. — Поможет подготовиться к ритуалу и благословит.

Высокая женщина в сером одеянии водрузила мне на голову кожаный ободок с ветвистыми рогами из тонких веточек, торчащих в разные стороны. Оказалось, что рогатый венец отправлял молитвы прямым к душам драконов, плывущим на волнах теплого ветра. Надевали артефакт на восходе солнца, а снимали на закате.

Что-то бормоча под нос и постукивая колотушкой в маленький барабан, она два раза обошла меня по кругу и указала на выход из полутемной каменной кельи. Первым делом я вмазалась рогами в низкий арочный свод и бочком выбралась в зал. Обрядница вышла следом.

Илайс оглядел конструкцию у меня на башке задумчивым взглядом.

— Артефакт, связующий с потусторонним миром, — пояснила я, придерживая венец рукой. Ветвистые рога стремились соскользнуть то на затылок, то на лоб.

Под равномерные удары барабана мы начали обходить каменные изваяния. Возле каждого дракона курились лампы с серым дымом. Чувствуя себя, как в чужих великоватых туфлях: неловко и странно, — я потеряла лапу первого дракона. Понятия не имею, за что он отвечал, но лишним не будет.

К пятой статуе стесняться перестала и вошла в азарт.

— Не стой со скучающим видом, — обругала Илайса, торжественно таскающего за мной шкатулку со статуэткой. — Хорошенько потри!

— Этот Нордвей отвечает за мужское здоровье, — пояснил дракон.

— Замечательно! — воскликнула я. — Мы как раз о здоровье и просим. Натирай! Предки оценят.

Со вздохом он склонился и потерял лапу.

Рога, признаться, знатно мешались. Я задевала ими колонны, стены и изредка самого Илайса. Один раз подпалила веточки, неудачно встав рядом с зажженным факелом. Вовремя заметили и погасили. Теперь от связующего с потусторонним миром артефакта вверх уходил дымок, как от скорбной лампадки.

— Еще этот! — указала я на очередного дракона, вылезающего из каменной тверди, и удары в барабан зазвучали громче, словно обрядница поддерживала выбор.

— Он отвечает за потомство, — воспротивился ритуальному натиранию Илайс.

— Ты не желаешь кейриму наследников? — с подозрением уточнила я.

— Да как бы я посмел, — пробормотал верноподданный и без должного энтузиазма похлопал ладонью по боку каменной статуи.

К тому времени, как мы добрались до темного прохода, ведущего в затопленную усыпальницу моего будущего свекра, я уже не испытывала ни капли смущения, была готова не только к любым душевным разговором с потусторонним миром, но даже сплясать шаманский танец. Илайс остался в зале, я входила в студеный коридор в одиночестве, держа в руках шкатулку с откупом.

Зал встретил меня гулкой тишиной. Звук падающих капель казался звонким и громким. Каменного дракона, забравшегося на обломок скалы, со всех сторон обступала черная вода. Сверху на фигуру лился солнечный свет. Пока я умасливала остальных предков Нордвеев, пропустила восход солнца. Поежившись от ледяного холода, я прошла по мосткам, остановилась возле перил.

— Господин Нордвей, — чувствуя, что окончательно свихнулась, обратилась я, и звук моего голоса разлетелся по пещере, — у меня к вам серьезный разговор. Ваш род давно управляет этой землей, согласитесь? Вы хотите, чтобы власть сменилась? Сам ушел, а дальше трава не расти...

Стало ясно, что вообще-то предъявлять претензии во время ритуала, когда, согласно книге, следует бухнуться на колени и молить, рискованно.

— Давайте мы с вами договоримся: я вам в компанию принесла супругу. Вы ее примете, а мне вернете своего сына. Как вам сделка?

Понятно, что каменный дракон оставался глух и неподвижен, но у меня возникло идиотское подозрение, будто подпаленный артефакт перестал отправлять и принимать сообщения из космоса. Хотелось попросить свекра подать какой-нибудь знак.

— Ладно, молчание — знак согласия, — пробормотала я и, вытянув руки, бросила шкатулку с золотой статуэткой в воду. Подношение упало с громким плеском, подняв брызги, и немедленно пошло ко дну. — Мы ведь договорились, господин Нордвей? Статуэтка золотая, вылита по образу вашей жены. В общем, все, что вы любите. Наслаждайтесь. До встречи.

Я развернулась, придержав злосчастные рога, но посчитала, что обещание встретиться прозвучало слишком многообещающе.

— В смысле, до встречи, но не на том свете, — вьедливо уточнила будущему свекру. — Мы с Эсхардом скоро вас навестим. Обещаю.

Внезапно со статуи осыпались мелкие камушки, словно изваяние шевельнулось. Видимо, что-то упало сверху, через отверстие в пещерном своде, но на затылке от суеверного страха зашевелились волосы. Странно, что рога, торчащие на башке, не затрепыхались.

Встретивший меня Илайс не задал ни одного вопроса. Из пещеры мы выходили в молчании. Площадь оказалась заполнена народом. Стоило выбраться на солнечный свет, как внезапно толпа смолкла, словно в один момент сотни людей и драконов лишилась голоса. Секундой позже абсолютно все, как по команде, согнулись в поклоне... По спине побежали мурашки, от шока я не смела пошевелиться.

— Объясни, — едва слышно потребовала у Илайса.

— Приветствуют тебя, будущая супруга владыки, — пояснил он на родолесском языке.

В вагончике воздушной дороги я поднималась в одиночестве. Проявив удивительную деликатность, Илайс остался со стражами в повозке. Видимо, понимал, что мне остро необходимо переварить ошеломительную встречу с подданными кейрима. Когда мы проходили через расступившуюся толпу, кое-кто пытался протянуть руки, чтобы ко мне прикоснуться. Хорошо, что я была окружена стражами, могла инстинктивно кого-нибудь огреть магией. Вышло бы скверно.

Кабинка покачивалась, приближались дворцовые башни, словно вырастающие из горы. Движение остановилось, слуга открыл дверь,

чтобы помочь мне выйти. В центре площадки, заложив руки за спину, стоял Эсхард.

Не веря собственным глазам, я шагнула из вагончика и немедленно шарахнулась ветвистыми рогами. Пара веточек отломилась, венец съехал на затылок, а казалось, что сидел, как приколотенный гвоздиками, и давил на голову. Выругалась, зачем-то вернула его на макушку, хотя в этом уже не было никакого смысла. И тыкала этим ветвистым варварским украшением Эсхарду в лицо, когда он крепко меня обнимал.

— Почему ты с рогами? — через паузу спросил он.

— Они связывают меня с твоими предками, — ответила я. — Думала, что ты не проснешься, и пошла с ними договариваться.

— И много сказали предки? — со смехом спросил владыка.

— Ни слова, — со смешком призналась я, стаскивая венец.

Мы встретились глазами.

— Спасибо, — вымолвил Эсхард, мягко пригладив ладонью мне взлохмаченные волосы.

***

Новость, что сокровищница оскудела на один экспонат, владыка воспринял спокойно. Относительно. Лишь слегка поменялся в лице. Однако Илайс из чувства самосохранения сбежал на Вариби. Случилось это на следующий день после возвращения Эсхарда в мир живых.

Приятель решительно вошел в библиотеку, бросил на стол вскрытое письмо от ректора Эфрима и тоном, не терпящим возражений, заявил:

— Я прослежу за отправкой твоего демона в Родолесс.

— Упреждающий маневр? — с ехидцей поинтересовалась я.

— Помощь драгоценному другу, — с ухмылкой парировал он. — У тебя есть книги с родолесскими стихами?

— Нет, но могу дать целую пачку стихов Январина Лунецкого, — предложила я. — Он недавно заделался в поэты.

— Придется ограбить библиотеку кейрима, — цыкнул Илайс, придирчиво оглядывая полки.

— Да ты, похоже, всерьез решил жениться на Ольге Роговой, драгоценный друг?

— Виталия. — Он одарил меня снисходительным взглядом. — Такие драконы, как я, не ищут пару и не женятся. Мы просто любим женщин. Во всех смыслах.

— Безусловно, — с ехидной интонацией нараспев ответила я, уверенная, что на прямой дороге к брачному алтарю Илайс стоял не одной, а уже двумя ногами.

На Вариби он отправился со стопкой перевязанных бечевкой книжек с поэзией южных драконовых земель, стащенных из личной библиотеки владыки, и вернулся перед судом над Ярраном Элори.

Приговор Эсхард оглашал с балкона внутреннего двора, нарочито подчеркнув, что двери дворца для рода Элори закрыты. Водный дракон, облаченный в серые одежды, стоял вместе с сестрой.

В лохматой, грязной шевелюре бывшего посла путались алые тонкие нити. Коротковатые рукава рубашки с чужого плеча открывали магические браслеты, полностью подавляющие драконий лик. Данри не смела поднять голову и нервно теребила скромное платье из плотной ткани. Я следила за ними с балкона и невольно вспоминала, какими холеными, высокомерными и уверенными в себе они предстали в первый день знакомства. Теперь блеск померк.

— Ярран из рода Элори, — вымолвил Эсхард, — я позволяю тебе говорить.

— Благодарю, мой кейрим, — ответил тот скрипучим голосом и раскашлялся в кулак.

— На празднике огня ты похитил мужчину, — напомнил владыка.

— Что они говорят? — едва слышно уточнил Ян и огляделся вокруг.

Дюжина советников, присутствующих на суде, никак не отреагировала на новость о позорном для любого мужчины инциденте. Стояли с каменными лицами и бровью не вели. Зато Илайс с издевательской ухмылкой подмигнул приятелю. Тот моментально догадался, что речь пошла об унижительном похищении, и сконфуженно почесал бровь.

Эсхард между тем перешел на родолесский язык.

— Ярран, по древнему закону ты обязан предложить в жену свою сестру, — заключил он, отчего художник поменялся в лице, а Данри резко вскинула голову и уставилась на балкон. — Если Ян Лунецкий

откажется от твоей сестры, то заплати ему компенсацию золотыми слитками. По слитку за каждую минуту, что он провел в твоих лапах.

У Яна вытянулось от изумления лицо. Он явно не ожидал, что, пережив позорный полет над Сарватом, внезапно сделается или категорично женатым мужчиной, или неприлично богатым художником.

— Это сколько денег? — вцепившись в мой локоть, едва слышно уточнил он.

— Очень много, — пробормотала я, стряхивая его руку.

— Да будет так, мой кейрим, — в звенящей тишине с трудом проскрипел Ярран на рамейне.

— Ваше слово, господин Лунецкий, — обратился к художнику Эсхард.

Возникла странная пауза. На худой шее у Яна дернулся кадык, губы сжались до тонкой линии.

— Я хочу, чтобы Данри стала моей женой! — решительно заявил он.

— Ты что творишь? — сдавленным шепотом возмутилась я. — Бери золото! Оно не сделает тебя несчастным!

— Виталия, не вмешивайся, — сухо велел Эсхард и обратился к будущей госпоже Лунецкой. — Данри из рода Элори на исходе осени ты выйдешь замуж за мужчину, которого похитил твой старший брат. Станешь этому мужчине хорошей женой и доброй матерью вашим детям.

— Да будет так, мой кейрим, — ответила та на драконьем языке, буравя будущего благоверного свирепым взглядом.

— Все? — тихо уточнил Ян. — Мы женимся?

— Да, — буркнула я.

— Хорошо, что я не сжег добрачный портрет, — заключил художник.

Эсхард кашлянул, недвусмысленно предложив нам обоим заткнуться, и советники посмотрели с большим укором.

— Ярран из рода Элори ты покусился на жизнь своего кейрима, — вновь перейдя на рамейн, продолжил владыка. — По древнему закону ты обязан сгореть в драконьем пламени, но в честь своей женитьбы я дарую тебе жизнь.

Однако хорошая жизнь амбициозному дракону не светила. Яррана превращали в узника родного острова Элори, приковывали к земле связующей магической татуировкой и до конца его дней лишали возможности увидеть большой мир. В качестве компенсации за причиненный вред он был обязан в течение пяти лет отдавать в казну все добытые в рудниках магические кристаллы.

— Главой рода станет твоя сестра, а после брачного ритуала ее законный муж, — закончил Эсхард.

— Я не могу передать родовой кулон сестре, — вымолвил Ярран. — Он потерян.

— Ничего, я его нашла и сохранила, — вырвалось у меня.

Возникла странная пауза. Эсхард задумчиво покосился в мою сторону и вновь заговорил этим своим торжественным голосом:

— И еще один год компенсации магическими кристаллами за то, что ты пытался опоить невесту кейрима.

Теперь и я почувствовала, как начинаю меняться в лице. Эсхард даже бровью не вел, словно не ощущая устремленный в него вопросительный взгляд. Узнать, что Ярран пытался меня опоить, он просто не мог. Разве что слышал, когда лежал в летаргическом сне, как я ругалась, жаловалась и грозила вернуться в корпус ловцов за бестиями, чтобы сгинуть в топких болотах Родолесса, если мой владыка никогда не проснется.

День выдался сложный. Яррана переправили на остров. Художник пережил первый скандал с будущей супругой, прогремевший на весь дворец, и обзавелся большой шишкой промеж бровей.

Вечером, когда страсти поутихли, я прямо спросила Эсхарда:

— Ты слышал меня в ту ночь?

— Все до последнего слова. Ты умеешь грозить, Виталия, — подтвердил он подозрения, что проснулся, узнав о моем намерении вернуться в корпус ловцов за бестиями.

— Хочешь сказать, что я напрасно таскала рога и утопила золотую статуэтку? — возмутилась я, вдруг почувствовав себя обманутой.

— Отчего же напрасно? — искренне развесился он. — Обратиться к предкам никогда не бывает лишним. Зато вы теперь знакомы.

Через месяц, когда работа над атласом с двуликими бестиями южных земель подошла к концу, а свадебные приготовления были полностью завершены, Эсхарду предстояло официальное знакомство с

семейством Егорьевых. В Хайдес прибыли матушка с Лизой. Андрона, судя по письмам, подавшего в отставку, они тоже с собой прихватили.

Добирались они под присмотром Илайса, отправленного в Родолесс. Багаж доставили накануне прибытия, комнаты давно приготовили, и вечером, когда оранжевое солнце клонилось к горизонту, стражи открыли перед нами с Эсхардом высокие двери в порталный зал.

Прибывшие гости стояли посреди порталного зала. Зажмурившись, мама крепко обнимала ридикюль. С пресным видом, сунув одну руку в строгие брюки, Илайс держал над ее головой раскрытый зонт.

— Почему она под зонтом? — едва слышно спросил Эсхард на рамейне. Видимо, не хотел смущать гостей.

— Возможно, шел дождь, — с озадаченно-вопросительной интонацией предположила я.

— В портале?

— Ты прав, теория провальная.

Ошеломленная переходом Лиза прижимала одной рукой кашпо с напрочь завядшим от порталной магии цветком, а другой цеплялась за локоть незнакомого молодого мужчины, видимо, Андрона. Он оказался кудрявым, светловолосым красавцем с прозрачно-льдыстыми глазами. Обычно с такими парнями романтические юные девицы и попадают в большие неприятности.

— Твоя сестра ждет ребенка, — заключил Эсхард.

— Ты думал, на бал дебютанток я приехала, потому что она ногу подвернула? — хмыкнула я.

— Мне уже не нравится наш зять.

— Перевоспитаю, — предложила я, и внутренний голос подсказал, что именно так владыка и поступит. Вразумлять Эсхард умел мастерски, его подданные не дадут соврать.

— Вита, как я рада тебя видеть! — просияла Лиза.

Она попыталась сделать шаг по направлению к нам, но матушка вдруг пришла в себя, раскрыла глаза и с грозным видом расставила руки, перекрывая дорогу:

— Стой!

— Они хотят вернуться домой? — едва слышно уточнил Эсхард.

— Понятия не имею, — по-идиотски улыбаясь, пробормотала я и устремила вопросительный взгляд на Илайса.

Драгоценный друг с ухмылкой закрыл зонт, оперся на него, как на трость, и только кивнул, словно предлагая наслаждаться встречей с любимыми родственниками.

И маменька не подвела! Честное слово, я точно вернулась домой и снова проводила лето в семейном поместье. Поправив шляпку, с сурово-серьезным видом, как Глава семьи, она вышла вперед.

— Семья Егорьевых приветствует владыку южных земель... — торжественно произнесла она и оглянулась через плечо к Илайсу: — Чем еще владеет мой будущий зять?

— Тихим морем и шестью островами, — негромко подсказал он.

— Владыку земель, морей, островов и всего, чем вы управляете, господин Нордвей, — заключила маменька.

— Госпожа Егорьева, отбросим формальности, — дружелюбно предложил Эсхард. — Мы одна семья.

— А теперь-то нам можно поздороваться по-человечески? — громко прошептала Лиза. — Вита, я привезла вам с владыкой свадебный цветок. На счастливую жизнь!

Приветствия, объятия и знакомство с зятем заняли некоторое время. Илайс успел снять пальто, Лиза три раза уронить шляпку, а растение в горшке, почуяв настроение хозяйки, вернуть цветущий вид. Пора я не предложила отправиться из порталной башни во дворец, никто с места не сдвинулся.

Мы неспешно шли по галерее, перекинутой над пропастью. Владыка как гостеприимный хозяин рассказывал об удивительном городе, лежащем внизу, под горой.

— Это дракон летит? — настороженно спросил Андрон, меняясь в лице.

— Вы в землях драконов, господин Демидов, — с иронией прокомментировал Эсхард.

— Я вняла твоему совету, — заговорщицки понизив голос, проговорила мама. — Одного Андрона далеко не отпускаем. Уверена, что к рождению ребенка превращу его в приличного мужа, но твоя сестра уже довольна. Нам повезло, что дары от владыки пришли в то время, когда он приболел и лежал в нашем поместье.

— Удар вазой вы называете болезнью? — хмыкнула я.

Стоило оказаться в покаях, как матушка решительно продемонстрировала методы воспитания хороших мужей и послушных дочерей. Она присела на диван, приложила руку ко лбу и объявила:

— Зонтик не помог!

— Попробуй снять пальто, сразу посвежеет, — посоветовала я.

— Меня прикончил порталый переход! — воскликнула она.

Как выяснилось, мамина кузина, наша с Лизой тетушка, утверждала, будто раскрытый зонтик помогает легче перенести порталое перемещение. Я предложила вызвать дворцового лекаря, и маменьке резко полегчало. Она величественно поднялась с дивана и объявила, что до ужина просто отдохнет. Даже нюхательные соли, заботливо приготовленные младшей сестрой, негодились.

Лиза восхищалась всем: красивым дворцом, роскошными покаями, мелким упитанным пересмешником. Особенно ей понравилось, что бестия потешно повторяет за Андромом слова. А Вейри понравилось не только передразнивать ее мужа, отчего тот мрачнел лицом, как будто знал, что его присмотрели на корм, но и жрать подаренный цветочек. Землицу в горшке выкапывать тоже оказалось захватывающим занятием.

К вечеру мелкий куда-то ускакал, а нашелся в покаях у мамы. С умильной улыбкой та скармливала прожорливому разноглазому обжоре кусочки хурмы.

— Что за смешная обезьянка, — просюсюкала она.

— Это местная нечисть, — хмыкнула я.

Мама поменялась в лице, еще раз посмотрела на Вейри. Тот ответил доверчивым взглядом и поморгал.

— Конечно, ты завела нечисть, — прокомментировала она и кивнула на соседний стул. — Присядь, Виталия.

Не споря, я присела рядом с ней и шустро прикрыла стеклянным колпаком тарелку с фруктами, спасая прожорливого пересмешника от переедания.

— О чем вы хотели поговорить? — спросила у мамы.

— Прежде чем мы пойдем к твоему жениху, я должна задать тебе важный вопрос, — значительно проговорила она. — Ответ на него честно... Ты действительно хочешь выйти замуж за этого мужчину?

— В каком смысле? — удивилась я.

Она протянула руку и мягко сжала мои пальцы.

— Виталия, ты похожа на своего отца. Всегда верна себе, живешь своим умом и выбираешь только то, что считаешь для себя лучшим. Пусть мне не нравилось, что ты гонялась за нечистью, но я всегда гордилась, сколько ты смогла добиться в мужском деле. И ты раз за разом повторяла, что не хочешь замужества.

Возникла странная пауза. Я смотрела в серьезное мамино лицо и не верила своим ушам.

— Если таким образом ты пытаешься помочь своей семье... — начала она.

— Мама, я хочу выйти замуж за Эсхарда, — перебила я. — Пусть мне было и сложно решиться, но мы любим друг друга.

— Но он дракон! — понизив голос, напомнила матушка, словно кого-то в этой комнате действительно смущала природа моего будущего мужа.

— Да, а я бестиолог и изучаю двуликих бестий. — Мне вдруг стало смешно от ироничности нашего союза. — Мы идеальная пара. О другом мужчине я не мечтала.

— Значит, мы должны принять его в семью. Но, помни, дочь, пока на твоей руке нет брачного браслета, ты имеешь право в любой момент передумать и уехать в Родолесс. — С самой серьезной миной кивнула мама, дескать, верь прожившей жизнь женщине и впитывай опыт. — Если что, твой отец три раза возвращал меня к алтарю. В последний — закинул на плечо. Он был хорошим человеком и дочерей мне подарил хороших.

Внезапно она всхлипнула. Я поспешно поднялась со стула и впервые за долгие годы обняла ее за плечи, неловко и неумело.

В покои заглянула Лиза, увидела, что мы совсем размякли, и всполошилась:

— Вы плачете? Почему?

— Иди ко мне, моя младшая дочь, — простонала мама, вытянув руку. — Дай тебя обнять!

Пока они вместе причитали, пересмешник страшно встревожился и попытался забраться мне на голову. Видимо, на тот случай, если комнату затопит слезами. Пока я успокаивала разбалованную моими горничными бестию, мама с Лизой успокоили себя сами, остановив

приступ сентиментальности нюхательными солями. Матушка два раза приложила носом к баночке.

Мы почти опоздали на ужин, пришлось поторопиться.

— Позови Андрона, пусть возьмет подарок владыке, и пойдем, — распорядилась мама.

— Какой еще подарок? — насторожилась я.

— Горшок сливового джема и три банки патиссонов, — подсказала Лиза.

— А почему так мало? — вырвалось у меня. — Почему не десять?

— Ну знаешь ли... — Не разобрав иронии, буркнула мама и поправила прическу. — Сколько на соседней ферме оставалось, столько и привезли. Ты, может, не в курсе, дорогая дочь, но в нашей провинции соленые патиссоны теперь крайне редкий деликатес!

— Все отправили в Хайдес, — поддакнула сестра.

В столовую мы входили величественным шествием. Андрон с маменькой несли злосчастные банки с редким деликатесом, мне достался горшок сливового джема. Владыка дарам не удивился, словно ждал, что семья Егорьевых не подведет и пополнит дворцовые запасы. Полагаю, слуги уже недоумевали, когда спускали в погреба очередную партию солений из Родолесса.

— Примите и от меня дары, — произнес Эсхард, когда мы расселись за столом.

Возле моих родных слуги поставили шкатулки. С вежливой улыбкой мама заглянула под крышку. Глаза у нее покруглели. Понятия не имею, чем одарил будущую тещу Эсхард, но казалось, что теперь она будет любить зятя беззаветно и искренне. Однако, отвесив многословных благодарностей, мама вдруг спросила:

— Господин Нордвей, кем были ваши родители?

Я подавилась вином и аккуратно отставила бокал. В общем, в лучших родолесских традициях матушка решила устроить ритуальный допрос жениху. В Хайдесе с родителями познакомились, надев рога, а у нас, отвечая на неловкие вопросы.

— Матушка, не надо, — пробормотала я.

Не обращая внимания на мой тихий протест, Эсхард устремил в будущую тещу серьезный взгляд.

— Отец был драконорожденным владыкой южных земель, его не стало десять лет назад. Матушка ушла на два года раньше. Она

родилась в семье посла и до замужества жила в Родолессе.

Возникла неловкая пауза. После такого признания задавать вопросы казалось сумасшествием.

— Вы искали невесту из нашего королевства из-за матери? — все же не постеснялась полюбопытствовать матушка.

— Да, она была прекрасным человеком, — согласился Эсхард.

— Но почему вы решили жениться на моей сестре? — вдруг спросила Лиза и прозвучало так, что ее-то старшая сестра — человек отнюдь не самый прекрасный.

— Виталия — единственная женщина, которая пробуждает во мне желание ее похитить и закрыть в сокровищнице, — бросив на меня смеющийся взгляд, ответил Эсхард.

Для несведущего в местных традициях наверняка прозвучало странно.

— Как в сказках? — наивно уточнила Лизавета.

— Верно, как в родолесских сказках, — невозмутимо согласился он. — Хотите еще что-нибудь узнать? Не смущайтесь.

Пришлось выразительно кашлянуть, чтобы дорогие родственники остановились.

— Давайте просто поужинаем, — предложила я, и семейство Егорьевых с радостью поддержало, схватившись за приборы.

— Господин Демидов, как вы относитесь к охоте? — внезапно спросил Эсхард.

— Прекрасно отношусь! — оживился мой зять, прежде сидевший с пресным лицом. — В поместье плохая охота. Разве что белок половить или лис.

— Поохотимся завтра на Саврате, — предложил владыка. — Составьте мне компанию.

— Я всегда так переживаю, когда Андрон отправляется в леса! — воскликнула Лиза. — Он ведь не Вита.

— Вообще-то, я боевой маг в отставке, — с недовольством напомнил Андрон и зачем-то пригладил волосы на затылке. Видимо, припомнил, как до этой отставки его довел точный удар вазой по голове.

На следующее утро с отрядом дворцовой стражи они действительно отправились на Сарват, и Эсхард пропустил появление нашего художника. После завершения работы над альбомом Ян

отправился в Родолесс знакомить невесту с родителями, живущими в западной провинции.

Когда смотритель открыл высокие двери, явив взору порталный зал, я не узнала своего художника. Из Хайдеса уезжал нормальный человек, а вернулся гений Янгель Подлунный, наряженный в аляповатый костюм и с агрессивным начесом на голове. Данри, одетая в дорогое платье по родолесской моде, с большой охотой держала жениха под руку. Вокруг них стояла гора багажа и прислоненная к дорожному сундуку картина в плотной бумаге. Казалось, они, как амулет на удачу, возили за собой добрачный портрет невесты.

— Моя дорогая Виталия! — Протянув руки для объятий, громко проговорил Ян и двинулся в мою сторону. — Тебе идет счастливая роль невесты!

— Ян, ты не в себе? — сухо спросила я, отодвигаясь от гения.

— И ты по-прежнему грубая, как наждачная бумага, — заключил он. — Поздравь меня! Атлас с двуликими бестиями пользуется бешеной популярностью! Привез тебе экземпляр. И журнал с заметкой обо мне. Я рассказывал, как поймал в южных драконовых землях огнедышащую виверну. Люди в восторге!

— Поздравляю, — сухо бросила я, промолчав, что в альбоме указано имя «Январин Лунецкий». Мелкими буквами, под рисунками.

Данри, сцепив руки в замок, терпеливо дожидалась, когда на нее обратят внимание и позволят переступить через магически выжженный в мраморном полу контур порталного круга. Без приглашения младшая сестра изгнанника не смела сойти с места.

— Добро пожаловать во дворец кейрима, госпожа Элори, — поприветствовала я на родолесском.

— Благодарю, госпожа Егорьева. — Кажется, она перевела дыхание.

— Мы привезли добрачный портрет, — объявил Ян.

— Ты с ним действительно не можешь расстаться? — удивилась я.

— Твой добрачный портрет, Виталия! — хохотнул он. — Неделью писал!

Работу он демонстрировал в моих покоях. Слуги установили портрет на треногу и прикрыли полотнищем. Мама с Лизой сидели на диване, готовые упасть в обморок от восхищения. Зная буйную

фантазию гения от живописи, я позитивного настроения не разделяла, но слабый огонек надежды, что меня изобразят без ритуальных рогов, внутри теплился.

— Мой жених сейчас нарасхват, — хвастала Данри успехами будущего мужа. — У него очередь, но мастер отказался от всех заказов ради невесты владыки. Вы же в курсе, что творчество Янгеля Подлунного бесценно?

— Но ты, Виталия, цени! — высокомерно потребовал Ян. — Готова восхищаться?

Резким движением он сорвал с портрета полотнище, и тренога пошатнулась. Мама странно крикнула, Лиза сдавленно охнула, и на комнату обрушилась оглушительная тишина. Я рассматривала портрет и пыталась вернуть дар речи. Никогда ничего подобного не видела!

На картине бородатый, как дикий варвар, Эсхард, одетый в звериную шкуру, сильными руками прижимал меня к мощной груди и пытался утащить в порталный проход. Видимо, похищал в Хайдес. Вокруг витал зеленый туман, светились символы драконьего языка, а я, по виду лет на пять моложе реального возраста, застыла с раскрытым ртом. Никак от восторга, что меня пытался своровать владыка драконов.

— Ян, — нашла я в себе силы прервать долгое молчание, — у меня только один вопрос: почему на добрачном портрете нас двое?

— В каждой картине спрятан сакраментальный смысл! — возмутился он. — Этот портрет всем говорит, что вы с владыкой Нордвеем еще до брака стали неделимым целым.

Единственное, о чем говорил подарок, что я никогда не позволю Янгелю Подлунному писать портреты своих детей.

— А что вы скажете, милые дамы? — обратился Ян, начиная впадать в панику.

— Почему владыка в звериной шкуре, как из леса выбрался? — с детской непосредственностью спросила Лиза. — В этом тоже заключен сакраментальный смысл?

— Это художественное допущение! — воскликнул Ян.

— Янгель художник! — возмутилась Данри. — Он так видит!

— Милый мальчик, начинай носить очки, — с деликатностью огнедышащей бестии посоветовала моя маменька.

Потом мои горничные в два голоса рассказывали, что Ян звал в покои лекаря и просил немедленно выдать успокоительные капли. Видимо, совсем беднягу добила встреча с прямолинейной семьей Егорьевых.

Вернувшись с острова, Эсхард первым делом зашел в мои покои и резко замер, увидев наш портрет. Густые брови поползли на лоб.

— Не задавай вопросов, — посоветовала я. — Просто цени.

— Я, безусловно, ценю, — согласился он, не сводя взгляда с картины. — Но что это за народное творчество?

— Наш добрачный портрет кисти Янгеля Подлунного, — пояснила я, вставая рядышком. — Не ищи тайных смыслов. Он художник и так видит.

— Он видит меня пещерным варваром, а тебя девой в беде? — с доброй долей иронии уточнил Эсхард.

— Что сказать? Своды нашего дворца Ян расписывать точно не будет, — пожалала я плечами. — Как прошла охота?

— Полагаю, твой зять запомнит этот день надолго, — обнимая меня, вымолвил владыка. — Он увидел виверн.

— Ты заставил его ловить бестий? — охнула я.

— Нет. — Эсхард хмыкнул. — Я сказал, что ты умеешь их ловить и в следующий раз непременно ему покажешь кейроба во второй ипостаси.

Вскоре дворец наполнился гостями и превратился в самое шумное место в Хайдесе. Зал для свадебных подарков наполнился дарами. В самом центре у всех на виду горделиво красовался портрет пещерного варвара и украденной им аристократки.

***

По древней традиции брачный ритуал проходил на закате. Жених забирал невесту из дома родителей, Эсхард пришел к моим покоям и постучал три раза. Двери широко распахнулись. Он стоял в знакомой позе, распрямив плечи и сложив руки за спиной. Высокий, красивый мужчина, мой будущий муж. Мы были в алом, как требовали законы Хайдеса, в простых нарядах, говорящих, что молодожены входят в новую жизнь. И только моя белая фата из родолесского кружева с живыми соцветьями красного цвета, пришпиленными Лизой поутру, выбивалась из драконьих традиций.

Ритуальная одежда превращалась в лоскуты, когда молодожены оборачивались драконами и взмывали в небо для первого брачного танца. Лавиния с Иридией утверждали, что такие лоскуты приносят счастье, и в городе наверняка целый год будут с лотков продавать клочки красной ткани. Я планировала отпустить в полет с теплым ветром фату.

Пересмешник у меня на плече, выглядывающий из-под кружевного покроя, понятно, в брачные традиции тоже не вписывался, но отодрать его оказалось попросту невозможно. Вейри стойчески перенес укол магией, только покрепче сжал мерцающий хвост, кольцами обвернувший мое предплечье. Пришлось выходить замуж в компании бестии. Видимо, чтобы я никогда не забывала о том, кем на самом деле являюсь: не только избранницей кейрима южных драконов, но и бестиологом.

— Почему у тебя на плече бельведер? — спросил Эсхард, не сводя с меня светлых глаз с вертикальным зрачком.

— Боится остаться сироткой, — ответила я и вышла из покоев.

За моей спиной плотно закрыли дверь...

По длинным дворцовым коридорам, держась за руки, мы прошли к обрядной башне, заменявшей во дворце храм драконьих богов и теплого ветра. Сначала нас встречали многочисленные слуги и бросали под ноги мелкие монетки. Ближе к башне выстроились гости. Приближенные и семья ждали в круглом ритуальном зале, в центре которого на каменной высокой ноге стояла золотая чаша с замагиченной водой.

Матушка утирала платком слезы. Андрон обмахивал Лизу веером и удивительно ласково придерживал за плечи. Говорю же: владыка умеет воспитывать окружающих.

Илайс, одетый в богатый костюм, с невозмутимым видом стоял рядом с Ольгой Роговой. Она прибыла во дворец накануне вечером. Я хотела пригласить ее на маленький девичник, но наткнулась в комнате на моего драгоценного друга, больше раздетого, чем одетого, и быстро ретировалась. С утречка он принес от Эсхарда записку, и я не удержалась от колкости.

— Ты заставила меня тереть лапу дракона, отвечающего за мужское здоровье, — с нахальной улыбкой довольного жизнью мужчины протянул он. — Хотел проверить действие.

— И?

— И я в прекрасной форме.

— Поздравляю, — съехидничала я. — Отпразднуй свадьбу в один день с нашим художником. Парный ритуал, парный полет над островом Элори... Прелесть ведь!

— Мой драгоценный друг, — снисходительно вымолвил он, — я тебе уже говорил, но повторяю еще раз. Такие драконы, как я, никогда не женятся.

— Ага, — выразительно закатила я глаза.

Илайс уже не просто стоял на дороге к брачному алтарю, а бодро по ней бежал, и длинные волосы развевались за спиной.

Между тем в воздухе ритуального зала плавали золотистые пылинки, и разливался запах густых благовоний. Гости примолкли, в благоговейной тишине раздавались лишь всхлипы моей матушки. Обрядник не спрашивал, согласны ли мы с Эсхардом на брак. Очевидно, что если пара добралась до ритуальной башни, то сбегать никто не собирается. С обалделым видом он уставился на пересмешника, выглядывающего из-под фаты.

— Приступайте, — веско уронил Эсхард.

Святой отец начал говорить ритуальные слова благословения. Бельведер встопорщил уши и принялся его копировать. Пришлось негоднику, в смысле, бестии, а не обряднику, сжать пальцами челюсти.

— Превращу в чучело, — едва слышно пригрозила я.

За спиной раздался чей-то громкий смешок. Обрядник между тем опустил тонкую кисть в прозрачную воду золотой чаши и нанес нам с Эсхардом на внутреннюю сторону предплечий древние символы. Внезапно знаки начали проявляться. У обрядника поползли на лоб брови.

— Теплого ветра вашим крыльям, — медленно произнес он, не сводя взгляда с черных, похожий на татуировки столбцов. — И — кхм, — сильного потомства!

После многословных поздравлений, как любит мой новоявленный супруг, пересмешник отыскал в ритуальном зале еще одного сильнейшего хищника и проворно по головам проскакал в руки моей матушки. Подозреваю, что она потребует бестию в качестве дара и увезет в Родолесс.

— Почему обрядник таращился? — едва слышно спросила я, когда по лестнице мы поднимались на крышу башни.

— Обычно символы проявляются, когда супруги в первый раз разделяют брачное ложе, — невозмутимо пояснил Эсхард.

— Хочешь сказать, теперь все твои подданные...

— Наши подданные, — мягко поправил он.

— Все знают, что мы грешили до свадьбы?

— Это для кого-то было секретом? — хмыкнул он.

Мы вышли на плоскую крышу без ограждений. Ветер, вовсе не теплый, а вполне себе осенний, трепал фату и подол платья. Солнце практически опустилось за снежные вершины. Перистые облака окрасились розовым цветом, ребристые складки на горных склонах словно заливала расплавленная медь.

Принаряженный город у подножья драконьей горы ожидал первого брачного танца молодоженов. Именно этот полет начинал большой, шумный праздник. Мне предстояло вознестись в засыпающее небо на спине супруга.

— Готова поймать двуликую бестию? — улыбнулся Эсхард.

— Всегда...

Он оставил на моих губах сладкий поцелуй, а когда подошел к краю крыши, я все же прикрыла глаза ладонью. Смотреть, как Эсхард падает с ошеломительной высоты, было страшно. Через два удара сердца раздался шелест крыльев, и я опустила руку. В небо стремительно взмыл мощный медный дракон.

Сделав неспешный круг над городом, он поймал воздушные потоки и плавно направился ко дворцу. Эсхард был прекрасен во второй ипостаси. Я следила за его красивым полетом и понимала, что никогда, никому не отдам своего дракона.

Эсхард нордвей

Эсхард тихо вошел на пустой балкон в лекционном зале Родолесской академии магических наук. Он не приближался к перилам, чтобы Виталия его не заметила. С утра она попросила его не приходить на открытую лекцию, но Эсхард никогда не пропустит триумф обожаемой супруги. Виталия Нордвей — лучший специалист по двуликим бестиям по обеим сторонам гор, и только безумец решится намекнуть, что профессорское звание она получила благодаря влиятельному мужу.

На восходящих рядах не было ни одного свободного места, люди толпились в проходах, но вокруг царила полная тишина. Только голос жены, спокойный и уверенный, возносился к потолочному своду. Она стояла на кафедре, красивая, стройная женщина в строгом костюме. Волосы собраны в сдержанный пучок, лицо абсолютно расслабленно. Три года назад, когда Эсхард впервые увидел Виталию на балконе бального зала, она была столь же прекрасна...

Нового кейрима всегда благословляли пророчицы из древнего храма на острове Итар. Эсхард уже собирался уходить из остро пахнущей благовониями тесной келии, как слепая пророчица цепко схватила его за запястье.

— Кейрим, сокровище придет к тебе в розовом облаке, — пробормотала она скрипучим голосом, словно войдя в транс. — Ты поделишь с ним традиции, захочешь разрушить камень, его поранивший, и уйти ради него в камень. Сокровище не дастся тебе в руки, но только с ним ты познаешь великое счастье. Да будет так!

Он вышел из келии и выбросил из головы полубезумные слова, сказанные точно в горячечном бреду. Спустя десяток лет пришло время подумать о наследнике и найти пару. Подданные ждали, советники недвусмысленно намекали, что холостая жизнь кейрима южных земель сильно затянулась. На северных островах без жены владыкой в принципе было не стать.

При жизни отец говорил, что первый брачный полет стоит совершать лишь с той женщиной, которую хочется похитить и спрятать в сокровищнице. У Эсхарда всегда были любовницы. Ярран

Элори открыто предлагал отдать кейриму младшую сестру, красивую, как картинка, юную Данри. Но ни одна из этих женщин не пробуждала в Эсхарде древний как мир инстинкт, заставляющий драконов присваивать сокровища.

Он решил, что совет покойной матери найти невесту в Родолессе, неплох. И кажется, сама судьба вела его на балкон королевского дворца, где пряталась от толпы темноволосая хорошенькая девушка в розовом платье. После глотка отвратительного пойла в памяти Эсхарда невольно всплыло давнее пророчество...

А потом Виталия Егорьева с дружелюбно-нейтральной улыбкой послала его в за... задевать крыльями облака. Кейрим южных драконов был по-настоящему заинтригован.

— Завтра я хочу знать о ней абсолютно все, — бросил он Илайсу.

— Мерки от портного тоже? — с привычным сарказмом протянул помощник.

— Неплохая идея, — одобрил Эсхард.

В середине следующего дня в роскошную гостиную гостевого дома, полностью арендованного дворцом для немногочисленной делегации из Хайдеса, принесли кожаную папку с досье. Самое ироничное, что женщина, вызывающая у кейрима драконов лихорадочное желание узнать ее прошлое и настоящее, оказалась профессиональным бестиологом во втором поколении.

Эсхард усмехнулся.

— Что тебя позабавило, мой кейрим? — протянул Илайс, успевший пару раз приложиться к пресловутой золотой фляге. — Ты выяснил, сколько у нее было мужчин?

— Ты знал, что в Родолессе драконов описывали в учебниках о двуликих бестиях? — хмыкнул он.

— Они всегда считали нас варварами, — согласился Илайс.

— Виталия Егорьева бестиолог.

Она оказалась старше, чем выглядела. Носила шрамы, заводила отношения с мужчинами, попала в скандал с ректорским сыном. Досье рассказало все секреты.

— Запалите огонь, — приказал кейрим огненному магу, с которым всегда путешествовал.

В камине заплясало магическое пламя. Эсхард внимательно изучал страницу за страницей и бросал в огонь. Бумага мгновенно

превращалась в пепел.

— Ты разочарован? — протянул Илайс, наблюдая за ритуальным сжиганием.

— Я женюсь на ней, — ответил он. — Призовите лучшую сваху этого королевства.

И Виталия Егорьева ему отказала. Снова! Вернула сваху с дарами. Никто и никогда не отказывал кейриму южных драконов. Внутри Эсхарда вспыхнул жгучий интерес.

Он лично приехал в провинциальное поместье Егорьевых. Обстановку не заметил, а видел лишь молодую женщину, с ироничной улыбкой предложившую ему — владыке! — лететь с теплым ветром из ее налаженной жизни. Желание похитить независимую, непокорную ведьму ослепило, но забрал только шпильку. И не закрыл за собой дверь.

Эсхард всегда гордился выдержкой, но, как безумец, в чужом королевстве ранним утром обратился в дракона. Он отыскал Виталию, и только теплый ветер знает, каким усилием воли вернулся в столицу Родолесса, а не во дворец, поближе к сокровищнице. С будущей женой в лапах.

— Виталия должна приехать в Хайдес, — разглядывая из окна гостиной людную улицу, проговорил Эсхард. — Скажите королю, что мы открыты и готовы принять родолесских магов...

Сейчас, три года спустя, владыка южных драконов с легкостью мог назвать миг, когда инстинкт обладания сменило желание защищать. Наплевав на приказ кейрима, Виталия боролась с двуликим кейробом. На равных. Наверняка победила бы, но Эсхард вмешался в схватку. И получил ментальную пощечину.

Никогда он не позволял себе поднять голос на женщину, не бесился от невозможного упрямства, не испытывал желания спорить и доказывать. В тот момент, когда аргументы закончились, он по-мужски закрыл рот Виталии поцелуем и осознал ироничную вещь...

Не он заманил бестиолога в сети, а бестиолог пленил двуликую бестию. Навсегда. Пока он, Эсхард Нордвей, владыка южных земель, Тихого моря и шести островов, не уйдет в камень.

Эпилог

В тринадцатый день рождения драконы пробуждали вторую ипостась. Ритуал был прост: после благословения любимое чадо сигало с обрыва и превращалось в дракона. Первый полет, восторг ликующих зрителей, дары, поздравления... Обычно драконы обретали ипостась в обстановке попроще, но Эйнар был будущим кейримом, хранителем древних традиций Хайдеса. Сидя рядом с мужем за праздничным столом, я не стеснялась отпаивать себя успокоительным бренди.

Гости с большим воодушевлением говорили тосты, желали Эйнару теплого ветра, чудесного полета, огненной магии и всего того, что в тринадцать лет хотят юные отроки. Учитывая, что его закадычный приятель, сын Илайса и Ольги, обратился еще год назад, Эйнар изнемогал. Сын не брал в расчет, что приятель упал с крыши, и превратиться в дракона было вопросом выживания.

Подозреваю, Эйнар торопился из-за Алисии Лунецкой, удивительно похожей на свою мать Данри. Однажды он заявил, что обретет крылья и немедленно украдет эту красивую девицу. Наплевать, что она на четыре года старше. Я искренне попросила сына не делать нас с Лунецкими родственниками. Алисия прекрасна, спору нет, но ее папенька...

— Мой кейрим! — Ян, за последние годы набравший вес и потерявший две трети пышной шевелюры, степенно поднялся из-за стола. — У нас есть подарок для вашего сына!

— Сейчас картину всучит, — едва слышно прокомментировала я.

— Мы это вынесем, — столь же тихо ответил Эсхард.

В нашем дворце был целый зал, посвященный творчеству Янгеля Подлунного, знаменитого художника из Родолесса. Он дарил картины каждый раз, когда появлялся в Хайдесе. Раз в полгода они с супругой и дочерью навещали семейного изгнанника на острове Элори, а нам привозили живопись.

— Портрет наследника семьи Нордвеев! — объявил Ян.

Слуги внесли в зал картину и повернули к зрительному залу. С холста на нас смотрела копия Эйнара, рыжеволосого, конопатого и

очень серьезного будущего бестиолога. Не огненного мага, как пророчил отец! У мальчика мать — профессор бестиологии, я обязана передать знания следующему поколению! Недавно Эйнар поймал свою первую виверну... Эсхард не знает.

— Смотри-ка, похож! — искренне удивилась я.

— Благодарю, господин Лунецкий, — довольно кивнул владыка.

— Эйнар, я тоже приготовил тебе подарок, — с нахальным видом заявил Илайс, ни капли не изменившийся за последние годы. — Виверну, которую ты поймал на острове Сарват, привезут во дворец завтрашним утром. Ты сможешь ее приручить.

— Серьезно? — с горящими глазами воскликнул сын. — Мама ведь не разрешила!

— Мужчинам не стоит обо всем докладывать матери, — широко улыбнулся злодей всей моей жизни, а не драгоценный друг. Понятия не имею, как Ольга все эти годы счастливо жила с этим исчадием драконьего ада и не начала говорить исключительно бранными словами.

Зал наполнился одобрительным гудением.

— Ты потащила парня на охоту? — сдержанно уточнил Эсхард. — На виверн?

— Да какая охота? — поморщилась я. — Так, по лесу прогулялись, а тут виверна из кустов выскочила. Не пропадать же добру.

Между нами повисла пауза.

— Когда? — вкрадчиво спросил муж.

— Когда ты был на северных островах, — призналась я.

Эсхард выразительно кашлянул, забрал из моих рук бокал с бренди и сделал глоток.

— С другой стороны, сегодня он обретет крылья, — вымолвил он.

Бокал перекочевал ко мне...

На закате, в час, когда проводили все сокровенные обряды, мы поднялись в ритуальную башню. В тесный зал набилась толпа, но гости смолкли, стоило заговорить обряднику. Он благословил нашего с Эсхардом сына на первый полет.

Повезло, что ненаглядная бабушка не приехала на праздник. Семейство Лизы готовилось к пополнению. В пятый раз. Наша маменька не захотела надолго отлучаться из дома, но возмущенное

письмо о варварских порядках в драконьих семьях вместе с поздравлениями прислать не забыла. В углу листа трогательно отпечаталась маленькая лапа пересмешника. С бестией мама не рассталась, много лет жила душа в душу.

— Пора, — кивнул Эсхард, призывая сына на крышу башни.

Под огромным закатным небом мы были втроем. Теплый ветер трепал рыжие волосы Эйнара, надувал на спине простую рубаху из льняного полотна. Сын стоял на краю, сжимал кулаки и не мог решиться. Я едва удерживала себя на месте, чтобы не сгрести его в охапку и просто стащить по лестнице вниз. Без всяких полетов. От паники хотелось плакать.

— Не могу, — в отчаянье покачал он головой.

Эсхард приблизился к мальчику и мягко обнял его за плечи.

— Я здесь, — проговорил он. — Полетим вместе.

— Так можно? — Эйнар посмотрел на отца.

— Конечно, — согласился тот. — Знай, что я всегда буду рядом, сын.

На два удара сердца я закрыла глаза ладонью. Раздался шелест крыльев. В небо стремительно воспарили два медных дракона.

Вот и закончилась история Виталии Егорьевой, упрямого бестиолога во втором поколении, и Эсхарда Нордвеля, владыки южных драконов. Она открывает серию однотомников "Драконовы невесты", и я готова вас пригласить в новую историю! Эмилия Власова, учитель иноземных языков, которую по ошибке похитил младший брат главного героя, и Зорн Риард, владыка равнинного Авиона, ждут вас в книге "Трудности перевода с драконьего".